

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4

Том 4. История

Санкт-Петербург
2011

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4 (Том 4) 2011
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

П. Д. Николаенко

В. П. Кочубей – полномочный министр России в Турции 7

Якуб Гази Ибрагим

Национальная политика СССР в Иране и ее влияние
на развитие демократического движения
в Иранском Курдистане после Второй мировой войны 19

Р. А. Садыгов

Основные аспекты геостратегии
и экономической политики Евросоюза на Южном Кавказе 26

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Н. Ю. Бринюк

Боевая деятельность В.О. Каппеля и войсковых соединений
под его командованием в оценках противника 33

И. И. Хеорхе

Роль художественной самодеятельности и организации
культурного отдыха личного состава Северного Флота
в укреплении морального духа краснофлотцев 41

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

В. Н. Скворцов, А. М. Сударинов

Некоторые проблемы советского производства тротила
накануне и в годы Великой Отечественной войны 53

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В. С. Сидорова

Родители и дети: причины бытовой преступности
в Российской империи во второй половине XIX в. 65

Л. В. Шевнина

Женские воспитательно-исправительные заведения
для несовершеннолетних преступниц в России
(конец XIX – начало XX в.) 75

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Россохина

Решение земельного вопроса при освобождении крестьян
в Остзейских губерниях в 1816–1819 гг. 82

С. Г. Шустов

Эволюция землевладения на Урале в конце XIX – начале XX в. 89

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Е. П. Макаров

Проблема коррупции в финансовой
и политико-административной системах Англии 1760–1780 гг..... 97

ЭТНОГРАФИЯ

Т. М. Шавлаева

Архаические черты в традиционном наборе
пищевых продуктов чеченцев..... 106

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О. С. Головина

Основные концепции представления памятников культуры
в фотографии на материале русской фотографической
периодики (1859–1918 гг.)..... 114

М. Г. Степанов

Современная отечественная историография
«военного заговора» в Красной армии
периода «большого террора» в СССР 124

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

И. А. Тропов

Доклад Военно-революционной «тройки»
Псковского уезда (30 июня 1919 г.)..... 132

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. В. Гостенков

Кайзер Вильгельм II как верховный главнокомандующий
в Первой мировой войне. Источники из военного окружения
кайзера 1914–1918. Обработка Хольгера Аффлербаха 139

П. Ю. Юдин

Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть
в России (февраль – октябрь 1917 г.)..... 147

Сведения об авторах..... 150

Contents

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

P. D. Nikolaenko

V. P. Kochubey – the proxy minister of Russia in Turkey 7

Yakub Gazy Ibragim

USSR's national policy in Iran and its influence on development
of democracy in Iran Kurdistan after the Second World War..... 19

R. A. Sadygov

Key aspects of the geostrategy and economic policy
of the EU in South Caucasus 26

MILITARY HISTORY

N. Yu. Brinyuk

Combat activities of V.O. Kappel and military units under
his command in the estimates of the enemy..... 33

I. I. Heorhe

The role of amateur organizations and cultural experience
of personnel of the Northern Fleet in strengthening
of the Red Navy men's morale 41

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

V. N. Skvortsov, A. M. Sudarikov

Some of the problems of soviet production of TNT before
and during World War II..... 53

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

V. S. Sidorova

Parents and children: reasons of household criminality
of Russia in the second half of 19th century 65

L. V. Shevnina

Women's educational and correctional institutions for
juvenile offenders in Russia (end of XIX – early XX centuries) 75

AGRARIAN HISTORY

A. V. Rossohina

The decision of the land issue during the liberation of the peasants
in the Baltic provinces in the 1816–1819 years..... 82

S. G. Shustov

The evolution of landowning in the Ural in the end
of the 19th – the beginning of the 20th century..... 89

PROBLEMS OF UNIVERSAL HISTORY

Eg. P. Makarov

The problem of corruption in the financial, political and administrative systems in England 1760–1780..... 97

ETHNOGRAPHY

T. Shavlaeva

Archaic feashers in traditional food of chechens 106

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

O. S. Golovina

The fundamental concepts of representing cultural artifacts in photography based on Russian photographic periodicals (1859–1918) 114

M. G. Stepanov

Modern domestic historiography «military coup» in the Red Army period of the «great terror» in the USSR 124

PUBLICATION OF DOCUMENTS

I. A. Tropov

"Report of the Military Revolutionary triple of Pskov district" (June 30, 1919)..... 132

SUMMARIES AND REVIEWS

A. V. Gostenkov

Kaiser Wilhelm II as the supreme commander of the First World War. Sources of military encirclement of Kaiser 1914–1918. Processing Holger Afflerbah. Munich 139

P. Yu. Yudin

Tropov I. A. Revolution and Province: Local authorities in Russia (February – October 1917)..... 147

About authors 150

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(47)«1792/1798»:327.82(560)

*П. Д. Николаенко**

В. П. Кочубей – полномочный министр России в Турции

В статье на базе опубликованных и архивных документов впервые освещаются малоизвестные страницы деятельности В.П. Кочубея на посту полномочного министра России в Турции.

In article on the basis of the published and archival documents little-known pages of activity of V.P. Kochubey on a post of the proxy minister of Russia in Turkey for the first time are shined.

Ключевые слова: Екатерина II, Павел I, Кочубей, чрезвычайный посланник и полномочный министр, Царьград, Порта, султан Селим III.

Key words: Catherine II, Pavel I, Kochubey, the proxy minister, Tsargrad, Port, the sultan Selim III.

Возвратившийся в июле 1792 г. из-за границы В.П. Кочубей был тепло принят двором и высшим петербургским обществом. Он часто выезжал в свет, посещал Зимний дворец, где встречался с приближенными Екатерины II. Ему удалось завоевать расположение самого цесаревича Павла Петровича, который пригласил В.П. Кочубея в Павловск, где познакомил с сыновьями Александром и Константином.

В эти июльские дни Екатерина II, наблюдая за В.П. Кочубеем, изучая мнения о нем окружающих, а также беседуя с А.А. Безбородко, решила назначить племянника последнего на дипломатическую работу.

11 октября 1792 г. был подписан указ о назначении В.П. Кочубея чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополь [11. Оп. 6. Д. 256. Л. 13]. В этот знаменательный день ему не исполнилось еще и 24 лет.

Для возобновления дипломатических отношений между Россией и Турцией Ясским мирным договором (29.12.1791 г.) предусматривался обмен торжественными посольствами. Екатерина II своим указом от 26 октября 1792 г. для обмена торжественными посольст-

* **Николаенко Петр Дмитриевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, заслуженный работник Высшей школы РФ.

вами назначила чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь генерал-поручика М.И. Голенищева-Кутузова [7. Т. 1, с. 189].

Такое назначение вызвало необычайное удивление в высших кругах России. В.П. Кочубей в письме российскому послу в Лондоне С.Р. Воронцову сообщал, что «никто не ожидал такого выбора», ибо «никогда его не видели использованным в делах политических» [7. Т. 1, с. 189].

Предложив сорокапятилетнему М.И. Кутузову возглавить дипломатическую миссию в Турцию по обмену торжественными посольствами, императрица учла не только его жизненный опыт и полководческие успехи в последней русско-турецкой войне, но и проницательность и гибкий ум генерала, хитрость и осторожность в разговорах и поступках. В ходе бесед с ним во время аудиенций Екатерина II окончательно убедилась в том, что М.И. Кутузов «есть тот самый человек ..., который выполнит поручения ее во всей точности и соответственно ее ожиданиям» [13, с. 14].

М.И. Кутузову – дипломату, помимо обширных обязанностей посла, предстояло изучить внутривнутриполитическую обстановку в Турции, проверить достоверность поступающей информации о ее военных приготовлениях.

Вначале отъезд В.П. Кочубея в Турцию планировался до приезда туда посла, дабы, как сообщал А.А. Безбородко своей матери, «он мог познакомиться с землей, где служить будет» [6. Т. 1, с. 481].

Однако обстоятельства изменились. В.П. Кочубею было приказано ехать к месту службы через Вену, где сделать остановку до особого распоряжения. В декабре 1792 г. В.П. Кочубей выехал из Петербурга и в январе следующего года прибыл в столицу Австрии.

Императрица, оберегая молодого дипломата от всяких случайностей, запретила ему появляться в Константинополе раньше прибытия туда российского посольства. Пребывание В.П. Кочубея в Вене продлилось больше года. Повинуясь монаршей воле, В.П. Кочубей остановился при российском посольстве, где стал знакомиться с условиями работы его сотрудников, общаться с опытными дипломатами, в частности, с российским послом Андреем Кирилловичем Разумовским, его бывшим наставником в Стокгольме, вести переписку с членами Коллегии иностранных дел и русским посольством в Англии.

Медленное продвижение посольства М.И. Кутузова в Константинополь стало причиной недовольства В.П. Кочубея, который начинал тяготиться своим неопределенным положением. О том, что М.И. Кутузов продвигается с «непостижимой медлительностью», В.П. Кочубей сообщал С.Р. Воронцову в письме от 20 июня 1793 г., которое заканчивает неутешительным прогнозом: «Если он продол-

жит путь таким же образом и продолжит свое пребывание в Константинополе, а это вероятно, учитывая интерес, который он там обнаружит, я боюсь остаться на улице без дела еще на год, а, возможно, даже на больший срок» [2. Кн. 14, с. 10].

В.П. Кочубей ненамного ошибся в своих предположениях. Почти полгода потребовалось российскому послу, чтобы добраться к месту назначения. Только 26 сентября 1793 г. М.И. Кутузов во главе посольства торжественно въехал в столицу Оттоманской Порты.

Во время аудиенции султан Селим III, приняв верительную грамоту Екатерины II, заверил посла в том, что Турция подтверждает все обязательства Ясского мира.

Завоевав доверие самых влиятельных чиновников в султанском окружении, М.И. Кутузов за короткий срок своей дипломатической миссии в Константинополе добился заметного укрепления позиций России в данном регионе; сумел предотвратить реальную угрозу новой войны с Турцией и расстроить планы ее вмешательства в решение польского вопроса; нейтрализовать действия английских и французских дипломатов по разжиганию среди правящих кругов Порты антирусских настроений; защитить торговые интересы России в Турции и Средиземном море.

Убедившись из донесений своего чрезвычайного посла М.И. Кутузова в наступлении заметной стабилизации в русско-турецких отношениях и политической обстановки в Турции, Екатерина II разрешила В.П. Кочубею выехать из Вены в Константинополь.

Получив, наконец, долгожданное позволение, В.П. Кочубей выехал из Вены во второй половине января и 10 февраля 1794 г. прибыл в Константинополь, преодолев путь в экипаже за минимальное время – 24 суток, что вызвало большое удивление сотрудников посольства [7. Т. 1, с. 315]. Для сравнения, русское посольство М.И. Кутузова ехало от границы (Дубоссары) до места назначения вместо положенных 60 суток 114 дней [9, с. 118].

Прибыв в Порту, где находилось российское посольство, В.П. Кочубей при содействии М.И. Кутузова 18 февраля 1794 г. получил аудиенцию у верховного визиря Мелен Мегмед Паши. Встреча проходила в торжественной обстановке. В.П. Кочубей произнес речь на русском языке: «...Государыня соизволила назначить меня для постоянного пребывания при дворе его султанского величества в качестве ее чрезвычайного посланника и полномочного министра, высочайше указать мне изволила подтвердить о неперменном намерении ее сохранить дружбу между двух высоких империй существующую ... Я за честь почту в течение служения моего приобретать приязнь и доверенность вашего сиятельства. Первым долгом своим поставлю наиприлежнейше стараться о сохранении доброго согласия между обеими высокими империями» [1. Оп. 8. Д. 784. Л. 7]. За-

тем речь В.П. Кочубея перевели на турецкий язык. Верховный визирь свое ответное слово произнес на своем родном языке, которое было переведено переводчиком Порты на французский язык.

К двум часам дня торжественный прием был окончен. Через два дня состоялась аудиенция у султана Селима III. 21 февраля 1794 г. в 5 ч утра В.П. Кочубей со свитой отправился во дворец султана. Перед домом Селима III свита перестроилась в один ряд и стала ждать верховного визиря, который ровно через три минуты появился и пригласил на парадный обед, который состоялся в зале дивана.

Затем облаченного в дорожную шубу В.П. Кочубея и 10 человек, назначенных из состава его свиты, повели на встречу с султаном в аудиенц-залу. В центре большой залы, увешанной дорогими коврами, стоял великолепный, усыпанный драгоценными камнями трон, на котором сидел султан Селим III. Полномочный министр России трижды поклонился султану и, встав на свое место, произнес речь. В.П. Кочубей заверил султана в «искреннем намерении ее императорского величества сохранить твердо и нерушимо мир, доброе согласие, дружбу, возобновленными между обеими высокими империями, заключенными высочайшими ратификациями, утвержденным мирным трактатом». В заключение полномочный министр заявил о том, что он будет считать за великое счастье иметь «случай предстать пред вашим султанским величеством и еще почту усугубленным, если удостоюсь заслужить ваше благоволение и милость» [1. Оп. 8. Д. 784. Л. 10 об.]. Свою аудиенцию у султана В.П. Кочубей закончил тремя поклонами и, пятась назад, вышел из залы спиной.

В.П. Кочубей остался доволен приемом. Селим III принял его с таким почетом, с каким не принимал ни одного иноземного министра. Виктор Павлович в реляции на имя Екатерины II от 5 марта 1794 г. писал, что у султана «все происходило с уважением должным характеру министра вашего величества» [1. Оп. 8. Д. 784. Л. 10 об.].

До своего отъезда М.И. Кутузов ввел полномочного министра в курс всех посольских дел, и 11 марта 1794 г. М.И. Кутузов на отпускной аудиенции у султана получил разрешение на обратный путь по суше опять к Дубоссарам, а затем в Санкт-Петербург.

После отбытия М.И. Кутузова положение молодого В.П. Кочубея в Порте на первых порах было нелегким.

Как дипломат В.П. Кочубей придерживался стратегической цели российской внешней политики, разработанной Н.И. Паниным, А.А. Безбородко и др., т. е. «национальной системы, основанной на пользе России», добивался, чтобы «все державы дорожили ее дружбой» [5, с. 150].

В этом русле протекала вся дипломатическая деятельность российского посланника, главная цель которой сводилась к тому, чтобы не допустить втягивания Порты в новое военное столкновение с Россией и заставить ее строго соблюдать Ясский мирный договор.

Задачи, возложенные на посольство, приходилось решать в условиях преобладания антирусских настроений не только среди населения, но и части правящих кругов Турции. Кроме того, В.П. Кочубей постоянно сталкивался с происками послов европейских стран, стремившихся не допустить усиления влияния России на Балканах и в Средиземном море. Особенно энергичные действия проявляла республиканская Франция, намереваясь расколоть первую антифранцузскую коалицию, созданную Англией, и выйти из политической изоляции.

Препятствовали работе российского посольства в Константинополе и послы Великобритании, Швеции, а порой и Австрии, ведя двойную игру.

В столь сложной обстановке В.П. Кочубею все же удавалось, играя на противоречиях между европейскими дипломатами, проявляя выдержку и терпение, хитрость и лесть, пресекать их происки, собирать необходимые для защиты интересов своей страны сведения. Его информация, поступавшая в Санкт-Петербург, всегда отличалась достоверностью и оперативностью, что позволяло российскому правительству своевременно принимать необходимые ответные меры. От русского министра в Турции регулярно поступали депеши на имя Екатерины II, в адрес Коллегии иностранных дел, председателя Черноморского адмиралтейского правления вице-адмирала Н.С. Мордвинова. Руководитель русского посольства в Турции был обязан информировать командовавших сухопутными войсками на юге России А.В. Суворова и И.В. Гудовича. Постоянная переписка велась между В.П. Кочубеем и начальником Черноморского адмиралтейского правления Н.С. Модвиновым, из которой последний получал информацию о возможных провокациях со стороны Турции.

В течение лета 1794 г. от В.П. Кочубея в Санкт-Петербург поступала тревожная информация об угрозе новой войны между Турцией и Россией. В возникновении и распространении такого рода слухов большую роль сыграли французские и шведские дипломаты, активно муссировавшие действия российского правительства по приведению Черноморского флота и Черноморской береговой линии в состояние готовности к войне.

Виктору Павловичу приходилось не раз по инициативе турецкой стороны встречаться с султаном Селимом III и его ближайшим окружением и прилагать немалые усилия, чтобы не только развеять

их опасения, но и убедить в мирных намерениях России. Всегда приветливый и любезный, с мягкими манерами, вежливый в обращении, хорошо знающий историю политических отношений в Европе, В.П. Кочубей сумел завоевать особое уважение у султана, который часто и с интересом беседуя с ним, заверял, что турецкая сторона не начнет новую войну против России.

Стремясь как можно быстрее успокоить русский двор, министр В.П. Кочубей в своих донесениях, направленных в мае – июне адмиралу Н.С. Мордвинову, приводил факты, которые подтверждали неготовность турок к войне, по крайней мере, до осени [3, с. 563, 565]. А в донесении, которое было получено Н.С. Мордвиновым в начале июля 1794 г., В.П. Кочубей уже сообщал об улаживании «дел с Портой Оттоманскою с желаемым успехом и обнадеживающим продолжением с оною мира» [10. Оп. 1. Д. 19. Л. 70 об.].

Российскому посланнику приходилось много заниматься так называемым польским вопросом, который крайне обострился в связи со вторым и третьим разделом Польши. В русско-турецких отношениях польский фактор играл немаловажную роль. На розыгрыш этой карты рассчитывала Франция, Швеция и Дания. В случае войны России с Турцией Польша могла оттянуть на себя часть русских войск, в частности Украинскую армию под командованием М.В. Каховского, которая дислоцировалась на ее территории.

3 ноября 1795 г. В.П. Кочубей в секретном послании С.Р. Воронцову с горечью констатировал, что «польские дела ... немало нам навредили, и следует признаться, что сейчас нет ... державы, искренно добра нам желающей» [2. Кн. 18, с. 99].

Однако активная дипломатическая деятельность В.П. Кочубея заметно охладила интерес официальных кругов Порты к политическим спекуляциям вокруг польских дел и сохранила мирные русско-турецкие отношения. Этому в немалой степени способствовал оборонительный союзный договор, заключенный между Англией и Россией 18 февраля 1795 г. Согласно договору на случай войны Англия выставляла 12 линейных кораблей с вооружением и личным составом, а Россия – 10 тысяч пехоты и 2 тысячи конницы. Допускалось вместо войска и вооружения выделять ежегодно по 500 тыс. руб. на нужды войны [4, с. 154].

На протяжении четырех лет дипломатической службы в Порте В.П. Кочубею приходилось много времени и сил тратить на защиту торговых интересов своей страны в Турции и Средиземноморье. Согласно торговому договору 1783 г. русские купцы платили в пределах Турции пошлину на привезенный товар в 3 % [8, с. 939–956], что было значительно меньше налога, установленного для коммерсантов других стран. Такая льготная пошлина на русские товары вызывала, прежде всего, недовольство Англии. Ее посол в

Константинополе Энсли настаивал на ужесточении султанским правительством торгового тарифа с Россией. Инициатива английского посла Энсли не увенчалась успехом. А вот российскому министру В.П. Кочубею впоследствии удалось добиться изменения торгового тарифа в интересах русских купцов, получив согласие султана Селима III на то, чтобы вновь присоединенные к России польские области в уплате торговых пошлин были уравнены с остальными российскими территориями [15, с. 18].

Виктору Павловичу приходилось отстаивать безопасность плавания российских торговых судов в Черном и Средиземном морях. Провокационные действия французских фрегатов на море вынуждали российского министра в своих донесениях постоянно напоминать об этом. Именно своевременная информация российского посольства из Константинополя позволяла Санкт-Петербургскому кабинету оперативно принимать решительные меры по обеспечению безопасности торговых судов России.

Главным итогом первого года деятельности камер-юнкера В.П. Кочубея в Константинополе явилось то, что он сумел заметно упрочить позиции Российской империи на Черном и Средиземном морях и предотвратить реальную угрозу новой войны с Турцией, а также не допустить признания Портой республиканской Франции. И хотя весной 1795 г. такое признание все же состоялось, тем не менее, Турция публично заявила, что войны она не начнет и будет неукоснительно соблюдать Ясский мирный договор.

В Санкт-Петербурге были весьма довольны результатами деятельности В.П. Кочубея. Об этом неоднократно сообщал член Коллегии иностранных дел Ф.В. Ростопчин С.Р. Воронцову. «Здесь очень довольны Кочубеем, который не щадит своих трудов», – писал Ф.В. Ростопчин в Лондон 28 мая 1794 г. [12, с. 115].

Императрица Екатерина II по достоинству оценила результаты первого года дипломатической деятельности В.П. Кочубея в Турции. На новый 1795 г. он получает звание действительного камергера Двора (приравнявалось к воинскому званию полковника – прим. авт.), а 22 сентября того же года был удостоен ордена св. Владимира II степени.

Но сам В.П. Кочубей от этих наград не получает должного удовлетворения. Он начинает тяготиться службой в чужих краях. Весной 1796 г. в письмах своим друзьям (С.Р. Воронцову, Ф.В. Ростопчину) В.П. Кочубей впервые заявляет о намерении оставить вообще службу или же покинуть Константинополь. Для этого, на наш взгляд, у него имелись веские причины. Прежде всего, двор и Коллегия иностранных дел, в том числе и родной дядя А.А. Безбородко, не баловали вниманием молодого дипломата. В письме С.Р. Воронцову от 28 июня 1796 г. он с грустью пишет: «уже десятый месяц не

имею я никаких известий» от А.А. Безбородко и его товарищей [2. Кн. 14, с. 23].

Угнетало В.П. Кочубея и то, что по службе ему часто приходилось разрешать вопросы, связанные с пограничными столкновениями, нередко возникающими по вине российских начальников. Тяготился министр и тем, что был вынужден постоянно заниматься торговыми делами, хотя он решал их добросовестно и весьма эффективно. Как результат товарооборот между Россией и Турцией вырос с 1.344.376 руб. в 1794 г. до 2.168.126 руб. в 1796 г., т. е. на 38 %. При этом в торговле был достигнут активный баланс для России. Так, например, в 1796 г. в Порту было ввезено российских товаров на 1.120.493 руб. 40 коп., а вывезено из Константинополя только на 570.129 руб. [1. Оп. 8. Д. 809. Л. 29-32; Оп. 1. Д. 1284. Л. 118, 123].

Наконец, в Константинополе В.П. Кочубей постоянно испытывал приступы подагры, которая доставляла ему страдания на протяжении всей жизни. В феврале 1796 г. В.П. Кочубей в письме Ф.В. Ростопчину, жалуясь на плохое здоровье, заявлял о том, что будет проситься в отпуск для поездки на воды и предлагал последнему занять должность в Константинополе [12, с. 401].

Все это, естественно, угнетало молодого министра, обостряя чувство одиночества. Поэтому для В.П. Кочубея переписка с друзьями и близкими явилась не только важнейшим средством связи и источником информации, но и единственным каналом общения и способом моральной поддержки. Анализ различных документов, особенно писем из «Архива князя Т.С. Воронцова», показывает, что В.П. Кочубей, находясь в Турции, вел активную переписку с цесаревичем Павлом Петровичем и великим князем Александром Павловичем, с братьями графами С.Р. и А.Р. Воронцовыми, Ф.В. Ростопчиным, Н.С. Мордвиновым. По долгу службы обменивался информацией с полководцами, прославившими военную мощь России: П.А. Румянцевым и А.В. Суворовым (В.П. Кочубеем в их адрес отправлено 63 письма), с генерал-фельдмаршалом И.В. Гудовичем, с российскими дипломатами, работавшими в европейских странах. По далеко неполным данным В.П. Кочубей за время пребывания в Константинополе отправил различным корреспондентам 1603 письма служебного характера [1. Оп. 8. Д. 865. Л. 125–130 об.].

Доверительные отношения сложились у В.П. Кочубея с великим князем Александром Павловичем. Письма Александра передавались через его воспитателя А.Я. Протасова дяде В.П. Кочубея, который специальными курьерами доставлял их племяннику в Турцию.

Таким образом, в период дипломатической службы В.П. Кочубея в Турции между ним и будущим императором России Алексан-

дром окончательно сложились доверительные отношения, которые переросли в дружбу двух молодых людей, мечтавших о коренных изменениях в стране.

В 1796 г. В.П. Кочубей три раза просит об отставке с поста чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе [2. Кн. 14, с. 121]. Однако внезапная смерть императрицы и воцарение Павла I, который по признанию В.П. Кочубея «будучи великим князем, весьма был ко мне милостив» [2. Кн. 18, с. 126], побудило его остаться на своем посту «столько, сколько новый государь пожелает» [2. Кн. 14, с. 122].

Еще будучи цесаревичем, Павел проявлял особое благоволение к В.П. Кочубею, который в переписке с С.Р. Воронцовым признавался в том, что имеет «многие от него ... письма», написанные ему в Константинополь [2. Кн. 18, с. 126]. После первого обстоятельного донесения из Турции на имя Павла I полномочный министр В.П. Кочубей 13 января 1797 г. был назначен членом Коллегии иностранных дел, получил чин действительного тайного советника и удостоен ордена св. Александра Невского [14, с. 277]. Столь высокие награды обязывали В.П. Кочубея терпеливо исполнять свою дипломатическую миссию в Турции, которая продолжалась до лета 1798 г. Его содержательные и подробные депеши, направляемые в адрес государя, воспринимались весьма положительно и вызывали значительный интерес русского двора. Только один раз Павел I был в большом гневе из-за записки В.П. Кочубея, в которой освещались серьезные недостатки в устройстве южных окраин России. «Огонь был большой», сообщал А.А. Безбородко своему племяннику после того, как государь прочитал его записку [15, с. 20].

О своем назначении в Коллегию иностранных дел В.П. Кочубей узнал только в июне 1797 г. На место В.П. Кочубея полномочным министром в Константинополь был назначен Василий Степанович Тамара, который уже служил в Турции в 1775 г. и хорошо знал эту страну. Добиваясь направления В.С. Тамары в Константинополь вместо своего племянника, А.А. Безбородко учитывал при этом не только его высокий профессионализм и превосходную ориентацию в турецких делах, но и родственные связи. По отцовской линии В.П. Кочубей был двоюродным братом В.С. Тамары.

Российское посольство в Турции получило официальное уведомление, что новый полномочный министр В.С. Тамара отправится из Санкт-Петербурга в июле 1797 г. и в сентябре должен прибыть к месту службы.

Однако В.С. Тамара под различными предлогами откладывал свой отъезд и только в конце сентября 1797 г. решил отправиться в

Константинополь. Как выяснилось, главная причина – нежелание ехать в Турцию. Так, спустя семь месяцев после приезда к новому месту службы, В.С. Тамара 27 декабря 1798 г. писал С.Р. Воронцову: «Царьграда, однако ж, как прежде не любил я, так и теперь не люблю» [2. Кн. 20, с. 247].

Весной 1798 г. в Константинополь прибыл, наконец, новый полномочный министр Василий Степанович Тамара, больше года добиравшийся к новому месту службы. 22 марта 1798 г. состоялась прощальная аудиенция в султанском дворце по случаю отъезда В.П. Кочубея на родину. Получив у султана Селима III разрешение на отъезд в Санкт-Петербург, Виктор Павлович нанес прощальные визиты высшим сановникам из султанского окружения.

Российского министра везде принимали тепло и со всеми почестями, высоко оценивая результаты его четырехлетней дипломатической деятельности в Константинополе. На приеме у великого визиря В.П. Кочубей в своей прощальной речи заявил о том, что в день, когда заканчивается служение его в блаженной Порте, он считает не нужным подробно «распространяться об искренней непоколебимой дружбе его императорского величества и всей Империи. Кому лучше как не вам судить можно о том, насколько важно, чтобы узы взаимной дружбы между нашими странами и впредь должны быть основаны на непреложных правилах. Кто из предшественников ваших более прославился управлением своим, как ваше сиятельство, пред кем две державы досель были соперницы, а ныне, забывая прошлую вражду, находятся на искреннейшем положении». «Ваше сиятельство, – продолжал В.П. Кочубей, – можете вообразить, насколько мне приятно произнести вам эти слова. Легко представить вы можете себе и о признательности моей за благосклонность, которой удостоивали всегда меня перед моим министерством». В ответ верховный визирь обратился к отъезжающему министру на французском языке, а не так, как обычно, на турецком, а затем драгоман переводил на язык представляемой страны [1. Оп. 8. Д. 865. Л. 17–17 об.].

В ходе прощальной церемонии у верховного визиря стороны обменялись дорогими подарками. Российский дипломат вручил визирю и его дому подарки и раздал денег на общую сумму 1840 пиастров [1. Оп. 8. Д. 865. Л. 14–14 об, 15–15 об., 16]. От имени визиря В.П. Кочубея вновь облачили в богатую соболью шубу, а его свиту – в кафтаны. При выходе из дворца визиря Виктору Павловичу подвели роскошно убранного арабского жеребца, которых обычно дарят в качестве подарка иноземным гостям, соответствующих рангу министра. На прощальном приеме в турецком ведомстве иностранных

дел рейс-эфенди от имени султана Селима III вручил В.П. Кочубею богатую табакерку с вензелем его величества, что считалось признанием самой высокой чести. Как доносил В.П. Кочубей 1 (12 апреля) 1798 г. императору Павлу I, такой вид награды «чиниться здесь в первый раз ... султан хотел сделать мне отличие, которого ни единый посол прежде не имел» [1. Оп. 8. Д. 865. Л. 4].

В свою очередь В.П. Кочубей вручил подарки султану и другим высшим турецким сановникам. Так, капудан-паша получил овальную синюю табакерку, украшенную бриллиантами и вазою общей стоимостью в 5300 руб. Такая же табакерка стоимостью в 1050 руб. была подарена влиятельному чиновнику из султанского окружения Изак бею и др.[1. Оп. 8. Д. 865. Л. 120]. На всех прощальных приемах вместе с В.П. Кочубеем присутствовал новый полномочный министр В.С. Тамара, как писал Виктор Павлович государю императору «для лучшего введения в дела преемника» [1. Оп. 8. Д. 865. Л. 2 об.].

9 мая 1798 г. успешно закончилась четырехлетняя дипломатическая миссия В.П. Кочубея в Константинополе, он был «отпущен с большим отличием» [6. Т. 2, с. 399].

Передав посольские дела В.С. Тамаре и оказав ему содействие в аккредитации при султанском дворе, В.П. Кочубей в первых числах июня 1798 г. возвратился в Санкт-Петербург.

Все задачи, поставленные перед В.П. Кочубеем, были им успешно выполнены: мир, насколько возможно, сохранен и упрочен; Россия продолжала занимать в Константинополе все такое же привилегированное положение; таможенный тариф остался на прежнем уровне (3%), предусмотренном русско-турецким торговым договором от 10 июня 1783 г.; обеспечена свобода русской торговли в Средиземном море. Более того, в письме С.Р. Воронцову от 27 декабря 1798 г. преемник Кочубея В.С. Тамара отмечал, что благодаря доброму основанию, положенному Виктором Павловичем «турки к нам расположены как лучше быть нельзя» [2. Кн. 20, с. 248].

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел (АВПРИ МИД РФ). Ф. 89; Ф. 90.
2. Архив кн. Воронцова. – М., 1879. Кн. 14; 1880. Кн. 18, 1881. Кн. 20.
3. Архив графов Мордвиновых. – СПб., 1901. Т. 1.
4. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России: в 3-х ч. – М., 1894. Ч. 1.
5. Вел. кн. Николай Михайлович. Русские портреты XVIII–XIX столетий. – СПб., 1905. Т. 1.
6. Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. – СПб., 1879. Т. 1, 2.

7. Кутузов М.И. Сб. документов: в 5 т. – М., 1950–1955. Т. 1. 1950.
8. См. подробнее: Полн. собр. законов Рос. империи (ПСЗ-1). Т. 21. № 15757.
9. Раковский Л. Кутузов: Роман. – Л., 1986.
10. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 239.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1162.
12. Русский архив. 1876. Кн. 3. № 9–12.
13. Цит. по кн.: Синельников Ф. Жизнь военная и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала, князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. – СПб., 1813. Ч. 1.
14. Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. – СПб., 1837. Ч. 1.
15. Чечулин Н.Д. Князь Виктор Павлович Кочубей (1768–1834). Очерк жизни и деятельности. – СПб., 1900.

**Национальная политика СССР в Иране и ее влияние
на развитие демократического движения
в Иранском Курдистане после Второй мировой войны**

В статье рассматривается политика Великих держав (СССР, Великобритании, США) в Иранском Курдистане. Делается вывод о том, что национально-освободительное движение Курдистана, независимость этой республики были принесены в жертву экономическим интересам СССР в Иране.

The article contains information about USSR, USA and Great Britain's policy in Iran Kurdistan. The conclusion made is that the national liberation movement and independence of this republic has been fallen victim to economic interests of USSR in Iran.

Ключевые слова: Иран, Курдистан, Иранский Азербайджан, СССР, национально-освободительное движение, концессии.

Key words: Iran, Kurdistan, Iran Azerbaijan, USSR, national liberation movement, concessions.

Регион Средней Азии и Среднего Востока всегда представлял повышенный интерес для СССР и Великобритании. При этом Лондон стремился, прежде всего, сохранить свои позиции в Иране и Афганистане, а СССР – включить в свой состав те части мусульманской Средней Азии, которые не входили в состав бывшей Российской империи. На протяжении межвоенного периода обе державы утрачивали свои позиции: Британия из-за промедления с выработкой новой тактики в отношении местных националистических тенденций, Советский Союз в связи с компрометацией его политики экспорта революционной идеологии. Место обеих держав стали постепенно занимать фашистская Германия и США, из которых первая полностью утратила свои позиции в ходе Второй мировой войны.

Накануне Второй мировой войны политика Ирана характеризовалась прогерманской ориентацией. Германия пыталась привлечь Иран на свою сторону, предлагая ему военную помощь. Не полагаясь на привлекательность этих предложений для Ирана, германские службы не исключали возможности осуществления в Тегеране прогерманского военного переворота. В августе 1941 г. в Тегеран прибыл шеф германской разведки адмирал Канарис. Правящие круги

* **Якуб Гази Ибрагим**, независимый публицист, г. Вантаа, Финляндия.

Ирана пытались, в свою очередь, совместить одностороннюю ориентацию Ирана на фашистскую Германию с политикой нейтралитета.

Советские и британские службы в Иране, тесно сотрудничая друг с другом, смогли оперативно изменить ситуацию.

Ввиду растущей опасности для советских границ и бездействия иранского правительства СССР после ряда нот в соответствии со ст. 6 советско-иранского договора 1921 г. ввел свои войска на территорию Ирана. Одновременно в юго-западные области Ирана вступили английские войска [6].

В советской ноте от 16 августа 1941 г. отмечалось, что ввод советских войск на территорию Ирана был временной мерой, предпринятой в целях самообороны для того, чтобы предотвратить использование иракской территории гитлеровской Германией в агрессивных целях против СССР и союзных с ним государств [7, с. 160–161].

В январе 1942 г. между СССР, Великобританией и Ираном был подписан тройственный договор на время Второй мировой войны о сотрудничестве в борьбе против фашизма [7, с. 202–206]. В соответствии с этим договором Иран предоставил союзным державам свою территорию для транзитных перевозок в Советский Союз военного снаряжения и материалов. 9 сентября 1943 г. Иран объявил войну Германии, но иранские войска в военных действиях против этой страны не участвовали. Помощь Ирана союзным державам выражалась в транзитных перевозках [3, с. 95].

По договору 1942 г. предусматривалось право союзных держав содержать свои войска на иранской территории. Таким образом, районы на юге Ирана оказались под влиянием английских войск, северный Иран – Иранский Азербайджан и Курдистан – был территорией размещения советских войск. У США не было подобного договора с Ираном, тем не менее американские войска произвольно были введены на территорию Ирана [10, с. 3].

1 декабря 1943 г. на Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав, правительства СССР, США и Великобритании заявили о согласии оказывать Ирану всевозможную экономическую помощь и подтвердили желание сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана.

События, которые развернулись в Иране и вокруг него сразу после окончания Второй мировой войны, непосредственно связаны с борьбой двух тенденций, двух направлений в международных отношениях – прогрессивно-демократической и реакционно-империалистической.

Как уже упоминалось, в 1941 г. на территорию Ирана были введены союзные войска: СССР ввел свои части в районы северного и

северо-западного Ирана, Великобритания – в южные и центральные районы страны. На каждой из этих двух территорий установилось влияние соответственно Советского Союза и Великобритании. Политика двух стран в своей зоне была различной. Если Англия сразу пресекла все демократические движения на юге и в центре Ирана, то СССР старался поддерживать и влиять на развитие демократического движения в зоне своего влияния и в Иране в целом.

В 1941 г. в Тегеране была создана Народная партия Ирана /НПИ/. Ее основали бывшие члены Коммунистической партии Ирана, запрещенной в 1937 г., которые после разгрома партии были брошены в тюрьмы. С отречением Реза-Шаха, поддерживающего связи с Германией, и вводом союзных войск в Иран положение в стране изменилось, и бывшие коммунисты (53 чел.) вышли из тюрьмы [9, с. 12, 17]. На волне революционных настроений от власти на местах была отстранена правительственная администрация. Новая партия имела коммунистическое направление в своей деятельности и активно возглавляла народно-демократическое движение в Иране до начала 50-х гг. XX в. Партия также установила тесные контакты с представителями СССР в Иране.

В зоне влияния СССР на территории Ирана проживали в основном курды и азербайджанцы, стремление к независимости которых из-за сильного национального угнетения со стороны центрального иранского правительства проявлялось особенно мощно. Постепенно в этих районах установилась народная власть в лице родоплеменных вождей и феодальной знати. Во второй половине 1941 г. представителями СССР была приглашена группа вождей курдских племен на встречу с первым секретарем ЦК Компартии Советского Азербайджана – Д. Багировым в г. Баку. Во время этой встречи не было дано никаких установок по поводу дальнейшей борьбы курдов за независимость, представитель СССР ограничился лишь общими разговорами и призывом содействовать и помогать находящимся в Курдистане частям Красной армии [11, р. 23]. Эту позицию СССР можно объяснить тем, что советские представители не видели у курдского народа стремления к подлинному демократическому движению и независимости, рассматривая курдское общество как отсталое, не способное к борьбе за подлинную самостоятельность. Такое мнение у представителей Советского Союза сложилось под влиянием членов Народной партии Ирана, через которых, благодаря сотрудничеству с советскими коммунистами, в СССР поступала основная информация о расстановке политических сил в Иране. Народная партия Ирана рассматривала движение курдов как экстремистское и сепаратистское и отказывала ему в поддержке, особенно после образования и распространения идей организации

«Жизнь Курдистана». Деятельность «ЖК» расценивалась как узко-националистическая.

С другой стороны, не надо забывать и о том, что на позицию СССР во многом влияли и представители Красной армии на территории Ирана, которые не были хорошо осведомлены о курдской проблеме. Поэтому курдам отводилась второстепенная роль в национально-освободительном движении районов, находившихся в зоне влияния СССР. Большая поддержка оказывалась движению в иранском Азербайджане, где особенно прочны были позиции НПИ [1, с. 48]. Следовательно, можно сказать, что с 1941 по 1944 г. никаких серьезных шагов по поддержке движения за независимость в Иранском Курдистане со стороны СССР сделано не было.

С 1944 г. положение меняется. Это было связано с интересами СССР в Иране в связи с совместными советско-иранскими нефтяными разработками на севере страны.

В сентябре 1944 г. заместитель народного комиссара иностранных дел Сергей Кавтарадзе выехал в Тегеран во главе комиссии, включающей специалистов по нефти. Официальной целью этого визита было объявлено обследование состояния бывшей совместной концессии Кевир-Хурлан, но имелись все основания предполагать, что советское правительство намеревалось теперь воспользоваться предложением Ирана, сделанным в 1941 г., о переговорах в отношении новой концессии. Совершив поездку на север страны, Кавтарадзе официально предложил иранскому правительству предоставить СССР концессию, охватывающую все пять северных иранских провинций. Изыскательные работы уже были проведены на всей территории Северного Ирана.

Но правительство Ирана отказалось от этого предложения. В конце сентября 1944 г. в Тегеране членами НПИ была устроена демонстрация под лозунгами «Правительство в отставку!», «Дать согласие на предоставление нефтяной концессии СССР!». Показательно, что демонстрация проходила под охраной советских солдат [8, с. 134–147].

Позднее, 2 декабря 1944 г., был принят закон о запрещении сдавать нефтяные концессии и вступать в переговоры по этому вопросу до окончания войны. Впрочем, английская концессия в Иране продолжала существовать.

После такого поворота событий в отношениях между Центральным иранским правительством и СССР последний изменил свое отношение к демократическому движению в Иранском Курдистане. Советский Союз пошел на более тесное сближение с представителями курдского демократического движения. Так, генерал С. Атак-

шов¹, политический представитель Советского Союза, в беседе с Кази Мухаммедом высказал мнение о том, что настало время поехать в СССР и обсудить дальнейшую судьбу Курдистана [11, р. 45].

Была собрана делегация представителей курдского народа во главе с Кази Мухаммедом, и в начале 1945 г. она прибыла в Баку, где была тепло встречена первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана С. Багировым, который в своей речи, посвященной курдской проблеме, отметил, что организация «ЖК» не является настолько мощной, чтобы возглавить движение курдов. Нужна сильная Демократическая партия Курдистана, способная стать лидером в освободительной борьбе курдского народа [11, р. 45]. В целом, однако, С. Багиров отводил второстепенное место курдскому движению, считая, что более важна борьба за независимость в Иранском Азербайджане, где, по его мнению, созрели для этого более серьезные предпосылки. Он призвал курдских представителей выступать единым Фронтом с иранскими азербайджанцами в борьбе за независимость Азербайджана. После получения независимости последним и должен был решаться вопрос о курдской автономии [11, р. 44]. За этой позицией скрывалось стремление усилить влияние на Иранский Азербайджан и в конечном итоге объединить две территории Азербайджана. Но представители курдского народа не согласились с таким предложением. Признавая и поддерживая борьбу иранских азербайджанцев, курды хотели самостоятельно решать свою дальнейшую судьбу. 16 августа 1945 г. была образована Демократическая партия Курдистана, которая возглавила курдское движение, высшей точкой развития которого стало создание республики Курдистан.

Советский Союз помогал республике: доставил туда радиоцентр, типографию, установил торговые связи, было создано советско-курдское общество. Показательным был и тот факт, что военная форма защитников республики полностью соответствовала форме Красной Армии [2, с. 256–257]. Позиция СССР по отношению к Курдской республике изменилась после того, как премьер-министром стал Кавам-Аль-Салтана, сторонник проамериканской линии, и сменил политику по отношению к СССР.

18 февраля 1946 г. Кавам во главе Иранской делегации вылетел в Москву для переговоров с советским правительством. Начатые в Москве советско-иранские переговоры были продолжены и завершены 4 апреля 1946 г. подписанием соглашения в Тегеране.

¹ Генерал С. Атакшов с 1941 г. являлся политическим представителем СССР, советником по курдскому и азербайджанскому вопросу. Его местом жительства в Иране был город Тебриз, где он часто посещал Мехабад. В 1953 г. был казнен вместе с С. Багировым.

Была достигнута договоренность о создании смешанного советско-иранского общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений в Северном Иране. Срок деятельности этого общества устанавливался в 50 лет. В течение первых 25 лет этого срока 49 % акций общества должны были принадлежать Ирану и 51 % – Советскому Союзу. В течение последующих 25 лет и Ирану, и СССР должны были принадлежать по 50 % акций. Согласно условиям соглашения договор о создании смешанного советско-иранского общества по разведке и эксплуатации нефти на севере Ирана должен был быть представлен на утверждение нового, 15-го меджлиса, но не позднее истечения срока семи месяцев, считая с 24 марта 1946 г. [7, с. 162–163].

Амил Нури, один из представителей делегации, рассказывал об этой поездке: «Во время первой встречи делегации с Молотовым были рассмотрены следующие вопросы:

- проблема разведки и эксплуатации нефтяных месторождений, которая, по мнению Молотова, была очень важной для установления и развития дружественных связей между Ираном и СССР;

- вопросы, связанные с положением в Иранском Азербайджане (и Курдистане). По мнению Молотова, это была сугубо внутренняя проблема Ирана, которая должна была решаться мирным путем без всякого вмешательства извне;

- о выводе советских войск из Ирана, который был особенно важен для Ирана и международного общественного мнения. Молотов дал обещание, что часть советских войск будет выведена с территории Ирана до 3 марта [4, с. 59].

27 апреля 1946 г. все советские войска были выведены за пределы Ирана.

Абу Алъхасан Тафрашьян, офицер армии повстанцев, в своих воспоминаниях так рассказывает об этих событиях: «Тяжелые орудия, которые советская армия ранее предоставила в распоряжение войск республики, при выводе они забрали с собой. У армии повстанцев осталось только то оружие, которое было захвачено в боях с иранскими войсками» [1, с. 77]. В результате армия республики осталась практически без помощи. После переговоров с Кази Мухаммедом на территорию Курдистана были введены иранские войска.

Когда иранские самолеты вели обстрел Мехабада и территории Курдистана, В.М. Молотов, министр иностранных дел СССР, выступил в ООН с предложением о том, чтобы ООН осудила эти действия иранского правительства, чтобы потребовала прекращения наступления на курдскую республику, чтобы курдам была предоставлена автономия в рамках Ирана. Таким образом, Советский Союз ограничился лишь словесным осуждением политики Ирана.

После разгрома республики Иран отказался от совместных нефтяных разработок с СССР (меджлис отказался его ратифицировать). Республика Курдистан осталась без поддержки СССР и, по существу, была принесена в жертву интересам Советского Союза в Иране.

Как мы видим, на судьбу республики Курдистан и всего демократического движения оказывала сильное влияние политика великих держав. Как говорил М. Барзани: «Не курды потерпели поражение перед иранскими войсками, а Советский Союз потерпел поражение в Иране перед Англией и Америкой» [2, с. 47].

Список литературы

1. Абу Альхаса Тафрашьян. Восстание офицеров Хурасана. – Тегеран, 1979 (на перс. яз.).
2. Барзани Масуд. Барзанцы и движение за освобождение курдов 1943–1945 гг. – Курдистан. 1980 (на араб. яз.).
3. Иванов М.С. Новейшая история Ирана. – М.: 1965.
4. Курдо Али. Советский Союз и национальное движение курдов (рецензия диссертации Разиль Мулла Махмуда). – Швеция, 1986 (на курдском яз.).
5. Нури Шавейс. Мои воспоминания. – Изд-во Нар. Демократ. партии Курдистана, 1985.
6. Парвизпур Е.Х. Советско-иранские отношения в годы Второй мировой войны (1939–1945). – Тбилиси, 1978.
7. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. – М., 1946.
8. Хамаи Анвар. Удобный случай, неиспользованный вовремя. – Тегеран, 1979 (на перс. яз.).
9. Хусейн М.А. Разгром Народной партии Ирана. – Тегеран, 1984 (на араб. яз.).
10. Штейнберг Е.Л. Советско-иранские отношения и происки англо-американского империализма в Иране. – М., 1947.
11. Eagleton (jr.) W. The Kurdish Republic of 1946. – L., 1963.

Р. А. Садыгов*

Основные аспекты геостратегии и экономической политики Евросоюза на Южном Кавказе

Актуальность данной темы заключается в той огромной роли, которую играет на сегодняшний день Европейский Союз (ЕС) в международных отношениях нового типа – как в социально-экономических, так и в геостратегических, военно-политических сферах. ЕС, без сомнения, образец абсолютно новых мотивов интеграции. В стороне от этих магистральных изменений, естественно, не могли остаться и страны Южного Кавказа. Поэтому указанная проблема актуальна для этих бывших союзных республик, которые поддерживают тесную связь с Евросоюзом.

Actuality of this theme consists in a that enormous role which is played to date by European Union (EU) in international relations of new type in the XXI century – both in social-economic and in geostrategic, military-political spheres. EU no doubt, standard of absolutely other reasons of integration. Naturally, countries of South Caucasus there could not be back from these main changes. Therefore the indicated problem is actual for these former allied republics which support close relations with European Union.

Ключевые слова: Европейский Союз, Южный Кавказ, геостратегия, экономическая политика, интеграция, Набукко, Восточное партнерство.

Key words: European Union, South Caucasus, geoststrategy, economic policy, integration, Nabucco, East partnership.

Приоритетной задачей пространственного реформирования ЕС на новом этапе его развития стало расширение на Восток. В связи с этим необходимо проанализировать современную геополитическую и экономическую стратегию ЕС и Южного Кавказа и оценить влияние расширения ЕС на экономические интересы стран этого региона.

Кавказ, до недавнего времени входивший в единое политическое пространство СССР, ныне стал ареной взаимодействия разных геополитических и экономических интересов [7, с. 7]. Расположенный на стыке Европы и Азии Кавказ представляет собой удобный плацдарм для продвижения вглубь Среднего и ближнего Востока, а также в бассейны Каспийского, Черного и Средиземного морей. Одновременно он является связующим звеном между этими регионами [3, с. 10].

* **Садыгов Рашад Асад оглы**, преподаватель кафедры международных отношений, Бакинский государственный университет.

Странам постсоветского лагеря, которые, получив независимость, впервые вышли на арену мировой политики в конце XX в., сегодня приходится решать очень сложные задачи. Их вовлечение в систему международных хозяйственных связей осуществлялось в условиях жесточайшей конкуренции между развитыми индустриальными державами, которые иногда видели в «новичках» поставщиков дешевого минерального и аграрного сырья. Одновременно возникла финансовая зависимость от иностранных кредитов, в том числе от займов Всемирного банка. Это и естественно, и неизбежно [6, с. 227].

Европейский Союз привлекает особое внимание, так как именно он является фундаментом общеевропейского дома. Основное отличие ЕС от других организаций состоит, прежде всего, в глобальности поставленных задач и в комплексном подходе к их решению [5, с. 97]. Как говорится на сайте Еврокомиссии, Евросоюз не ставил перед собой цели стать сверхдержавой. Он появился на свет в результате Второй мировой войны, и его первой задачей стало объединение наций и народов Европы [11].

ЕС в 1990-е гг. стал одним из главных игроков на Южном Кавказе. Однако в отличие от США ЕС в своей «кавказской политике» делает акцент не на военно-политическую, а на социально-экономическую сферу. Вторым приоритетным направлением ЕС является обеспечение стабильности в регионе, а также уважения и соблюдения «европейских стандартов» в области прав человека и демократических свобод. ЕС признало независимость Азербайджана, Армении и Грузии в декабре 1991 г. В 1994 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) рассмотрела вопрос о перспективах взаимодействия с Азербайджаном, Арменией и Грузией. В 1995 г. Совет ЕС принял проект «общей позиции» по государствам Южного Кавказа, в котором подчеркивалась необходимость всесторонней помощи бывшим республикам Закавказья в строительстве демократических институтов. С точки зрения обеспечения энергетической безопасности особый интерес для стран ЕС представляют нефтегазовые ресурсы Каспийского моря [10].

Стабильное энергоснабжение – одно из основных условий функционирования современной экономики стран – членов Евросоюза. Надежность в снабжении, экономичность, а также экологическая чистота и сбережение ресурсов – основные цели энергетической политики стран Евросоюза. Открытость мировых рынков и глобализация экономики изменили и общие условия для функционирования энергетики [4, с. 82].

ЕС очень заинтересован в поступлении стратегического сырья на свои рынки. Для осуществления данных целей страны ЕС активно инвестируют в районы Каспийского моря. В связи с освоением

его ресурсов ЕС уделяет огромное внимание способам доставки нефти и газа на свои рынки. Энергетическая дипломатия ЕС осуществляется также через созданные им специальные фонды и программы, среди которых выделяются программы TASIC и TRASECA. Под их эгидой разрабатываются параметры энергетического и транспортного сотрудничества, оцениваются основные проекты и маршруты по транспортировке углеводородного сырья в Западную Европу. Из стран ЕС отдельно стоит отметить деятельность главных потребителей энергетических ресурсов: Великобританию, Германию, Францию и Италию.

Азербайджан, Армения и Грузия являются членами Черноморского экономического альянса, все три государства Центрального Кавказа практически одновременно подписали соглашения с Европейским Союзом о сотрудничестве и партнерстве, налаживаются также двусторонние торгово-экономические взаимоотношения со многими странами мирового сообщества [2, с. 38].

В мае 2004 г. Европейская комиссия рекомендовала включить Азербайджан, Армению и Грузию в сферу действия Европейской политики соседства (ЕПС). Позднее эта инициатива была утверждена Советом ЕС по общим вопросам и внешним отношениям в июне 2004 г. ЕПС определила рамки деятельности ЕС в этой сфере на следующие годы.

Во время встречи в Баку 13 ноября 2004 г. с президентом Азербайджана И.Г. Алиевым Франсуа Ламуру, подчеркнув, что ЕС проявляет особый интерес к сотрудничеству с Азербайджаном в контексте обеспечения многовариантности экспорта энергоносителей в Европу, заявил, что «цель ЕС заключается в осуществлении долгосрочного сотрудничества с регионом. Основной гарантией в этом деле является обеспечение стабильности в регионе; мы возлагаем большие надежды в урегулирование в ближайшее время армяно-азербайджанского конфликта» [4, с. 86].

В раскладе сил вокруг Каспия, по мнению многих аналитиков, определяющую роль играет Азербайджан. Он не только обладает большими углеводородными ресурсами, но и занимает весьма выгодное положение на пути транспортировки нефти и газа с территории всего Каспийского бассейна в западном направлении. В целом же внешняя политика Азербайджана направлена на укрепление со всеми государствами равноправных, взаимовыгодных связей, чтобы эффективно использовать их для развития экономики, науки, культуры и для упрочения наших международных позиций. Стабильность в нашем регионе позволит предпринимателям разных стран глубже и эффективнее внедряться в азербайджанскую экономику [6, с. 240].

Одним из существенных препятствий на пути экономического развития Армении является ограниченность ее природных ресурсов. Это, в частности, проявляется в почти полной зависимости Армении от поставок российского газа и нефти, поступающих транзитом через Грузию [3, с. 126]. Только урегулирование карабахского конфликта и преодоление транспортно-коммуникационной изоляции могут создать благоприятные условия для выхода экономики страны на рельсы устойчивого развития. По мнению многих специалистов, транзитный маршрут транспортировки каспийской нефти через территорию Армении был бы достаточно конкурентоспособным, однако в ситуации карабахского конфликта противостояние с Азербайджаном и Турцией делает такой вариант малореальным.

Важным стратегическим ресурсом Грузии являются ее выгодное географическое положение и наличие морских портов Поти и Батуми на Черноморском побережье, что придает ей ключевое значение в межгосударственном перераспределении углеводородных ресурсов и проектах строительства магистралей транспортировки нефти и газа. Включение Грузии в комплексный проект транспортировки каспийской нефти способствовало выдвижению Грузии на авансцену ряда государств ближнего и дальнего зарубежья. Перспективы прохождения через территорию республики Евразийского транспортного коридора «Европа-Кавказ-Азия» (TRASECA), несомненно, помогут стране успешно интегрироваться в мировое хозяйство. Первым шагом в этом направлении стало открытие нефтепровода Баку-Супса, а также регулярного паромного сообщения между грузинским портом Поти и болгарским Бургасом [3, с. 149].

Расширение ЕС, имеющее историческое значение, способствует сближению стран Южного Кавказа с Большой Европой, развитию сотрудничества, а также объединению их возможностей для развития стабильного, демократического, свободного европейского континента. Западноевропейский фактор имеет существенное значение в современном развитии стран Южного Кавказа [8, с. 220].

Как известно, страны Евросоюза одобрили и приняли программу «Восточное партнерство», предусматривающую альтернативное членство в ЕС Азербайджана, Грузии, Молдовы, Украины, Белоруссии и Армении. Произошло это на «саммите Восточного партнерства», где была одобрена программа «Восточного партнерства», предлагающая тесное сотрудничество с Евросоюзом шести постсоветским республикам. Такое решение принято с учетом «исключительной значимости» региона для безопасности и стабильности Евросоюза.

Программа «Восточное партнерство», предложенная 26 мая 2008 г., была разработана совместно Швецией и Польшей. Перво-

начально ВП задумывалось как своеобразная реакция на «Европейскую политику соседства», техническую программу сотрудничества, которую ЕС предложил своим партнерам на востоке в качестве альтернативы вступлению в Евросоюз. ВП, в отличие от ЕПС, содержит политический мессидж европейской солидарности. В рамках новой программы предполагается более активное общение на политическом уровне: будут организовываться регулярные встречи руководства шести стран – участниц и представителей ЕС. ВП предполагает создание зон свободной торговли и ослабление визового режима с перспективой его последующей отмены. Для программы предусмотрен новый механизм финансирования [12].

Предложены четыре платформы по разным направлениям: по демократии, прозрачному управлению и стабильности; по экономической интеграции и приближении к стандартам ЕС; по энергетической безопасности; по контактам между народами; шесть стран по Восточному партнерству получают финансовую помощь.

Южный Кавказ все более воспринимается как регион первоочередной важности для собственных интересов ЕС. Учреждение в июле 2003 г. поста специального представителя ЕС в регионе явилось сигналом того, что ЕС осознал насущную необходимость более ощутимого присутствия в регионе и более последовательных подходов к нему.

Перед лицом новых угроз европейской безопасности ЕС уделяет более пристальное внимание своей роли в области обеспечения безопасности, как это отмечено в стратегии безопасности ЕС. Эти новые интересы и перспективы приведут к пересмотру приоритетов ЕС. Более того, завершение процесса принятия нынешней группы стран – кандидатов в члены ЕС может означать, что политическое внимание будет отныне направлено на регионы, окружающие ЕС с Востока.

У ЕС существуют жизненные интересы на Южном Кавказе. Нынешняя ситуация в этих странах представляет собой сложный комплекс проблем безопасности, связанных в особенности с международной преступностью и незаконной торговлей, которые могут затронуть и Европу. Кроме того, нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, по которому нефть поступает из Азербайджана на европейские рынки, непосредственно влияет на энергетическую безопасность ЕС и делает его экономическое благополучие зависимым от региона. ЕС следует акцентировать внимание на многосторонних договоренностях с Южным Кавказом как отдельным регионом в рамках своей политики и стратегии, а не как с субрегионом «бывшего Советского Союза», а также активно развивать политический инструментарий и стратегические подходы для поощрения сотрудничества внутри региона [1, с. 77].

В современном мире одним из основных аспектов европейской безопасности является надежная и устойчивая поставка энергоносителей. Это наглядно было продемонстрировано во время событий в прошлых годах, когда поставки энергоносителей были использованы в качестве средства политического воздействия на ЕС. Как следствие сегодня энергетическая политика ЕС направлена на сокращение потоков энергоресурсов из одного источника до 25 % от общего импорта. Как известно, после введения в строй трубопроводов БТД и БТЭ страны ЕС получили доступ к энергоресурсам Каспийского региона. Итак, продолжением политики диверсификации источников энергоносителей было подписание документа об осуществлении проекта строительства газопровода Набукко.

«Набукко» – это магистральный газопровод в обход России из Азербайджана через Турцию и Балканы в страны ЕС, прежде всего Австрию и Германию. Договор о начале строительства газопровода был подписан представителями ЕС, Турции, Болгарии, Румынии, Венгрии и Австрии. В качестве противовеса проекту «Набукко» существуют разработанные Россией проекты «Северный поток» и «Южный поток», также ориентированные на поставки газа в страны ЕС. Очередное соглашение в пользу «Набукко» было подписано в июле 2009 г. в Анкаре премьер-министрами Турции, Австрии, Венгрии и министрами энергетики Болгарии и Румынии. Завершение строительства предполагается к 2014 г. Открытие Европейской конференции по газу в Вене было омрачено для Комиссии ЕС неожиданно резонансным заявлением Азербайджана. Баку заявил о своей обеспокоенности тем, что до сих пор нет второго реального источника газа для проекта «Набукко». А раз так, то он не согласится снабжать наполовину пустой газопровод.

Второй ресурсной базой «Набукко» должен стать Туркменистан. В середине января глава Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу заручился заверением Баку и Ашхабада – разведанных запасов газа хватит, чтобы заполнить эту трубу. Ее собираются протянуть через Турцию на юг Европы. Поскольку газопровод пройдет в обход России, его с удвоенной энергией поддерживают США и политическое руководство НАТО [14].

У ЕС есть три приоритетных и влиятельных инструмента в его отношениях с Южным Кавказом: политический диалог как с правительствами, так и с другими ключевыми действующими лицами внутри региона и за его пределами; стимулы, например, более тесное сотрудничество, льготный доступ к рынкам ЕС или поддержка со стороны ЕС в международных финансовых институтах для получения займов и инвестиций; бюджетные линии для обеспечения технического содействия и помощи как в гуманитарной сфере, так и в сфере развития.

Комментируя вопрос, с какими основными политическими посланиями Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кетрин Эштон может посетить Южнокавказский регион, спецпредставитель ЕС по Южному Кавказу и кризису в Грузии Филипп Лефорт заявил: «На мой взгляд, ЕС очень заинтересован в регионе. Проект газового коридора в Европу – это веская причина для интереса со стороны ЕС. Южный Кавказский регион обладает огромным потенциалом, он является мостом между двумя морями, регион большой культурной диверсификации. И эта роль возрастет, как только конфликты будут решены, поскольку они сдерживают развитие региона в целом» [13].

Отношения с европейскими государствами являются традиционным приоритетом внешней политики стран Южного Кавказа. Значимость для стран этого региона отношений с Европой во многом связана с динамичными переменами, которые сегодня происходят на континенте. Такие процессы, как расширение ЕС, утверждение евро как единой европейской валюты, становление новых интеграционных структур в политической, военной, правоохранительной в других областях, в значительной мере сказываются на развитии обстановки в масштабах всего континента и будут во многом определять его облик в XXI веке.

Список литературы

1. Аббасбейли А. Единая Европа сегодня и завтра // Вести БСУ. – 2000. – № 3. – С. 76–86.
2. Беридзе Т.А., Исмаилов Э.М., Папава В.Г. Центральный Кавказ и экономика Грузии. – Б.: Нурлан, 2004.
3. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Междунар. отношения, 2001.
4. Гулиев М.Е. Энергетическая проблема во внешнеэкономической стратегии стран СНГ. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005.
5. Замятин Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX веке // ПОЛИС. – 2001. – № 6. – С. 97–115.
6. Ильхам А. Я верю в мой Азербайджан. – М.: Бослен, 2007.
7. Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: от геополитики к геоэкономике. Швеция, Изд. дом «CA&CC Press», 2006.
8. Кулагин В.М. Международная безопасность. – М.: Аспект Пресс, 2006.
9. Baev P. et al. Edited by Lynch, Dov, «The South Caucasus: a challenge for the EU», European Union Institute for Security Studies Chaillot P. 65 – December 2003. <http://www.iss-eu.org/chaillot/chai65e.pdf>
10. <http://www.apn.ru/authors/author53.htm>
11. <http://www.europa.eu>
12. <http://www.novopol.ru/print-text62520.html>
13. http://www.aze.az/news_specpredstavitel_es_proya_68092.html
14. <http://rus.ruvr.ru/2011/01/26/41350957.html>

УДК 94(47).084.3

*Н. Ю. Бринюк**

Боевая деятельность В.О. Каппеля и войсковых соединений под его командованием в оценках противника

В статье рассматриваются оценки и характеристики, данные советскими участниками Гражданской войны боевой деятельности войсковых соединений одного из военачальников Народной армии комитета членов Учредительного собрания (Комуч), а позднее – Российской армии правительства адмирала А.В. Колчака – Владимира Оскаровича Каппеля. Свидетельства противника являются одним из существенных источников по изучению роли В.О. Каппеля в событиях Гражданской войны в России.

The article deals with evaluation and analysis, which the Soviet participants of the Civil War were gave the fighting activity of military units of one of the warlords of the People's Army of the Committee of members of the Constituent Assembly (Komuch), and later – of the Russian army of the Government of Admiral A.V. Kolchak – Vladimir Oskarovich Kappel'. Evidences of the enemy are the significant source for studying the role of V.O. Kappel' in the events of the Russian Civil War.

Ключевые слова: Гражданская война, В.О. Каппель, маневр, боевая операция, директивы командования, исследования, оценка.

Key words: the Civil War, V.O. Kappel, maneuver, combat operations, command's directives, research and evaluation.

Соратники военачальника Белого движения (Народной армии комитета членов Учредительного собрания – Комуча, а затем армии адмирала А.В. Колчака) Владимира Оскаровича Каппеля высоко оценивали его боевую деятельность на Восточном фронте Гражданской войны в 1918–1919 гг. Адмирал А.В. Колчак на допросе Иркутского Политцентра в январе 1920 г. на вопрос о В.О. Каппеле ответил, что это «один из самых выдающихся молодых начальников» [6, с. 184]. Интерес представляет и оценка, которой его действия удостаивали красные командиры и советская печать. Мнение противника, не склонного давать положительные отзывы, имеет особую ценность для изучения роли В.О. Каппеля в событиях Гражданской войны.

* **Бринюк Надежда Юрьевна**, соискатель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

В документах и публикациях военного периода, а также в исследованиях, издававшихся в стране в 20-е гг., наряду с общими выводами, не выходящими «за рамки оценок и схем, которые спускались официальными партийными верхами» [16, с. 10], можно почерпнуть и сведения о подлинных откликах, вызываемых у противника боевой работой полевого командира антисоветских воинских формирований – В.О. Каппеля.

Летом 1918 г., в начале Гражданской войны на Волге, части Красной армии перемещались в поездах, неохотно от них удаляясь (так называемая «эшелонная война»). В.О. Каппель, вероятно, одним из первых в Поволжье начал применять для транспортировки пехоты телеги, взятые у крестьян за определенную плату. Это позволяло ему совершать стремительные рейды в тыл и фланги красноармейских отрядов. Преимущества, получаемые неприятелем при таком способе передвижения, подчеркивал командующий войсками Красной армии на Восточном фронте И.И. Вацетис: «противник весьма широко и успешно пользуется этим оружием против нашей пехоты» [4, с. 105]. С помощью «многочисленных мастерских маневров» [9, с. 412] (слова одного из соратников) малыми силами В.О. Каппель смог освободить от советской власти обширную территорию от Сызрани до Казани, за что почитался широкими массами Красной армии, в том числе представителями командования, как дерзкий и опасный враг. Официальный советский орган – газета «Правда» – писала после взятия В.О. Каппелем Симбирска: «Здесь Советская власть имеет перед собою врага многочисленного, сильного, организованного. Шапками этого врага не закидаешь» [11]. Член Реввоенсовета Восточного фронта С.И. Гусев считал В.О. Каппеля «одним из самых ученых и талантливых генштабистов» [3, с. 18] в рядах противника.

Симбирск был взят войсками Народной армии под командованием В.О. Каппеля 22 июля 1918 г. Позднее советские историки приписывали успех численному превосходству белых. Однако командующий Востфронтом И.И. Вацетис, непосредственный участник событий, в докладе высшему военному совету сообщал: «Симбирск был захвачен конницей белогвардейцев обходом с тыла с запада, причем бывшие в Симбирске войска наши сопротивлялись очень слабо. У белогвардейцев было 300 коней и четыре орудия, наши же силы были гораздо многочисленнее, но без дисциплины и привыкшие к произволу и трусости» [5, с. 406].

Один из командиров Красной армии констатировал, что первая попытка 1-й армии М.Н. Тухачевского отбить Симбирск (11–17 августа 1918 г.), когда советские войска смогли вплотную подойти к стенам города, не удалась лишь в результате действий срочно прибывшего в этот район и возглавившего оборону В.О. Каппеля.

Победа вновь была достигнута им с помощью маневра. «Только благодаря глубокому обходу нашего левого фланга, белые отстояли временно Симбирск. Этим обходом была дезорганизована курская бригада, командир ее Азарх был убит, и правому флангу, все время удачно двигавшемуся вперед, пришлось отойти» [2, с. 59].

В последние дни августа 1918 г. В.О. Каппелем был совершен рейд по правому берегу Волги для облегчения положения осаждаемой советскими войсками Казани. На ст. Свяжск каппелевцами едва не были захвачены поезд народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого и штаб 5-й Красной армии. В.К. Путна считал, что «из эпизодов первого периода борьбы самым замечательным является нападение десантного отряда Каппеля на штаб пятой армии» [12, с. 20]. Отражение войск Каппеля потребовало от Красной армии полного напряжения сил. Л. Троцким впервые была осуществлена децимация (расстрел каждого десятого) впавшего в панику Петроградского полка. Советские военные специалисты отдавали должное военному искусству врага и указывали, что 5-й Красной армией были парализованы «смелые маневренные расчеты и действия противника против станции Свяжск и Романовского моста...» [10, с. 30].

Исследуя же боевые действия под Казанью в августе – сентябре 1918 г. в целом, красные военспецы констатировали, что на стороне их противника были «организация управления и оперативное искусство, смелость решений, техника распоряжений, маневренность в действиях, квалифицированные тактически подготовленные бойцы <...>; блестящий маневр...» [10, с. 39]. Вместе с тем они приписывали неприятелю полную пассивность в боевой работе, сопряженной с жертвами, и трусость при отсутствии идейного авторитетного личного примера как способа боевого управления и командования. Последние оценки были вызваны особенностью тактики белых: бывшие кадровые офицеры царской армии стремились решать боевые задачи «не числом, а умением», сберегая малочисленные добровольческие соединения и чутко избегая опасности обхода и окружения. В отличие от своего противника, красные командиры и комиссары не считались с потерями, бросая людей в лобовой бой, расставляли за линией войск заградительные отряды с пулеметами, а также производили в частях массовые расстрелы и «чистки» (например, тот же исследователь пишет о «радикальной чистке частей от шкурников, дезертиров и провокационного элемента» [10, с. 26], и о том, что неприятель «встретил после "чистки" 14, 15 и 16 августа <...> морально окрепшие части, "поддержанные" заградительными отрядами из коммунистов» [10, с. 25]).

Используя подобные методы, осенью 1918 г. Красная армия вытеснила войска противника из районов Среднего Поволжья. Вой-

ска под командованием В.О. Каппеля преградили советским дивизиям путь на Урал. Сражавшиеся без смены с июня 1918 г. при отсутствии укомплектований и неудовлетворительном снабжении малочисленные отряды Сводного корпуса (образован 21 сентября 1918 г.) удерживали линию Волго-Бугульминской железной дороги в течение четырех месяцев, к концу года отойдя за Уфу. Они значительно уступали противнику по численности, испытывали нехватку в оружии и боеприпасах, и успех выполнения боевых задач напрямую зависел от полководческого таланта и авторитета командующего.

Одна из операций, разработанная командующим войсками Самарской группы (включавшей Симбирскую группу Каппеля, образованную 3 октября на Бугульминском направлении; чехословацкие войска, батальон Учредительного собрания – на Белебеевском) генерал-майором С.Н. Войцеховским и полковником В.О. Каппелем, проведенная ими совместно 10–15 ноября 1918 г., была вызвана сильным давлением Красной армии на фронте группы В.О. Каппеля. Семь чехословацких батальонов под командованием С.Н. Войцеховского ударили в правый фланг 27-й советской дивизии 5-й Красной армии с юга, а левый фланг с севера обошли войска В.О. Каппеля. Картину разгрома левого фланга 27-й дивизии оставил советский писатель А.С. Серафимович, совершавший поездку в район боев. «Продолжая громить с фронта, неприятель бросил большой ком конницы в глубокий обход теснимого левого фланга. <...> Произошло что-то неопишное. Повозки, двуколки, люди, лошади, все кинулись беспощадным потоком, давя, ломая, сокрушая друг друга и все на пути. Пронеслось страшное слово: "обошли", "продали"... "измена!.. " Весь левый фланг побежал к Бугульме. Нависла катастрофа страшного разгрома» [15]. Успех операции позволил штабу Самарской группы стабилизировать фронт, остановив его на р. Ик, а советскому командованию пришлось срочно подтянуть резервы и приостановить наступление 1-й Красной армии, отменив приказ о захвате г. Белебея к 16 ноября. За проведенные бои В.О. Каппелю было присвоено звание генерал-майора. А.С. Серафимович дал ему краткую и емкую, а с точки зрения соратников В.О. Каппеля весьма лестную характеристику: «Командование было вручено маленькому Макензену*, полковнику Каппелю, специалисту по окружению и прорывам. Это он, когда Красная ар-

* Макензен, Август (1849–1945 гг.) – германский генерал-фельдмаршал (1915). Участник франко-прусской войны 1870–1871 гг. Во время Первой мировой войны командир корпуса в Восточной Пруссии, командующий армией, осуществившей в 1915 г. Горлицкий прорыв, с 1915 г. командовал группой армий в Польше, затем возглавлял германские войска в Сербии и Румынии. Один из выдающихся военачальников Первой мировой войны.

мия дралась под Казанью, сделал знаменитый стовосьмидесятиверстный обход под Свияжском и стал рвать мосты в тылу нашей армии, грозя ей полным поражением. Но слишком оторвался от своей базы и был отбит...» [15].

В начале декабря Сводному корпусу В.О. Каппеля (перестроен из Симбирской группы 17 ноября) пришлось обороняться сразу против двух армий противника. Белебей был захвачен войсками 1-й Красной армии, в связи с чем возникла угроза флангу корпуса. С целью ее нейтрализации 2–3 декабря войска В.О. Каппеля совершили стремительный рейд на юг; на фронте корпуса против 5-й армии был оставлен незначительный заслон. Каппелевцы освободили Белебей 3 декабря, а на следующий день (в связи с критической обстановкой на участке, где оборонялись оставленные командующим небольшие части), совершив перегруппировку, были переброшены В.О. Каппелем назад, к Бугульме. На этот раз он нанес удар по правому флангу 26-й дивизии 5-й армии. Командующий дивизией Г.Х. Эйхе вспоминал, что противник сражался «яростно и с небывалым упорством и смелостью» [17, с. 188]. Красные и здесь были остановлены. Командующий фронтом С.С. Каменев в своем приказе от 4 декабря следующим образом оценил ситуацию на фронте: «Положение противника на уфимском направлении значительно уступает нам, противник сжимается с двух флангов и несмотря на это ему удастся частично наносить нам тяжелые удары. Оставление Белебея частями 1 армии совершенно недопустимое явление. <...> Данные разведки указывают, что на уфимском направлении силы противника значительно слабее нас» [5, с. 717]. Так сражались части В.О. Каппеля в 1918 г., получая высокую оценку не только среди сторонников, но и в стане врага.

Не случайно, спустя полгода, 25 апреля 1919 г., когда в советских штабах стало известным, что сформированный генерал-майором В.О. Каппелем в Сибири 1-й Волжский армейский корпус выдвигается на фронт, командующий Южной ударной группой красных М.В. Фрунзе, имеющий славу одного из лучших советских полководцев, сообщал командующему фронтом С.С. Каменеву: «Помня вашу оценку Каппеля, я слегка обеспокоен этим обстоятельством» [8, с. 125]. Тревога М.В. Фрунзе была, впрочем, настолько серьезной, что он просил у С.С. Каменева рекомендации о возможных дальнейших операциях и получил следующий ответ: «Относительно Каппеля можно сказать одно: он был силен, когда командовал чехами; его сильная сторона – маневры очень быстрой перегруппировкой; теперь, когда у него чехов нет, он не опасен; будет очень неприятно, если он обнаружится на направлении Сергиевск, Бугульма; если же сменит части 3-го корпуса, то много неприятности не сделает» [8, с. 125].

Необходимо уточнить, что в декабре 1918 г., когда действия В.О. Каппеля произвели сильное впечатление на С.С. Каменева, в его войсках уже не было чехов. Однако в остальном, казалось бы, оценка командующего фронтом получила полное подтверждение: войска Волжского корпуса не смогли повлиять на развитие событий весной 1919 г. Это было обусловлено не только общей ситуацией на фронте и тем, «что главный резерв противника, войска Каппеля, были введены в бой по частям...» [5, с. 680], но, в значительной степени, и с отсутствием стойкости и необученностью, массовым дезертирством и изменой солдат, набранных из пленных красноармейцев и мобилизованных крестьян. Однако командующий корпусом был все тот же и, принужденный к отходу в мае-июне 1919 г., по подтверждениям советских военных исследователей, «удивительно организованно» отступил к р. Белой, «систематически задерживая нас арьергардами, которые успешно выполняли свою задачу и ни разу нам не дали возможности сделать их своей жертвой» [14, с. 62]; находил возможность «крайне искусно нас задерживать, выигрывая время, укреплять берег реки Белой и крайне организованно, уничтожая все переправы, отступить на правый берег реки» [14, с. 49]. Эта оценка, содержащая долю восхищения военным искусством противника, относится к выдающимся военачальникам Гражданской войны С.Н. Войцеховскому и В.О. Каппелю.

К началу июня 1919 г. Западная армия адмирала А.В. Колчака заняла оборону по р. Белой, стремясь преградить противнику пути на Урал, не допустить его к г. Уфе. Волжская армейская группа под командованием В.О. Каппеля обороняла участок южнее города до пристани Табынск. Уфу и район севернее ее прикрывали части Уфимской группы генерала С.Н. Войцеховского. Именно здесь, у д. Красный Яр, на правый берег р. Белой переправились полки 25-й Чапаевской дивизии 5-й армии. Советские участники боев 8–9 июня, результатом которых стал захват красными Уфы, писали, что им пришлось отразить «психическую атаку» каппелевцев (Д.А. Фурманов, С.А. Сиротинский и др.). Однако эта информация недостоверна, так как войска В.О. Каппеля в боях севернее Уфы не участвовали. Волжская группа вела оборону протяженного участка, пресекая настойчивые попытки противника переправиться через р. Белую, и генерал В.О. Каппель не имел возможности оказывать помощь соседям ввиду малочисленности своих войск. О больших потерях, понесенных в боях 8–9 июня 4-й Уфимской дивизией Уфимской группы, докладывал командованию Западной армии штаб генерала С.Н. Войцеховского («после боя 9 июня осталось в общей сложности не более 400 штыков» [13. Л. 17]). Не подлежит сомнению, что именно эта дивизия приняла на себя основную тяжесть боев с 25-й дивизией красных. Успешно форсировав реку севернее

Уфы, 5-я Красная армия принудила к отходу на восток Уральскую, а затем и Уфимскую группу противника. Крупный советский исследователь Гражданской войны Н.Е. Какурин отмечал, что остановилось лишь продвижение центра и правого фланга Туркестанской армии, которая оперировала против войск В.О. Каппеля: «противник продолжал еще упорно держаться на р. Белой против правого фланга Туркестанской армии...» [7, с. 107]. Волжская группа генерала В.О. Каппеля осуществляла оборону еще неделю и лишь под угрозой обхода неприятелем 16 июня последней отступила в Уральские горные проходы.

Через полтора месяца белые были вытеснены с Урала. Некоторые советские исследователи – участники Гражданской войны – считали, что в потере Урала «менее всего виноваты непосредственно бойцы и младший комсостав западной армии Колчака» [1, с. 11] (т. е. полевые командиры и в том числе командующие группами), называя причиной неумение высшего командования колчаковской армии использовать глубокие резервы. Несомненно, данный недостаток является и одним из факторов поражения белых в Гражданской войне...

Своей боевой деятельностью в 1918–1919 гг. Владимир Оскарович Каппель заслужил среди представителей командования Красной армии авторитет опасного и непредсказуемого врага. Многие советские военные и гражданские деятели относились к В.О. Каппелю с заметным уважением, по достоинству оценивая его полководческий талант. Косвенным подтверждением этого служит тот факт, что в документах советских высших штабов возглавляемый им 1-й Волжский армейский корпус, в отличие от других соединений колчаковской армии, которые всегда именовались по номеру и географической принадлежности (3-й корпус, 2-й Уфимский корпус, 6-й Уральский корпус и пр.), чаще всего носил название лишь по фамилии своего командующего: корпус Каппеля.

Список литературы

1. Белицкий С. Златоустовская операция (Стратегический очерк) // Сб. тр. ВНО при Военной академии. – Кн. 4. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1923.
2. Гавронский А. Очерки гражданской войны на фронте 1 армии // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-изд. отдел Политуправления РВС Республики, 1920.
3. Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия: сб. воен.-теорет. и воен.-полит. ст. – М.; Л.: Госиздат, 1925.
4. Директивы Главного командования Красной армии (1917–1920 гг.). – М.: Воениздат, 1969.
5. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). – М.: Воениздат, 1971. – Т. 1.
6. Допрос Колчака. – Л.: Госиздат, 1925.

7. Какурин Н.Е. Стратегический очерк Гражданской войны // Военная история Гражданской войны в России 1918–1920 годов. – М.: Евролинц, 2004.
8. М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. – М.: Воениздат, 1941.
9. Мейерер Г.А. Война на Волге. 1918 год // Флот в Белой борьбе. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002.
10. Подгорецкий К. Борьба за Казань. Август-сентябрь 1918 г. // Сб. тр. Воен.-науч. об-ва (ВНО) при военной академии. – Кн. 3. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1922.
11. Правда. – 1918. – Среда, 24 июля.
12. Путна В.К. Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь // Борьба за Урал и Сибирь. – М.; Л.: Воениздат, 1926.
13. Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 39624. Оп. 1. Л. 32.
14. Рыбин Д. Уфимская операция 1919 г. // Сб. тр. ВНО при военной академии. – Кн. 4. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1923.
15. Серафимович А. Впечатления. Бой // Правда. – 1918. – № 269. – Среда, 11 дек.
16. Суетов Л.А. Белое дело. – Ч. I. – СПб.: СПбГУКИ, 2000.
17. Эйхе Г.Х. Тактические поучения Гражданской войны. Исследование тактики Красной армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. – М.: Госвоениздат, 1931.

Роль художественной самодеятельности и организации культурного отдыха личного состава Северного Флота в укреплении морального духа краснофлотцев

В статье рассматривается организация командованием Северного флота культурного отдыха личного состава как необходимого условия его высокого морального духа на первом этапе Великой Отечественной войны (22 июня 1941 – ноябрь 1942 г.). В статье характеризуются основные методы командования Северного флота, используемые для организации культурного обслуживания краснофлотцев и командиров: развитие художественной самодеятельности на местах, посещение частей, соединений и кораблей агитационными бригадами и художественными коллективами Дома Военно-морского флота, а также творческими коллективами московских артистов и музыкантов. В статье показывается мобилизационный потенциал вышеперечисленных методов культурного обслуживания краснофлотцев и командиров, их влияние на укрепление морального духа личного состава Северного флота.

The organization by command of Northern navy of cultural rest of staff, as necessary condition of its high morale at the first stage of the Great Patriotic War (on June, 22nd 1941 – November 1942) is considered in the article. The basic methods of command of Northern navy for the organization of cultural service sailors and commanders are characterized: amateur performances development on places, visiting of parts, connections and the ships propaganda brigades and art collectives of the House of navy, and as creative collectives of the Moscow actors and musicians. Mobilization potential of the methods of cultural service set forth above sailors and commanders, their influence on strengthening of moral spirit of staff of Northern navy is shown in the article.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северный флот, культурный отдых, художественная самодеятельность, агитбригада, моральный дух, личный состав, Главное политуправление Рабоче-крестьянского Военно-морского флота.

Key words: the Great Patriotic War, Northern navy, cultural rest, amateur performances, a propaganda team, moral spirit, staff, the Main Political department of Navy.

Известно, что моральный, духовный фактор играет большую роль в достижении необходимого уровня боевой готовности войск, укреплении воинской дисциплины и правопорядка, повышении качества боевой учебы и службы. Поэтому, используя историческое и

* **Хеорхе Иван Иванович**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

духовное наследие своего народа, необходимо, в военное время особенно, усиление внимания к художественным и нравственным компонентам культурной деятельности в Вооруженных силах.

Роль морального фактора на войне изучали многие как советские, так и современные российские ученые. К советскому периоду относятся исследования М.П. Субботина [11], С. Ильина [4], Д.А. Волконогова [1]. На современном же этапе наибольший интерес представляют монографии В.Ф. Зима [3], Е.С. Сенявской [10], И.Д. Ковальченко [6], И.М. Капитанец [5], В.О. Левашко [9]. Большой вклад в раскрытие понятий «духовные силы народа», роль морального фактора на войне внес профессор, доктор исторических наук Н.Д. Козлов [7; 8]. Однако в данных работах отдельно не рассматривались вопросы о моральном состоянии личного состава Северного флота и методах командования по его укреплению накануне и в период Великой отечественной войны.

Основная цель данной статьи – раскрыть роль организации культурного отдыха личного состава, а также местной художественной самодеятельности в укреплении морального духа советских солдат и командиров на примере Северного флота. При этом рассматриваемый период ограничивается июнем 1941 – осенью 1942 г., т. е. наиболее драматичным и тяжелым для Советского Союза первым периодом Великой Отечественной войны.

Необходимо выделить три основных метода, которые использовались на Северном Флоте (СФ) в период Великой Отечественной Войны для организации культурного отдыха личного состава.

Наиболее распространенным и массовым методом являлась организация местной художественной самодеятельности, которая играла большую роль в системе воспитательной работы, а также в организации культурного досуга личного состава подразделения, корабля или части Северного флота (СФ).

Необходимо сказать, что художественная самодеятельность являлась неотъемлемой частью жизни СФ и до начала войны. В период же Великой Отечественной войны она не только не потеряла своего значения, но и обрела новое дыхание. Как справедливо указывалось в «Обзоре краснофлотской художественной самодеятельности за период Отечественной войны», изданном в апреле 1944 г. Главным Политуправлением ВМФ (ГПУ), «силой художественного слова, силой песни, разными видами искусства, классического и современного, краснофлотская художественная самодеятельность воспитывает массы в духе преданности нашей Родине и жгучей ненависти к ее врагам, в духе верности военной присяге и беззаветной любви к своему флоту, кораблю, оружию. <...> Были люди, которые утверждали, что во время войны некогда и нет времени заниматься художественной самодеятельностью. Жизнь опровергла эти оши-

бочные и вредные соображения и вызвала широкое распространение краснофлотской художественной самодеятельности» [14. Л. 73]. В период максимального напряжения моральных и физических сил в условиях войны краснофлотцы находили возможность организовывать различные творческие кружки при клубе части, подразделения или корабля, готовить номера, выступать перед сослуживцами, воодушевлять их на дальнейшую непримиримую борьбу с врагом.

В качестве примера можно привести данные, озвученные в «Обзоре опыта культурно-просветительной работе на Северном флоте за 11 месяцев Отечественной войны», сделанном начальником 4-го отдела Политического управления (ПУ) СФ полковником Киприяновым 16 июня 1942 г.: «В частях ВВС, где начальником клуба политрук КУПЦОВ и КОВАЛЕВ, коллективы художественной самодеятельности часто выезжают в другие части и соединения, обмениваясь подготовленными программами. Репертуар подбирается из газет и журналов, в большинстве случаев монтируется из материалов своих авторов. Большим успехом у зрителей пользуются литературные монтажи "Наша Родина", "Поздравление патриотизма", частушки о летчиках и другие номера, авторами которых являются краснофлотцы и командиры-летчики. В частях морской пехоты, где начальником клуба младший политрук КОПУДИН, хорошо поставлена работа затейников. Выступления затейников проходит по землянкам почти ежедневно в часы массовой работы. Есть хороший актив, состоящий из комсомольцев активистов и политработников. Много пишется репертуара своими силами (стихи, частушки, рассказы). В части Мурманского укрепленного района, где начальником клуба младший политрук ЧЕРНОМОР, художественная самодеятельность организована в каждом подразделении. Проводятся вечера-концерты. В программах боевые песни о героях отечественной войны, краснофлотские частушки, скетчи» [12. Д. 626. Л. 140–140 об.].

Таким образом, художественная самодеятельность играла огромную роль в жизни личного состава, при этом практиковались так называемые ее «малые формы» как наиболее своевременные и общедоступные. Малые формы – это антифашистские прологи, интермедии, стихи, басни, литературные монтажи и др. Происходило это потому, что нужны были новые оперативные формы, которые можно было раздробить в лозунги и плакаты, необходимы были боевые фельетоны. Большое внимание уделялось созданию юмористических произведений, таких как частушки и анекдоты, а также работе затейников. Выступления сослуживцев снимали усталость боевых будней, давали заряд бодрости, смелости и отваги, а самое главное строились они в основном на местном и флотском мате-

риале, что приближало их к зрителю, делало более понятным и актуальным.

Необходимо также отметить, что художественная самодеятельность на местах аккумулировалась вокруг клуба части, подразделения или корабля, возглавляемого политруком. Советское руководство ещё до начала Великой Отечественной войны озаботилось организацией деятельности местных клубов, четко определило цели и задачи их работы. Так, 24 мая 1941 г. было издано «Положение о клубе корабля», утвержденное заместителем начальника Главного управления политической пропаганды (ГУПП) дивизионным комиссаром Лебедевым. Из содержания документа следовало, что основная задача клуба – «быть центром организации и проведения массовой политической, военно-морской и культурно-просветительской работы на корабле», а основным содержанием его деятельности является «пропаганда, воспитание дисциплины и организация досуга и повышение культурного уровня краснофлотцев и командиров» [13. Л. 1].

Всего на 16 июля 1942 г., согласно «Списку штатных клубов на Северном флоте и БВФ», составленному начальником 4-го отдела ПУ СФ полковым комиссаром Киприяновым, на Северном флоте и входящей в его состав Беломорской военной флотилии (БВФ) насчитывалось три Дома военно-морского флота (ДВМФ) и 59 клубов (таблица) [12. Д. 626. Л. 77 об]:

Домов военно-морского флота	1-го разряда	1
Домов военно-морского флота	2-го разряда	2
Клубов	1-го разряда	6
Клубов	2-го разряда	16
Клубов	3-го разряда	37

При этом на документе стоит приписка от руки, что в трех клубах нет штата сотрудников (склад артбоезапаса (ВВС), 508 ОАЗД, 507 ОАЗД) и один клуб в списке пропущен (клуб 1-го ОАД Сеть–Наволоки). То есть на 16 июля на СФ существовало 60 клубов, однако фактически действовало из них только 57. Тем не менее цифра достаточно значительная, и сеть клубов плотно охватывала практически весь СФ.

Помимо местной художественной самодеятельности, которая существовала практически во всех частях, подразделениях и кораблях СФ, ПУ организовывало посещение воинских частей концертными агитационными бригадами, художественными коллективами ДВМФ СФ.

Уже менее чем через месяц после начала Великой Отечественной войны, к 15 июля 1941 г., на основе художественных коллекти-

вов ДВМФ СФ были сформированы две пробные агитбригады (начальники Болтунов и Денщиков). Основные её задачи были определены в специальных «Указаниях к работе агитбригад», утвержденных начальником управления политической пропаганды СФ Н.А. Ториком: «Агитационные бригады должны оказывать практическую и всестороннюю помощь политотделам и военкомам кораблей и частей в развертывании воспитательной работы и организации культурного досуга личного состава. Воспитательная работа должна быть направлена на воспитание в личном составе смелости, храбрости и неиссякаемого упорства в бою, презрения к смерти и жгучей ненависти к врагу, на прославление героев Великой Отечественной войны и воспитание у личного состава чувства отвращения и презрения к трусам и паникерам...» [12. Д. 587. Л. 42–45].

Согласно докладу «Первый опыт работы агитбригады ПУ СФ», изначально агитбригады формировались следующим образом: «Начальником является один из лекторов ПУ, который наряду с общим руководством всей агитбригадой лично сам ведет агитационную и пропагандистскую работу. В одну бригаду включен старший инструктор ПУ по печати, а во вторую – представитель редакции флотской газеты. Их задача состоит в том, чтобы помогать в частях и на кораблях в оформлении и выпуске "Боевых листов". В бригады включены ещё и художники, которые кроме помощи в оформлении "Боевых листов" изготавливают лозунги, плакаты, выставки и т. д. Остальные участники агитбригады – артисты краснофлотского театра и ансамбля песни и пляски СФ. Всего в составе агитбригады 30–35 человек» [12. Д. 587. Л. 35].

Однако вскоре, учитывая основные проблемы, выявившиеся в ходе работы агитбригад, в их организацию были внесены существенные изменения. В частности, как отмечалось в выводах к данному докладу: «состав в 30–35 человек громоздкий <...>, из двух бригад сделано три, в каждой будет по 20 человек. Одного пропагандиста не достаточно, сейчас мы включаем в агитбригады всех лекторов ПУ и ДПП, у каждого из них будет не менее 6–7 подготовленных тем бесед и докладов» [12. Д. 587. Л. 40].

Выступления агитбригад были очень тепло встречены во всех частях и соединениях СФ. Краснофлотцы с нетерпением ждали встречи с артистами и лекторами. Об этом говорят многочисленные отзывы рядового и командного составов после выступления бригад. Вот пример отзыва, подписанного старшим лейтенантом Космачевым, полковником Губановым и лейтенантом Кроль: «Ваше выступление воодушевляет нас на самоотверженную борьбу с фашизмом. Передайте Военному Совету, что каждый из нас не дрогнет в бою, что, если нужно будет, мы готовы отдать свою кровь, свою жизнь за любимую Родину. Передайте, что будем драться, пока бьется в гру-

ди у нас сердце, пока видят глаза. Мы будем бить гадов так, как бьют наши герои североморцы» [12. Д. 587. Л. 33–34]. Деятельность агитационных бригад сыграла серьезнейшую роль в укреплении морально-психологического состояния личного состава СФ, воспитании в нем патриотизма и ненависти к фашистским захватчикам.

Всего согласно «Обзору о состоянии агитационно пропагандистской работы на кораблях и частях СФ», составленному начальником 2-ого отдела ПУ СФ полковым комиссаром Ярошем 17 августа 1941 г., «за первый месяц своей работы с 15 июля агитбригады обслужили все основные соединения СФ: МУР, ВВС, ОВР, Тыл, ПВО, ОДМ. За это время они дали 140 концертов, провели 78 докладов и бесед, 36 инструктивных занятия с агитаторами, 32 инструктивных занятия с редакторами "Боевых листков"» [12. Д. 587. Л. 26]. Безусловно, опыт работы агитбригад показал, что их применение себя полностью оправдало и оказало существенную помощь политическим органам и парторганизациям. Учитывая, насколько серьезно деятельность агитбригад способствовала подъему боевого духа личного состава, командованием было принято решение о целесообразности их дальнейшего применения.

С конца 1941 г. художественные коллективы ДВМФ – театр, ансамбль краснофлотской песни и пляски и джазовый ансамбль – стали работать одновременно как самостоятельные цельные коллективы. Как отмечал начальник 4-го отдела ПУ СФ полковой комиссар Киприянов в «Обзоре положительного опыта культурно-просветительской работы за первые 11 месяцев Отечественной войны на СФ»: «Выступления коллективов ДВМФ проходили в самых разнообразных сложных условиях. Концерты давались в отсеке подводной лодки, на палубе и в трюме корабля, в землянке, кубрике, в палатке, на грузовике и просто у подножья сопки. Часто выступления концертных бригад заканчиваются митингами, на которых выступают бойцы, командиры и политработники, давая слово ещё крепче бить врагов нашей Родины. За время войны нет ни одной неудовлетворенной заявки воинских частей на концерты» [12. Д. 626. Л. 138 об.]. Это подтверждают многочисленные отзывы, вот один из них, написанный бойцами и командирами после выступления ансамбля в части на о. Куусинен: «Ансамблю краснофлотской песни и пляски СФ. Поздравляю всех исполнителей и руководителей Вашего Ансамбля с замечательным успехом Вашей работы. Выступления вашего молодого коллектива имеют, несомненно, большое художественное и политическое значение. С особенно глубоким удовольствием я слушал песни вашего хора по морской и красноармейской тематике» [12. Д. 626. Л. 139].

Необходимо сказать, что значительную часть репертуара творческих коллективов ДВМФ СФ, а также многих коллективов местной

самодеятельности составлял материал, написанный поэтами и композиторами, находящимися на СФ. Это делало выступление коллективов более злободневным и близким к зрителю. Материал, созданный композиторами и поэтами СФ, не только исполнялся, но и печатался в газете «Краснофлотец», в эстрадном сборнике и в сборнике «Слава бесстрашным», тем самым творческие коллективы не только Северного флота, но и других флотов, а также РККА получали возможность использовать его в своей концертной деятельности.

Поэты А. Жаров, Н. Панов, Я. Родионов, А. Ойслендер, Н. Флеров; композиторы Е. Жарковский, Б. Терентьев, М. Боголепов за период пребывания на СФ создали большое количество пьес, поэм, стихов и песен, прославлявших героизм североморцев, их подвиги и боевые дела во славу Родины. Так, за период войны композиторами Е. Жарковским, Б. Терентьевым, Б. Боголеповым и другими было написано свыше 100 музыкальных произведений. Наиболее популярными были: песни о тов. Сталине; песни о североморцах-героях Советского Союза Сафонове, Сивкове, Кислякове, Колышкине, Старикове, Луinine; песни о гвардейцах – о подводниках и летчиках. Много песен посвящено отдельным кораблям, отрядам, частям и подразделениям СФ [12. Д. 626. Л. 139 об.; 141].

Таким образом, значительная часть культурного обслуживания личного состава Северного флота приходилась именно на художественные коллективы ДВМФ. Их каждодневная творческая работа вселяла в товарищей по оружию смелость, решительность, веру в победу, любовь к Родине и ненависть к врагу, тем самым поднимая их общий моральный дух, способствуя успешному ведению боевых действий.

Помимо художественных коллективов ДВМФ, СФ обслуживался концертными бригадами, фронтовыми театрами, присланными из Москвы или прибывшими с других флотов. Из них наиболее плодотворную работу провела бригада Л.Б. Мирова и Е.П. Дарского, давшая многие десятки концертов и обслужившая десятки тысяч краснофлотцев и командиров СФ.

Бригада состояла из 13 артистов: Е.П. Дарского, Л.Б. Мирова, В.А. Дыховичного, О.А. Голубевой, М.Б. Раскатова, Э.М. Назаровой, Т.Н. Леман, З.С. Арсеньевой, И.М. Гуревич, А.Д. Орлова, М.М. Даровского, Р.А. Симановской, Д.Н. Васильева, а также руководителя бригады С.А. Пищик [12. Д. 619. Л. 57]. Она находилась с первых дней на фронте, обслуживая Западный фронт. Однако в ноябре это подразделение было откомандировано на Северный флот Комитетом по делам искусств при СНК СССР и ГПУ ВМФ СССР сроком на один месяц, но оставалось там значительно более долгий период – почти три месяца, после чего бригада была направлена на Карельский фронт, где ею было дано более 100 концертов. Всего на тот

момент на счету концертной бригады было около 500 проведенных концертов [12. Д. 619. Л. 39, 45, 47].

Как следует из доклада руководителя коллектива С.А. Пищика «Об итогах работы бригады Московских артистов на Северном ВМФ», концертная бригада включилась в активную работу уже на следующий день после приезда в г. Полярное: «Наши концерты начались в Полярном в ДВМФ в праздник Октябрьской революции. Несколько концертов было дано в Доме флота для командно-политического состава и для английских моряков <...> В Полярном мы давали концерты на кораблях, на базе подводников, в госпиталях, для частей морской пехоты, выступали у связистов и т. д. <...> 10 концертов, на которых присутствовало несколько тысяч краснофлотцев, дано на базе подводников. С подводниками у нас установилась тесная дружба. Не было случая, чтобы подлодка, возвращаясь с победой после потопления в Баренцевом море транспорта противника, на свое торжество не приглашала бы бригаду для концерта по случаю новой победы» [12. Д. 619. Л. 39, 40].

После того как были обслужены практически все части, находящиеся в районе г. Полярное, концертная бригада отправилась на боте в губу Грязную и Ваенгу, где находились авиабазы СФ. Как отмечается в докладе: «Концерты там давали в клубах летчиков и непосредственно в землянках на боевых аэродромах. <...> Так же как и в Полярном, нами были даны концерты для английских летчиков, на которых присутствовало командование британских сил. Более 20 концертов проведено для летного состава флота. Находясь на губе Грязной, одновременно с обслуживанием летчиков мы давали концерты в море на эскадренных миноносцах, прибывших сюда с боя. Командование воздушных сил флота специальным приказом отметило работу бригады» [12. Д. 619. Л. 40, 42].

Интересен тот факт, что бригада Мирова-Дарского уже не первый раз находилась на СФ. Ещё в Советско-финскую войну 1939–1940 гг., концертная бригада обслуживала североморцев. Это было отражено в стихотворном приветствии, опубликованном в местной газете летчиков «За Родину»:

<...>Тому лишь два года...
Лихая погода,
Война с белофиннами, ветер, мороз...
В декабрьский вечер
На славную встречу
К орлам заполярным нас катер привез
Но теплым приветом,
Декабрь сделав летом,
На всем вы поставили дружбы печать,
Дав нам на прощание
Свое обещание

Иначе незваных пришельцев встречать.
В ответ мы сказали,
Что в этом же зале,
Лишь только страна призовет вас к боям,
Появимся снова.
Сдержали мы слово,-
Вернулись к своим заполярным друзьям.
И снова мы вместе
И слово на месте:
Вы встретили жарко незваных гостей.
Незваные гости
Лежат на погосте
Вовек не собрать им «арийских» костей.<...> [2].

Следующим пунктом назначения бригады, согласно докладу, был о. Сеть Наволок, а также острова Старый и Новый Кильдин, где артисты и музыканты «дали в общей сложности 25 концертов для артиллеристов по 3–4 концерта в день, как правило, в землянках на позициях батарей». Творческий коллектив посетил также о. Кувшинка, где были даны представления для экипажей кораблей [12. Д. 619. Л. 42].

Безусловно, проезд и выступление московских артистов вызвали массу положительных откликов и благодарностей. В качестве примера приведем отзыв на выступление бригады зенитного подразделения (в отзыве номер подразделения не указан, присутствует только фамилия военного комиссара – Моляренко): «...мы, краснофлотцы и командиры зенитного подразделения <...>, искренне благодарим коллектив бригады <...> за внимательное и чуткое обслуживание <...> Концерт оставил у нас глубокое впечатление; нельзя не отметить игру тов. Мирова, его номер прост, в то же время захватывающий и злободневен, радуешься от всей души такому мастерству. <...> Цыганские пляски, – исполнительница тов. Арсеньева, – в них столько эмоций, задора и огонька, что, кажется, что сам вливаешься в гармонию этих ритмичных движений. Слова фельетона тов. Дыховичного – «Линия СТАЛИНА» гремят призывом к борьбе с фашизмом, мобилизуя краснофлотцев и командиров на решающий и последний бой со злейшим врагом – немецким империализмом. Ваше слово, тов. Дыховичный, это русский штык и бомба в подлое сердце коварного врага. Дорогие товарищи, наши чувства благодарности всем вам – нельзя полностью передать словами, и мы их предадим нашими боевыми делами на фронтах борьбы с немецкими империалистами» [12. Д. 619. Л. 51].

Однако самое сложное было впереди – Военный совет флота распорядился посетить передовые позиции морской пехоты и гвардейской дивизии, проходящие по р. Западная Лица. На подходе к полку артисты, передвигавшиеся колонной на подводах, были об-

стреляны артиллерийским огнем немцев, однако, к счастью, никто не пострадал. Прибыв на позиции, бригада дала с ходу три концерта подряд, находясь всего лишь в полукилометре от расположения немцев. Всего же артистами на передовой было дано 17 концертов, а также написано специальное стихотворение:

Мечтали немцы навалиться
На речку Западная Лица.
У речки Западная Лица,
Фашистов вытянулись лица
Их кровью вымокла земля,
У речки Западная Лица.
Придется немцам удалиться
От речки Западная Лица.
Водички немцам не напиться
Из речки Западная Лица.
Мы будем бить, как говорится,
Их, не взирая на лица,
Рекой советской будет литься
Та речка Западная Лица.
[12. Д. 619. Л. 42, 43].

После посещения передовой концертная бригада вернулась в г. Полярное, где повторно дала ряд концертов, после чего отбыла в г. Мурманск для обслуживания морских частей тыла. В Мурманске концерты давались в клубе тыла, на кораблях, в госпиталях и флотских частях. Всего было дано 20 концертов. Кроме того, в Мурманске состоялся специальный большой концерт на торжественном заседании интернационального вечера встречи моряков и стахановцев мурманского пароходства с английскими, американскими, голландскими и другими иностранными моряками. Всего же за три месяца пребывания на Северном флоте бригадой было дано 150 концертов. Руководитель группы С.А. Пищик в своем докладе писал: «Всюду, где мы выступали, на кораблях, аэродромах, в домах флота и клубах, землянках и блиндажах, везде бригаде был оказан теплый прием. Концерты проходили с исключительным успехом. По окончании почти каждого концерта – выступали североморцы, которые тепло благодарили за концерты, за отдых и бодрую зарядку, просили передать привет Москве и заверяли, что будут биться до последней капли крови, пока не уничтожат немецких оккупантов» [12. Д. 619. Л. 43].

Помимо положительного эффекта, который непосредственно оказал приезд и обслуживание бригадой североморцев, большое значение имели произведения, написанные артистами на местном материале. Данные произведения и после отъезда бригады использовались коллективами местной художественной самодеятельности для укрепления морального духа краснофлотцев и командиров.

Можно указать следующие примеры, которые приводит в своем докладе С.А. Пищик: героический фельетон «За что боролись» (о боевых делах североморских подводников), героический фельетон «Линия Сталина» (героизм летчиков, артиллеристов, подвиг первого Героя Советского Союза на Северном Флоте Кислякова), специальная интермедия о подвигах летчика Сафонова, песня «Окэй» с припевом на английском (о дружбе советских и английских летчиков), песни «О Полярном», «Ты моряк Мишка, моряк на скале...» и др. [12. Д. 619. Л. 44].

По итогам работы концертной бригады московских артистов на Северном флоте ей неоднократно объявлялась благодарность. Так, в приказе командующего Северным флотом вице-адмирала А.Г. Головки № 2 от 7 января 1942 г. «О вынесении благодарности бригаде московских артистов за отличную работу на Северном флоте» говорилось: «Работа бригады на Северном флоте ещё не закончена и продолжается при неизменной высокой оценке их деятельности и отличных отзывах личного состава. Кроме концертов, бригада и особенно ее ведущие артисты <...> оказали творческую помощь художественным коллективам флота, Ансамблю, Театру и Джазу Северного флота <...> За отличную работу бригады московских артистов на Северном флоте объявляю благодарность всем участникам и руководству бригады...» [12. Д. 619. Л. 47, 48]. А в апреле 1942 г. по представлению начальника отдела культмассовой работы Главного ПУ РКВМФ полкового комиссара Портнова бригаде было присвоено почетное наименование «Первая Военно-Морская Концертная Бригада Комитета по делам Искусств при СНК СССР».

Таким образом, работа местной художественной самодеятельности краснофлотцев, художественных коллективов ДВМФ Северного флота, обслуживание личного состава частей и кораблей бригадами артистов из Москвы, фронтовыми театрами, творческими коллективами других флотов играло важнейшую роль в укреплении морального духа воинов. С одной стороны, краснофлотцы и командиры, находясь на представлениях, могли снять напряжение суровых боевых будней, посмеяться острой шутке, веселой частушке артистов, с другой – содержание программ выступления творческих коллективов способствовало развитию в зрителях беззаветной преданности Родине, ненависти к фашистам, воли к победе.

Список литературы

1. Волкогонов Д. А. Война и армия: филос.-социолог. очерк. – М.: Воениздат, 1977.
2. За Родину. 1941. 18 ноября.
3. Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. – М.: ИРИ, 2000.

4. Ильин С. К. Моральный фактор в современных войнах. – М.: Воениздат, 1979.
5. Капитанец И. М. Война на море 1939–1945. Военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественных войнах. – М.: Вече, 2005.
6. Ковальченко И. Д. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. № 2. – С. 116–120.
7. Козлов Н. Д., Довжинец М. М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Альтер Эго, 2008.
8. Козлов Н. Д. С волей к победе: пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: ЛГОУ, 2002.
9. Левашко В. О. На Балтике в советско-финляндскую. Морально-политическое состояние личного состава краснознаменного Балтийского флота в период Советско-финской войны (1939–1940 гг.). – СПб., 2009.
10. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки на примере двух мировых войн и афганской войны. – М.: ИРИ, 1997.
11. Субботин М. П. Моральный фактор в условиях современной войны. [Лекция]. – Ростов н/Д: РВКИУ, 1972.
12. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. № 11 – Главное политуправление ВМФ. Оп. 2.
13. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Инвентарный № 6189 Положение о клубе корабля.
14. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Инвентарный № 6440. Обзор краснофлотской художественной самодеятельности за период Отечественной войны. – М.: Главн. полит. управл. ВМФ, 1944.

УДК 94(47).084.6/8:662.237.3

*В. Н. Скворцов**, *А. М. Судариков***

Некоторые проблемы советского производства тротила накануне и в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматриваются проблемы совершенствования производства тротила, экономического планирования и управления промышленностью боеприпасов накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Problems of perfection of manufacture of trotyl, economic planning and management of the industry of ammunition the day before and in days of the Great Patriotic War are considered in article.

Ключевые слова: непрерывная технология производства тротила, получение каменноугольного и нефтяного толуола, экономическое планирование.

Key words: the continuous production technology of trotyl, reception of coal and oil toluene, economic planning.

В 1929–1937 гг. СССР совершил беспрецедентный скачок в росте промышленной продукции. Только за годы первых двух пятилеток вступили в строй около 6 тыс. крупных предприятий. По абсолютным объемам промышленного производства Советский Союз вышел на второе место в мире после США. До сих пор остается до конца необъясненным очевидный исторический успех советского периода «догоняющей модернизации» страны – успешная индустриализация и выход на передовые рубежи по важным направлениям мирового научно-технического прогресса. Поэтому опыт организации крупномасштабной научно-технической деятельности в условиях отсутствия конкуренции и регулирующей роли рыночной экономики заслуживает сегодня особого изучения.

Во время Первой мировой войны из всех бризантных взрывчатых веществ (ВВ), производимых путем нитрации ароматических углеводородов, лучше всего зарекомендовал себя тротил (тринитротолуол), являвшийся продуктом ведения трех нитрогрупп в ароматический углеводород толуол. Преимущество тротила перед

* **Скворцов Вячеслав Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

** **Судариков Андрей Михайлович**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

другими индивидуальными ВВ обусловлено благоприятным сочетанием физико-химических, взрывчатых и технологических свойств. Широкое применение тротила связано с его малой чувствительностью к механическим воздействиям, высокой бризантностью, химической стойкостью, относительной дешевизной и наличием обширной сырьевой базы в странах с развитой коксохимической и нефтегазовой промышленностью. В годы Второй мировой войны тротил (ТНТ) стал самым массовым бризантным ВВ, применявшимся для снаряжения боеприпасов во всех воюющих странах. В СССР, в частности, на долю ТНТ в 1941–1945 гг. приходилось более 93 % от всего производства бризантных ВВ [2, с. 76].

В России изучение тротила как бризантного ВВ началось в 1906 г. благодаря успешной разведывательной деятельности В.И. Рдултовского во Франции [6, с. 13–14]. Производство тротила впервые было организовано в 1909 г. на Охтинском заводе и в 1912 г. на Самарском заводе по способу фирмы «Карбонит». До середины 1930-х гг. советское производство не претерпело существенных изменений.

Процесс производства тротила в Советском Союзе в начале 1930-х гг. делился в технологическом плане на четыре основных стадии: обработка серно-азотной кислотной смесью толуола до тринитротолуола или последовательное введение в толуол трех нитрогрупп (нитрование в три стадии); получившийся после этого ТНТ – сырец очищался от содержащихся в нем вредных примесей (до 6 %) перекристаллизацией из этанола с целью повышения химической стойкости и эксплуатационных качеств [3, с. 114].

Три фазы получения тротила нитрованием до 1936 г. были оформлены отдельно: специальные мастерские для каждой фазы имели свое оборудование и хранилища, где находился вырабатываемый продукт для обеспечения бесперебойности в работе последующей фазы. Обработка серно-азотной кислотной смесью происходила в аппаратах – нитраторах, в которые перед каждой операцией загружались исходные компоненты, обрабатывавшиеся кислотами продолжительное время. После окончания нитрования продукт выгружался и транспортировался в хранилище, а затем – в мастерскую следующей фазы [12, с. 205–206]. Продолжительность технологического процесса составляла более двух суток, так как до 40 % времени тратилось на осуществление загрузок-выгрузок, выход тротила-сырца оказывался менее 50 % от теоретического [3, с. 114]. Поэтому заводы № 15 и № 80 в сутки каждый производили не более 15 т тротила [2, с. 76].

Специалисты-технологии завода № 15 в 1936 г. внесли предложение перевести первые две фазы производства тротила (нитрование толуола через мононитротолуол до динитротолуола (ДНТ)) на

непрерывный способ, разработанный сотрудниками НИИ-6 И.И. Заченским, И.А. Мазелем, С.А. Щекотихиным. При этом промежуточная операция по выгрузке мононитротолуола из нитраторов мастерской первого нитрования и загрузке его в реакторы мастерской второй стадии ликвидировались. На первых двух фазах производительность работы существенно повысилась. Мастерские третьей стадии, работавшей по периодическому способу, не справлялись с переработкой поступавшего ДНТ, что требовало затрат на строительство новых мастерских и новых хранилищ. Дополнительное строительство не всегда было возможно из-за ограниченности территории заводов и соображений техники безопасности. Перевод на непрерывную работу первых двух фаз производства тротила обусловил необходимость перестройки на непрерывный способ и третьей фазы данного процесса [5. Оп. 24. Д. 1030. Л. 5–7].

Разработка полностью непрерывного процесса получения ТНТ затянулась в Советском Союзе на несколько лет. Не смогла помочь и научно-техническая разведка, поскольку в Германии, Италии и США третья стадия нитрования ТНТ осуществлялась периодически, а непрерывный способ английской фирмы I.G.I. к внедрению в отечественной промышленности не подходил [2, с. 77]. Только в июле-августе 1939 г. на заводе № 15 инженерами-технологами и специалистами 1-го Проектного института (ГСПИ-1) было найдено простое решение: третья фаза делилась на два этапа. На первом этапе нитрованием получали смесь, состоящую на 60 % из ТНТ и на 40 % из ДНТ, а на втором этапе смесь окончательно донитровывалась до тротила.

На непрерывный процесс тут же была переведена одна из заводских линий по изготовлению ТНТ. За август – сентябрь 1939 г. ее производительность выросла в 1,5 раза. В 1940 г. на заводе № 80 (имени Я.М. Свердлова) был освоен другой вариант непрерывного процесса – многофазный противоточный способ нитрования, созданный заводскими инженерами А.Т. Васильевым, Н.П. Кошелевым, Г.М. Васильевым. По основным технико-экономическим показателям два варианта технологии разительных отличий не имели, у каждого из них были свои достоинства и недостатки [3, с. 114–115].

При наличии в СССР к 1940 г. валовых мощностей по производству тротила в 100 000 т в год внедрение новой технологии означало увеличение производительности в короткие сроки и без каких-либо существенных капитальных затрат еще на 50 000 т в год. Строительство новых заводов, способных производить ежегодно 50 000 т ТНТ, потребовало бы от государства капиталовложений в 100 млн руб., причем ввод предприятий в эксплуатацию произошел бы через 2–3 года после начала их строительства [2, с. 78].

Объединение всех трех стадий нитрования тротила в непрерывный процесс позволяло не только сэкономить значительные средства, но и быстро увеличить возможности валового производства необходимого для Красной армии ВВ. Чтобы стимулировать усилия ученых и инженеров с целью скорейшего внедрения нового способа в промышленность, Комитет обороны в своем постановлении № 71сс от 11 февраля 1940 г. разрешил руководству наркомата боеприпасов «израсходовать 150000 руб. для премирования работников заводов № 15, 64, 80 и ГСПИ № 1 за освоение в 1940 г. производства тротила непрерывным методом» [5. Оп. 24. Д. 1030. Л. 5–7].

Наращивание мощностей по производству ТНТ осуществлялось в СССР достаточно успешно. К началу Великой Отечественной войны валовые мощности заводов Народного комиссариата боеприпасов (НКБ), специализировавшихся на изготовлении тротила, равнялись 129 000 т в год. Наиболее производительным являлся завод № 15, выпускавший до 60000 т ТНТ в год. Предприятие располагалось в городе Чапаевске Куйбышевской области и было введено в строй еще в 1910 г. Завод № 80, выпускавший 45 000 т тротила в год, находился в городе Дзержинске Горьковской области и был запущен в 1916 г. Единственным предприятием по производству ТНТ, введенным в эксплуатацию за годы советской власти, был завод № 64 в Новогорловке Сталинской области, вступивший в строй в 1940 г. [18, с. 188–189; 364; 386–387]. Изначально годовая мощность завода № 64 составляла всего 24 000 т ТНТ. Согласно постановлению СНК СССР уже к 1 января 1941 г. годовые мощности завода должны были увеличиться до 38000 т. Но указания правительства не были реализованы даже к началу Великой Отечественной войны, поскольку 1-е Главное управление НКБ, которому завод подчинялся, ничего не сделало в этом направлении [5. Оп. 24. Д. 1030. Л. 3–6].

Руководство оборонной промышленности долгое время не придавало надлежащего значения вопросу обеспечения этих производств соответствующей сырьевой базой по толуолу. Это стало серьезным просчетом в планировании развития производства тротила. Ошибка имела далеко идущие последствия как для производства боеприпасов, так и для судеб руководителей НКБ.

Несмотря на спад репрессий после 1937–1938 гг., отнюдь не всегда за оплошности руководители промышленности оставались без суровых мер наказания и дело ограничивалось лишь снятием с занимаемой должности. Не вызывает сомнения, что Народный комиссар боеприпасов И.П. Сергеев, не имея опыта работы в промышленности и опыта руководства столь крупным промышленным наркоматом, не смог должным образом организовать работу важнейшей оборонной отрасли в напряженные предвоенные годы. С

1918 г. И.П. Сергеев, выходец из рабочих, служил в РККА на командных должностях в артиллерийских частях, с 1931 г. преподавал и занимал руководящие посты в военных учебных заведениях. В 1938 г. комдив Сергеев был назначен заместителем председателя Военно-промышленной комиссии при Совнаркоме СССР, а в январе 1939 г., после образования Наркомата боеприпасов СССР, стал наркомом. В марте 1939 г. на XVIII съезде партии его избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б) [7, с. 408].

15–16 февраля 1941 г. состоялась XVIII конференция ВКП(б), на которой нарком И.П. Сергеев и директор завода № 124 М.М. Каганович были предупреждены о том, что если они не наладят как следует работу на вверенных им участках, то будут выведены из ЦК и сняты с работы [19].

Через две недели 3 марта 1941 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о работе Наркомата боеприпасов. За допущенные промахи в работе нарком И.П. Сергеев был снят с работы и переведен преподавателем Военной академии Генштаба. На его место был назначен П.Н. Горемыкин [7, с. 408].

Первые аресты в Наркомате боеприпасов были произведены за полгода до смены руководства: 23 октября 1940 г. арестован Борис Ефремов, начальник 2-го Главного управления, 12 ноября – заместитель наркома Николай Хренков, 11 декабря арестовали двух заместителей наркома Василия Шибанова и Михаила Иняшкина. 30 мая 1941 г. дошла очередь до бывшего наркома Ивана Сергеева и Александра Ходякова, в прошлом замнаркома, в момент ареста – члена Совета по оборонной промышленности при СНК СССР. Еще трех ответственных работников Наркомата боеприпасов: Сергея Горина, Даниила Ирлина и Георгия Толстова, взяли под арест летом 1941 г. Комдив Сергеев был уличен полученными под давлением показаниями своих бывших подчиненных в том, что он являлся одним из руководящих участников антисоветской организации, проводил вредительскую и шпионскую работу в пользу Германии. Признательные показания были выбиты и у самого бывшего наркома. Следствие длилось до начала 1942 г., после чего в феврале 1942 г. Особым совещанием при НКВД СССР И.П. Сергеев был приговорен к смертной казни и 23 февраля расстрелян [7].

Суть фатальной ошибки руководителей советской оборонной промышленности заключалась в том, что в стране не было налажено производство толуола в необходимом объеме. Природными источниками толуола являются каменный уголь и нефть. Соответственно в СССР перед войной существовало два промышленных способа получения толуола: коксование угля и пиролиз нефти [8, с. 8].

Сырой бензол, получавшийся на коксохимических заводах при извлечении ароматических углеводородов из коксового газа, содержал от 11 до 22 % толуола. При коксовании (нагревании угля без доступа воздуха до температуры 900–1000 °С) образовывался газ – примерно 300 м³ на тонну коксуемого угля. Этот газ кроме газообразных веществ содержал в парообразном виде ряд жидких веществ, в число которых входили и ароматические углеводороды – бензол, толуол, ксилол. Газ улавливался через конденсационную систему, и после извлечения из него аммиака обрабатывался поглотительным маслом, состоявшим из нефтяного солярового масла. Ароматические соединения растворялись в поглотительном масле и затем отгонялись из него в виде «сырого бензола». Последний дальше поступал на предварительную ректификацию, затем на химическую очистку и на окончательную ректификацию, в результате которой и получались бензол, толуол и ксилол в чистом виде. В целом выход толуола на одну тонну коксуемого угля составлял около 2,5 кг [8, с. 24–26].

Коксование угля проводилось на коксохимических заводах Наркомата черной металлургии, которые делились на две группы: южную и восточную. Заводы южной группы находились в районе Донецкого каменноугольного бассейна и вырабатывали перед началом Великой Отечественной войны ежемесячно около 2000 т толуола при расчетной мощности в 2400 т. Заводы восточной группы были расположены на востоке СССР – в районе Кузнецкого каменноугольного бассейна и металлургических заводов Урала (Магнитогорск, Губах, Нижний Тагил). Вырабатывали около 1000 т толуола при расчетной ежемесячной мощности в 1200 т [2, с. 80].

Получение толуола в больших масштабах в 1930-х гг. могло осуществляться в Советском Союзе лишь при коксовании угля, в процессе которого ароматические углеводороды извлекались как побочные продукты. Главной целью коксохимических заводов являлся выпуск кокса для черной и цветной металлургии. Исходя из этого, состав угольной шихты и режим коксования подбирались таким образом, чтобы обеспечить оптимальные условия для получения металлургического кокса. С точки зрения удовлетворения металлургии коксом происходило и все планирование увеличения мощности коксовых заводов. Подобное положение объяснялось тем, что в первой половине 1930-х гг. оборонная промышленность, как и металлургическая, находилась в подчинении Наркомата тяжелой промышленности, руководство которого было заинтересовано в первоочередном развитии именно гражданских, а не военных предприятий.

Руководство тяжелой промышленностью в 1933 г. с целью экономии средств и времени при производстве кокса решило повысить

температуру коксования, вместо того чтобы строить новые коксовые батареи. По старому режиму температура обжига угля достигала 900 °С. В новых условиях максимальная температура повышалась до 1350–1450 °С. Это значительно форсировало работу печей, увеличив их производительность в 2–2,5 раза, так как период коксования сократился с 28–32 ч до 13–14 ч при одних и тех же загрузках шихты. На выходе ароматических углеводородов такие нововведения сказались отрицательно: повышение температуры обжига выше термической стойкости этих соединений приводило к тому, что они стали частично распадаться. В результате выход толуола с одной тонны коксуемого угля сократился в два раза – с 2,5 до 1,25 кг [2, с. 82–83].

Изменение температурного режима повлекло за собой увеличение количества коксуемого угля и выделяющегося при этом газа за единицу времени в 2–2,5 раза. Во столько же раз должны были быть увеличены и мощности химических цехов по получению «сырого бензола». Из-за безразличного отношения к данной проблеме руководства Наркомата черной металлургии реконструкция химических цехов не проводилась. В результате химические цехи при коксовых печах не справлялись с переработкой газа и были даже не в состоянии уловить весь выделяющийся газ. Избыточный газ попросту стравливали в атмосферу через предохранительные клапаны. Таким образом, терялось около 30 % всего газа и соответственно 30 % толуола. Подобное положение сохранилось вплоть до начала Великой Отечественной войны и крайне беспокоило руководство Наркомата боеприпасов. В частности, нарком И.П. Сергеев предлагал обязать Наркомат черной металлургии устранить к 1 июля 1941 г. по всем коксохимическим заводам имеющийся разрыв мощностей между коксовыми батареями и химическими цехами при них [4. Оп. 1. Д. 94. Л. 202–204].

Еще в 1930 г. XVI съезд ВКП(б) вынес решение о создании второй мощной угольной базы на востоке страны с целью наилучшего использования богатейших природных богатств Урала и Сибири и наиболее рационального размещения топливной промышленности. В этих районах планировалось расширение Кузнецкого каменноугольного бассейна и создание Карагандинского [11, с. 517]. В течение 30-х гг. решение съезда выполнялось крайне медленно, поэтому большинство металлургических предприятий по-прежнему находились на юге СССР. В результате к концу 1940 г. в Советском Союзе главная масса мощностей по каменноугольному толуолу (74 %) были сосредоточена в Донбассе и на юге страны. Другие районы СССР, располагавшие громадными запасами коксующихся углей (в

частности, Западная Сибирь), занимали незначительное место в общем объеме производства кокса. Добыче коксующихся углей на этих территориях также не придавалось особого значения.

Ситуация резко ухудшилась с началом войны и захватом немцами Украины. Заводы, выпускавшие тротил, полностью лишились каменноугольного толуола коксохимических заводов Донбасса. Производственные мощности по каменноугольному толуолу сократились на 2/3, так как его могли теперь вырабатывать только предприятия восточной группы. Коксохимические заводы Урала и Сибири до конца войны так и не смогли достичь своей проектной мощности (14400 т в год) и давали лишь 10–11 тыс. т толуола в год – сказывался форсированный режим коксования, понижавший выход толуола [15, с. 64]. В тяжелейших условиях войны добыча коксующихся углей в восточных районах возросла с 9,8 млн т в 1941 г. до 18,4 млн т в 1945 г. [20, с. 266–267]. Но даже при уровне добычи 1945 г. и соблюдении обычного, а не форсированного режима коксования это позволило бы вырабатывать в год только около 46 000 т толуола или 80 000 т тротила, при ежегодной минимальной потребности войск в данном ВВ (по опыту войны) в 120 000–130 000 т [2, с. 86].

В предвоенном СССР существенного развития достигла технология получения ароматических углеводородов с использованием пиролиза керосина. Этот способ технологически более перспективен, но в 1920–1940 гг. ещё не достиг необходимого уровня совершенства и являлся гораздо менее экономичным [13]. Пиролиз, или ароматизация, нефтепродуктов появился в России еще во время Первой мировой войны и развился после Октябрьской революции 1917 г. в заметную отрасль промышленности в связи с недостатком толуола для производства ВВ. Сырьем для пиролиза являлся керосин (реже – газойль – тяжёлый керосин). В специальных аппаратах керосин без доступа воздуха подогревался до температуры 670–700 °С. Пары керосина под влиянием высокой температуры разлагались на ряд продуктов, находящихся в газообразном состоянии. Среди этих веществ образовывались с небольшим выходом и ароматические углеводороды. Газ проходил через систему холодильников и промывался соляровым маслом с целью извлечения унесенных им ароматических углеводородов. В целом из одной тонны керосина получалось 25–35 кг нефтяного толуола [11, с. 26].

Процесс пиролиза керосина без использования катализаторов являлся крайне неэкономичным. Основные его продукты после извлечения ароматических соединений находили себе применение только как топливо для коммунальных нужд, либо шли на производ-

ство беззольной сажи. Высокий расход керосина на единицу получаемого толуола и был главной причиной, из-за которой уже в конце 1920-х гг. от пиролиза керосина как способа получения толуола отказались в странах Западной Европы и США. Экономически невыгодно было использовать пиролиз керосина для получения толуола и в СССР (до создания современных высокопроизводительных технологий). Это хорошо понимали руководители промышленности боеприпасов [5. Оп. 24. Д. 267. Л. 111–112].

Перед Великой Отечественной войной до 70 % нефти добывалось в СССР на Бакинских нефтепромыслах. Во второй половине 1930-х гг. центр тяжести нефтедобычи стал смещаться на восток страны – между Волгой и Уралом в район так называемого «Второго Баку». Поволжье по запасам залегающей там нефти превосходило Бакинские нефтяные месторождения. Однако советские геологи перед войной так и не смогли определиться по вопросу того, на каких глубинах эту нефть следует искать [14, с. 33–34]. Из-за ошибочного определения геологами глубин залегания основных запасов нефти в Поволжье имевшиеся в СССР реальные возможности для резкого увеличения добычи нефти накануне войны не были реализованы и в годы самой войны.

В условиях недостаточных объемов нефтедобычи ежегодный расход около 14 млн т нефти с целью получения пирогенетического толуола становился невозможным. Основные заводы по пиролизу нефтепродуктов находились в центре страны, потому не были захвачены фашистами: нефтегазовый завод № 1 в Москве, нефтегазовый завод № 2 в Горьком, завод имени Буденного в Баку и завод № 96 в Горьковской области. Их суммарные мощности составляли 3450 т толуола в месяц или 41400 т в год, но из-за недостатка керосина предприятия работали в полсилы. Даже за первые пять месяцев благополучного 1945 г. эти заводы произвели 6275 т толуола, что составило 36,37 % от всех располагаемых ими мощностей [15, с. 74].

В СССР в течение 1930-х гг. необходимая деятельность в области развития сырьевой базы для производства тротила не велась. Широкого технического обсуждения данной проблемы на совещаниях с участием специалистов по производству исходных продуктов из соответствующих гражданских наркоматов и специалистов НКБ, не проводилось. Вплоть до 1940 г. координация действий между соответствующими наркоматами полностью отсутствовала. Не смог эффективно повлиять на сложившуюся ситуацию и Госплан СССР [2, с. 85]. Более того, в полном неведении в отношении этого вопроса находились и руководители ГАУ [16. Оп. 26. Д. 507. Л. 201–202].

К началу Великой Отечественной войны Советский Союз располагал производственными мощностями по толуолу в 87600 т в год. На нефтяной толуол из них приходилось 44 400 т, или 50,68 %. В мирное время мощности по пирогенетическому толуолу в целях экономии нефти были задействованы на 55 % [15, с. 61–62]. Для полного выхода на максимальную производительность в годы войны требовалось дополнительно еще 4 млн т нефти. Отечественная добыча нефти в предвоенные годы фактически находилась на одном уровне: если в 1938 г. было добыто 30,2 млн т, то в 1939 г. – 30,3 млн т, а в 1940 г. объем нефтедобычи увеличился незначительно – до 31,3 млн т [9, с. 132]. Запасы нефтепродуктов в виде государственных резервов, оставленных к началу войны, оказались ограниченными – 1,6 млн т [10, с. 388]. Ресурсов в стране на увеличение выпуска толуола перед войной не оказалось, что вынужден был признать нарком боеприпасов И.П. Сергеев в своем письме от 2 ноября 1940 г. заместителю председателя СНК Н.А. Вознесенскому [4. Оп. 1. Д. 94. Л. 202–204]. Это означало ограничение возможности выпуска основного ВВ для промышленности взрывчатых веществ, что негативно сказалось на снабжении войск боеприпасами.

В годы войны советская промышленность оказалась не в состоянии обеспечить производство тротила необходимым количеством толуола. Единственным выходом в сложившейся ситуации стало размещение в США заказов по толуолу, а также и тротилу. Соответствующее постановление ГКО № 2614сс от 12 декабря 1942 г. гласило: «Обязать Наркомвнешторг (т. Микояна) в целях покрытия дефицита толуола для производства тротила завезти в декабре 1942 года 1000 т импортного толуола и, начиная с 1 января 1943 года, обеспечить завоз не менее 3000 т толуола ежемесячно». Месячная потребность в толуоле для промышленности взрывчатых веществ составляла 6820 т, из которых 3820 т должны были производиться в СССР, а остальные 3000 т – импортироваться [17. Оп. 1. Д. 72. Л. 162–163].

В 1942–1944 гг. предприятия НКБ поставили Красной армии 361718 т ТНТ, из которых 273193 т произвела советская промышленность взрывчатых веществ, а 88525 т (24,47 %) поступили по ленд-лизу [15, с. 41–42]. На изготовление отечественными заводами 271193 т тротила было израсходовано 159 865 т толуола, из них импортных – 64 000 т или 40 % [15, с. 73].

Для расширения производства толуола в СССР возможности имелись. Достаточно было увеличить добычу коксующегося угля в районе Кузнецкого каменноугольного бассейна и нарастить там мощности по коксованию. Для полного обеспечения потребности в

толуоле в годы войны этих мер вполне бы хватило. Слабый контроль над положением дел внутри отрасли по производству боеприпасов и подчинение самой отрасли в 1932–1936 гг. гражданскому Наркомату тяжелой промышленности привели к тому, что были внесены изменения в технологический процесс коксования угля, которые позволяли значительно увеличить производство кокса, но вызвали резкое падение выхода толуола. Возникший дефицит в толуоле ошибочно предполагали возместить за счет пиролиза керосина, хотя нефти в стране для этой цели добывали недостаточно. Просчеты в планировании со стороны руководства НКБ привели к репрессиям, а советские тротильные заводы с началом войны ощущали дефицит толуола, который были вынуждены покрывать за счет поставок из США по ленд-лизу.

Артиллерия Красной армии начиная с ноября 1941 г. испытывала острую нехватку в боеприпасах, обусловленную главным образом отсутствием необходимого для их снаряжения тротила. Это и стало одной из важных причин затягивания боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Огневую мощь Красной армии в существенной мере пришлось обеспечивать за счет поставок тротила и толуола союзников. Поставки из США в запрашиваемом Советским Союзом объеме стали осуществляться лишь со второй половины 1943 г. Поступление из промышленности необходимого количества боеприпасов явилось одним из важнейших условий, определивших удачное проведение Красной армией крупных наступательных операций в 1944–1945 гг.

Список литературы

1. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ.) Ф. 3.
2. Балыш А.Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 30–40-е гг. XX века: промышленность боеприпасов. – М.: Изд-во МАИ-ПРИНТ, 2009.
3. Взрывчатые вещества, пиротехника, средства инициирования в послевоенный период: Люди. Наука. Производство. М.; СПб.: Гуманистика, 2002.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8007.
5. ГАРФ. Ф. 8418.
6. Демидов В.Н. Снаряды для фронта. – Л.: Лениздат, 1985.
7. Залесский К.А. Империя Сталина: биограф. энцикл. слов. – М.: Вече, 2000.
8. Збарский В.Л., Жилин В.Ф. Толуол и его нитропроизводные. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
9. Индустриализация СССР 1938–1941 гг. Документы и материалы. – М.: Наука, 1972.
10. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. – Т. 3. – М.: Воениздат, 1987.
11. История народного хозяйства СССР: курс лекций. – М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1960.

12. Орлова Е.Ю. Химия и технология бризантных взрывчатых веществ. – Л.: Химия, 1973.
13. Мельникова Л.В. Современное состояние и важнейшее направление процесса в производстве основных ароматических углеводородов // Химическая промышленность за рубежом. – М.: НИИТЭХим, 1988. – № 8 (303).
14. Нефтедобывающая промышленность СССР в 1917–1967 гг. – М.: Недра. – С. 33–34.
15. Промышленность боеприпасов СССР в период Великой Отечественной войны 1941–45 гг.: в 18 вып. – Вып. 7. – М.: Изд-во НИИ-6, 1947.
16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 20.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644.
18. Тихонов С.Г. Оборонные предприятия СССР и России. – Т. 1. – М.: ТОМ, 2010.
19. Хижняков С.С., Хлевнюк О.В. XVIII партконференция: время, проблемы, решения. – М.: Политиздат, 1990.
20. Чадаев Е.К. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – М.: Мысль, 1985.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).081/083:316.356.2

*В. С. Сидорова**

Родители и дети: причины бытовой преступности в Российской империи во второй половине XIX в.

В статье дается характеристика личных взаимоотношений родителей и детей во второй половине XIX в. В ходе анализа гражданских законов, регулировавших отношения между детьми и их родителями, а также традиций воспитания детей в Российской империи был сделан вывод о влиянии данных факторов на уровень бытовой преступности в семье.

The article characterizes intrafamily relations between parents and their children in the second half of 19th century. The analysis of traditions of upbringing and civil laws that regulated family relationships helps to make the conclusion about influence of these factors on a high level of household criminality in the second half of 19th century.

Ключевые слова: бытовая преступность, XIX век, родители, дети, закон, насилие, воспитание.

Key words: household criminality, nineteenth century, parents, children, law, violence, upbringing.

Взаимоотношения родителей и детей находятся в прямой зависимости от организации семьи и ее традиций. Во второй половине XIX – начале XX в. произошли серьезные изменения в социальной и духовной сферах российского общества, которые выразились в частичном отказе от патриархальных устоев. В связи с этим индивидуальная семья встала на путь к ограничению родительского произвола в целях охраны детских интересов и к синтезу власти отца и матери в интересах детей.

Однако данный процесс гуманизации внутрисемейной жизни протекал достаточно медленно, болезненно и неравномерно в различных слоях общества. Долгое время сохранялись патриархально-крепостнические пережитки, тормозившие преобразования в семейно-брачных отношениях: «Наш русский народ – по природе добрый, но масса его еще коснеет в невежестве, а потому и неудивительно,

* **Сидорова Виктория Сергеевна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

если мы видим в нем примеры...жестокой тирании и к женщинам, и к детям; где страдают женщины, там терпят дети» [7, с. 164].

Личные взаимоотношения родителей и детей, так же как взаимоотношения между супругами, регулировались гражданскими законами, не лишенными пробелов и недостатков и в этой сфере внутрисемейных отношений. В гражданском законодательстве по данному вопросу большое место уделялось моральному аспекту. По закону дети должны были оказывать родителям «чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им в самом деле, отзываться об них с почтением и сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота» [6; с. 33]. Иными словами, действовавшее законодательство подразумевало полную зависимость детей от своих родителей. Исполнение данного закона контролировалось полицией, имеющей «попечения, чтобы молодые и младшие почитали старших и старых, чтобы дети повиновались родителям» [6, с. 34].

Родителям в свою очередь предписывалось согласно ст. 172 Т. X ч. 1 Свода законов «давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание, доброе и честное, по своему состоянию» [3, с. 31]. Однако исполнение указанных родительских обязанностей не было ничем обеспечено. Ни гражданский, ни уголовный закон не предусматривал никаких последствий отказа родителей от образования и нравственного воспитания детей: «Эти чувства не поддаются сколько-нибудь точному регламентированию со стороны закона и еще менее принудительному осуществлению» [3, с. 2].

Согласно гражданским законам Российской империи родительская власть простиралась на детей обоего пола и всякого возраста и прекращалась «единственно смертью родителей или родителя ... или лишением всех прав состояния, в том случае, когда дети не последуют в ссылку за своими родителями» [6, с. 41]. Действующее право предполагало ограничение родительской власти, четко прописывая случаи, при которых это могло произойти. Ограничителями согласно закону являлись: 1) поступление детей в общественное училище, так как воспитательная роль переходила от родителей к начальству учебного заведения; 2) определение детей на службу, когда зависимость от родителей подрывалась новыми обязанностями и новыми отношениями; 3) замужество дочерей, когда неограниченная власть родителей заменялась такой же неограниченной властью мужа [2, с. 461].

Во второй половине XIX в. перед отечественными юристами и общественными деятелями довольно остро встал вопрос о границах родительской власти, которые не были четко определены в действовавшем праве. К.П. Победоносцев определял родительскую

власть как «существующую в интересах детей, как власть руководительную и попечительную, проявляющуюся в праве воспитания, надзора и принятия домашних мер исправления» [3, с. 24].

Наибольшие проблемы вызывал вопрос, связанный с применением «домашних мер исправления», потому что в законе не было никаких в этом отношении ограничений. Данное родительское право оставалось в совершенной неприкосновенности: «Родители для исправления детей строптивых и неповинующихся имеют право употреблять домашние исправительные меры» [6, с. 32]. Причем со стороны детей не разрешалось никакого иска на родителей в личных обидах и оскорбления (ст. 168 Т. Х Ч. 1) [1, с. 43]. Следует отметить, что этот закон не распространялся на те случаи, когда родители покушались на такие деяния, которые подлежали серьезному уголовному наказанию. Тем не менее он открывал простор для злоупотребления родительской властью, применения оскорблений, побоев и жестокости.

Доказательством может послужить следующий случай, описанный в петербургской прессе: «У портерной, напротив Юсупова сада, пьяный мужик-старик и мастеровой мальчишка вцепились в молодого парня лет 20-ти, повалили его на землю, били из всей мочи. На крики прибежал городской. Никто не властен разбирательство чинить меж нами: я ему отец, а он, значит, мне сын,— заявил старик» [10].

Родители имели право использовать дисциплинарные меры за детские проступки, нарушавшие порядок и быт внутри семьи, однако они не были лишены права прибегать к тем или другим воспитательным мерам и за общие преступления детей, которые наказывались государством [2, с. 462]. В связи с этим закон не мог оградить детей от насилия в самой семье: «Наши законы о родительской власти вообще рассчитаны на мирную и согласную семью и потому не дают прямых указаний, как разрешать случаи ненормальных супружеских отношений» [1, с. 36].

До введения судебных уставов в 1864 г. родители для вразумления особенно строптивых детей могли в соответствии с законом заключить их в тюрьму без судебного разбирательства на срок от двух до четырех месяцев. Однако уголовный департамент Сената поставил судам в обязанность давать жалобам родителей «дальнейший ход на законном основании, не обращая внимания на используемое в ст. 1592 Уложения о наказаниях выражение "без особого судебного разбирательства"» [2, с. 464]. В связи с этим постановлением с 1864 г. постепенно уменьшалось количество детей, отправленных в тюрьму родителями.

Помимо этого, в середине 70-х гг. XIX в. среди юристов большую поддержку и внимание получила идея о необходимости зако-

нодательно регламентировать границы «домашних мер исправления». Так, А.Д. Любавский выступал за ограничение прав родителей телесно наказывать своих детей при «достижении сими последними 16-летнего возраста для девочек и 18-летнего для мальчиков» и возвести этот поступок в разряд уголовно-наказуемых преступлений [2, с. 468].

На страницах петербургской прессы активно обсуждались вопросы, касающиеся жестокости родителей по отношению к своим детям. Однако основная масса населения, в том числе и привилегированные слои общества, выступали против четкой фиксации границ домашних наказаний, боясь остаться беспомощными в деле воспитания детей. «Тысячи глав дворянских семей, от великого князя Константина Константиновича до рядовой дворянки Е.А. Кравченко, отказывались видеть благо в воспитании без суровости и наказаний» [2]. Руководствуясь в вопросах воспитания патриархальными обычаями и традициями, многие родители вполне оправдывали насильственные меры по отношению к детям: «У нас в Питере живет один купчина. Весь дом не мог ослушаться его нраву. Регулярно, каждый день, он занимался воспитание сына по домострою, т. е. "древом его бияху много"» [12]. Более того, согласно обычному праву крестьян драка между детьми и родителями не считалась преступлением, а делом обыденным.

Согласно гражданским законам, регулировавшим отношения между детьми и родителями, последние не могли принуждать своих детей к совершению «деяний противозаконных или к соучастию в оных» [6, с. 33]. Более того, за умышленное вовлечение детей посредством родительской власти в какое-либо преступление предусматривалась высшая мера наказаний по ст. 1587 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [6, с. 136]. Тем не менее это не останавливало многих представителей низших слоев населения в силу своего бедственного положения отправлять детей собирать милостыню или заниматься другой противозаконной «уличной работой». Довольно часто независимо от погоды можно было встретить на улицах Санкт-Петербурга детей с шарманкой в руках, «голодные и холодные, слезы текут по их истомленным личикам» [9]. Предприимчивые родители устанавливали определенную норму, невыполнение которой влекло за собой суровые наказания: «Домой нельзя, денег мало набрали – мама прийдет и хлеба не даст» [9].

Тяжело жилось детям в семьях алкоголиков, особенно если пьянствовали оба родителя. В таких ситуациях жестокие побои и издевательства применялись зачастую не как исправительные меры, а для забавы и потехи или являлись следствием безрассудного поведения ввиду алкогольного опьянения. Ярким примером может

послужить дело, расследование которого провели члены общества по защите детей: «Почти каждую ночь пьяная мать, вместе с гостями приходя домой, будила спавшего ребенка [девочка 5-ти лет] и заставляла его танцевать и петь разные неприличные песни, и за это собирать подачки от посетителей» [8, с. 2]. Некоторые общественные деятели предлагали ограничить власть родителей над детьми в случае «не трезвой жизни первых» [11].

Скрыться от жесткого обращения родителей было едва ли возможным. Согласно ст. 170 Устава о паспортах местожительство детей полагалось только при родителях [1, с. 44]. Ребенок не мог сбежать к родственникам, друзьям или знакомым. Если же такое происходило, то родители были в праве требовать возвращения к себе детей «от всякого лица, удерживающего их у себя вопреки воле родителей» [15].

Гражданское законодательство предусматривало только один случай принудительного ограничения родительской власти, а именно «отдача детей родственникам православного вероисповедания или назначенным государством опекунам того же исповедания в том случае, если родители нарушили свою обязанность по воспитанию детей в православной вере» [2, с. 473]. Отсюда можно сделать вывод, что законодатели больше заботились о религиозном воспитании, нежели о физическом и нравственном здоровье детей.

Понимая все бессилие закона, многие общественные деятели выступали с призывом об организации специальных обществ, «покровительствующих детям, для заботы об улучшении их физического и нравственного состояния; для защиты против несправедливого и жестокого обращения с ними» [7, с. 175]. Ярким примером такой организации может послужить петербургское «Общество попечения о бедных и больных детях», открывшее в 1892 г. под своим попечительством отдел «Защита детей». За шесть лет работы члены отдела защитили 200 детей от жестокого обращения родителей [8, с. 2]. При подобных организациях существовали приюты и учебные заведения, куда и помещали детей. Одним из примеров может послужить судьба 13-летнего сына вдовы чиновника. Женщина совершенно пренебрегала материнскими обязанностями по отношению к своему сыну Николаю. Как выяснилось из расследования участкового попечителя отдела «Защита детей», она не обращала ни малейшего внимания на воспитание и образование мальчика, но вместе с тем за каждый проступок ребенка била его, морила голодом и запирала на целые дни в самые грязные места. Узнав о положении мальчика от сослуживца его отца, «Отдел озаботился судьбой ребенка и поместил его в Сельскохозяйственную школу Общества попечения о бедных и больных детях» [8, с. 3].

Помимо школ и приютов, общественные организации помещали детей «на свой счет в благонадежную семью». Такая участь постигла дочь крестьянки Татьяны, сожитель которой, «крестьянин П., буйного нрава, ведущий нетрезвую жизнь и отличающийся безнравственными наклонностями», вздумал обратить внимание на малолетнюю девочку: «С этих пор в квартире П. начались тяжелые сцены: мать силой вырывала ребенка из рук сожителя» [8, с. 3]. Следует отметить, что подчас полиция оказывала помощь представителям общественных организаций при изъятии детей из неблагополучных семей [2, с. 473], несмотря на свои обязанности защищать родительскую власть.

Несмотря на то, что все эти действия были незаконными, редко кто из родителей пытался потребовать своих детей назад: одни были рады избавлению от «лишнего рта», другим было просто все равно, где и что с их ребенком, третьи (чаще всего матери) были рады такому стечению обстоятельств, желая оградить своих детей от пьянства, жестокости и насилия в семье.

Жестокость по отношению к детям и безнравственное поведение в семье были характерны не только для «низов общества» или «маргинализированных» дворян, но и для вполне уважаемых представителей первенствующего сословия» [2, с. 473]. В связи с этим остро встал вопрос о законодательном закреплении возможности передачи родительских прав постороннему лицу, исходя из интересов ребенка. Однако решения по данному вопросу допускались только центральной администрацией и только для дворян при наличии связей и протекций. «Сенаторы и чины Канцелярии прошений твердо выступали за "непоколебимость" родительской власти, несмотря ни на какие бытовые условия» [2, с. 480], поэтому почти все конфликты и судебные разбирательства из-за детей между «посторонними лицами» и родителями заканчивались в пользу последних.

Постоянное насилие и отсутствие должного ухода в некоторых случаях приводили к смерти ребенка, за что родители несли суровое наказание перед уголовным судом. Вместе с тем именно преднамеренные убийства новорожденных и малолетних детей составляли достаточно многочисленную группу преступлений. Чаще всего убитые или оставленные без помощи младенцы имели статус незаконнорожденных, что и обуславливало во многом преступные действия матерей.

За 1862 г. в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 4269 [17] незаконнорожденных детей, а в 1870 г. – 4916 [4, с. 24]. Несмотря на то, что законнорожденных было в три раза больше (в 1862 – 12338 [17], а в 1870 – 14656 [4, с. 24]), количество детей, рожденных вне брака, составляло довольно внушительную цифру. Согласно своду законов Российской империи, к категории незаконнорожденных от-

носились: а) дети, рожденные вне брака, даже если впоследствии их родители «были сопряжены законным браком»; б) дети, произошедшие в прелюбодеянии; в) дети, рожденные «по смерти мужа матери или по расторжении брака разводом, когда со дня смерти мужа матери или расторжения брака до дня рождения сего младенца протекло более трехсот шести дней»; г) дети, рожденные в браке, который впоследствии был признан незаконным; д) дети, рожденные в браке, который был расторгнут по причине «доказанной неспособности мужа к супружескому сожитию» [2, с. 494].

Довольно трудно определить, из какой группы незаконнорожденные младенцы чаще всего становились жертвами матерей-убийц, однако можно предположить, что в группу риска входили, прежде всего, дети, рожденные от прелюбодеяния, или в том случае, когда девушка или женщина еще не состояла в браке. Анализ статистических данных показал, что возраст осужденных по ст. 1451 (детоубийство и оставление без помощи новорожденного) варьировался от 14 до 45 лет, причем наибольшее число приходилось на возрастные категории 14–20 и 20–30 лет [16]. Причины, толкавшие матерей на детоубийство, были достаточно разнообразны. Если говорить о девушках в возрасте от 14 до 20 лет, то здесь, без сомнения, решающую роль играл стыд и страх за свою дальнейшую судьбу: «Как часто девушки отдаются ухаживателям, веря их обещаниям жениться, а потом оставляются на произвол судьбы; до какой патологической высоты достигает суровость общественного мнения в случаях полового греха женщины...» [5, с. 15]. Страх потери чести и позора перед обществом, страх быть выгнанной из родного дома – все это придавало решимости молодым девушкам в их страшном деянии. Для женщин, состоявших в официальном браке, появление незаконнорожденного ребенка как фактическое доказательство прелюбодеяния, также грозило общественной оглаской и стыдом.

Бывали случаи, когда матерей пугал сам статус «незаконнорожденный ребенок» и связанное с ним ограничение прав. Согласно законам Российской империи незаконнорожденные, независимо от звания их матерей, приписывались к податным обществам и по достижению ими совершеннолетия (21 год) начинали платить подати и выполнять повинности [14, с. 42]. Незаконнорожденные дворяне не могли пользоваться правами и преимуществами сословного происхождения и были лишены права поступления на военную службу [2, с. 504]. Другим важным ограничением было отсутствие права незаконнорожденных детей на фамилию отца. Вместо этого они получали «прозвище», нередко выдававшие их происхождение [2, с. 504].

В крайне запутанном состоянии находились личные отношения матери и ее незаконнорожденного ребенка. Согласно гражданскому

законодательству у незаконных сыновей отсутствовало право на льготу по воинской повинности как единственных кормильцев престарелых матерей [2, с. 507]. Данный закон превращал мать с сыном в совершенно чужих друг другу людей.

Что касается имущественных и наследственных прав незаконнорожденных, то законы Российской империи не давали им права наследовать имущество родителей и их родственников без оставленного в их пользу завещания [14, с. 369]. Непросто складывалась ситуация и с обеспечением незаконнорожденных детей. Если мать незаконного ребенка решалась получить деньги на его содержание через суд, то она должна была выступить и как истица при возбуждении дела, и как обвиняемая в противозаконном сожитии, что предполагало наказание в форме церковного покаяния [2, с. 509]. Более того, дети, родившиеся от прелюбодеяния, вообще не имели никаких прав на содержание, и только в 1893 г. под воздействием «требований жизни» Сенат отказался от точного следования этому закону [2, с. 511].

В затруднительном положении в вопросах содержания и материального обеспечения находились незаконнорожденные дворяне. Государство оказывало помощь посредством воспитательных приютов и пенсий, только если речь шла о бедном и непривилегированном населении. Незаконные дети дворян были лишены финансовой помощи от государства [2, с. 512].

Таким образом, приобретение ребенком статуса незаконнорожденного влекло за собой множество как моральных, так и материальных проблем, которые оказывались непреодолимыми для малообеспеченных слоев населения. В связи с этим некоторые женщины решались на убийство своих незаконных детей, дабы избавиться и их и себя от будущих жизненных неурядиц и трудностей.

Бывали случаи, когда матери шли на убийство вполне законных младенцев. Поводом для детоубийства являлось крайне бедственное положение в семье, когда женщина, истощенная непосильной работой, голодом, да еще и пьянством и побоями мужа, сразу же избавлялась от «лишней заботы». Исследователи женской преступности второй половины XIX в. среди причин, побуждающих женщин к совершению преступления, довольно часто выделяли именно огромное количество тягостей и невзгод, выпадающих на долю простолюдинки: «Женщине из народа тем труднее бывает выносить болезненное состояние (беременность, роды, кормление грудью), что она при нем не избавляется от исполнения обязанностей хозяйки. Именно на женщину из простонародья обрушивается специальный род испытаний в виде пьянства и насилия мужа и отца» [5, с. 8].

Дети росли, становились старше, и вот уже родители превращались в объект для насилия. Жестокость детей по отношению к

родителям в большинстве случаев проявлялась по достижении ими довольно зрелого возраста, когда физическая сила, новое материальное или социальное положение помогали дать отпор родительской власти.

Неподобающее отношение детей к родителям во многом было обусловлено воспитанием ребенка и той обстановкой в семье, где он рос. Будучи свидетелем постоянных ссор между родителями, которые, «нисколько не стесняясь, при детях осыпают друг друга бранью, упреками», у ребенка начинает постепенно зарождаться «не только неуважение к человеку вообще, но даже к отцу и матери» [13, с. 51].

Причины жестокого обращения, побоев и даже убийств детьми своих родителей, как правило, были связаны с действиями родителей по отношению к ним в детстве и юности: одни мстили за «горькое и безрадостное детство», другие за отдельные обиды и оскорбления, третьи, за несчастный брак. Ведь, несмотря на то, что по ст. 1586 Уложения о наказаниях принуждение детей к браку составляло уголовное преступление, наказуемое тюрьмой от 1 года до 4 месяцев, гражданские законы давали возможность родителям влиять на решения детей, запрещая вступать в брак без дозволения родителей «безразлично в каком возрасте и социальном положении дети (ст. 6 Т. X ч. 1)» [1, с. 55].

Подводя итог, можно сделать вывод, что проблема насилия родителей по отношению к детям во второй половине XIX в. была связана, прежде всего, с недостатками гражданского и уголовного законодательства, которые способствовали сохранению патриархальных пережитков во внутрисемейном укладе большинства населения страны. В действующем праве Российской империи не были четко определены пределы и границы родительской власти, что вело к ее злоупотреблению. Кроме того, закон не давал прямой возможности детям спастись от совместной жизни с родителями-тиранами, перейдя под покровительство других лиц. Что касается традиций и обычаев в вопросах воспитания детей, то идея отказа от физического насилия только начала пробивать себе дорогу. Даже для представителей привилегированного сословия «порка детей, лишение их еды или запираение в темном чулане и другие меры воздействия воспринимались как вполне допустимые» [2, с. 470].

Вместе с тем такие деяния, как преднамеренное детоубийство, чаще всего касались незаконнорожденных детей в связи с многочисленными моральными и финансовыми трудностями, обусловленными правовой неполноценностью незаконнорожденных, а также сильным неприятии в обществе случаев «полового греха женщины». Убийство законнорожденных младенцев иногда происходило в семьях беднейших слоев городского населения, являясь

результатом крайней нужды, пьянства и безнравственного образа жизни.

Данные обстоятельства наложили существенный отпечаток на детскую преступность по отношению к родителям, вызванную в большинстве случаев попытками уберечь себя от «неограниченной» родительской власти и отомстить за детские обиды. Ощутимые результаты либеральных перемен в семье можно наблюдать только к концу XIX в: «Ограничение отцовского и супружеского произвола, расширение прав жены и охрана детских интересов возвысили нравственный уровень семьи» [3, с. 22].

Список литературы

1. Боровиковский А. Отчет судьи. Т. II. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1892.
2. Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб.: Европейский Дом, 2007.
3. Гуревич И. Родители и дети. – СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1896.
4. Гюбнер Ю. Статистические исследования санитарного состояния Санкт-Петербурга за 1870 год. – СПб.: тип. В.И. Головина, 1872.
5. Зеланд Н. Женская преступность. – СПб.: тип. А.А. Пороховщикова, 1899.
6. Канторович Я.А. Законы о детях. – СПб.: тип. К.Н. Плотникова, 1873.
7. Лазаревич И. Внимание к детям и матерям. – Харьков: тип. М. Зильберберга, 1869.
8. Общество попечения о бедных и больных детях. Отдел «Защита детей». – СПб., 1898.
9. Петербургский листок. 1865. № 41.
10. Петербургский листок. 1865. № 53.
11. Петербургский листок. 1865. № 64.
12. Петербургский листок. 1865. № 74.
13. Покровская М.И. Вопросы воспитания. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1902.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. XXXVI – XL. 1861–1865. – СПб.: Гос. тип., 1863–1870.
15. Решения Гражданского Департамента Правительствующего Сената за 1876 год. – СПб.: Сенатская тип., 1876. № 199.
16. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1873–1884; 1886–1888; 1890; 1893; 1897 году. – СПб.: Сенатская тип., 1874–1876; 1878; 1879; 1883–1885; 1887; 1888; 1890–1892; 1895; 1897; 1901.
17. Статистические таблицы Петербургской губернии за 1862 год. – СПб., 1863.

**Женские воспитательно-исправительные заведения
для несовершеннолетних преступниц в России
(конец XIX – начало XX в.)**

В статье исследованы состояние женской преступности среди несовершеннолетних в Российской империи в конце XIX – начале XX в. и деятельность воспитательно-исправительных заведений для малолетних преступниц.

В работе изложены данные о динамике детской женской преступности, видах преступлений, о занятиях преступниц. Кроме этого, исследуется процесс становления исправительных учреждений для девочек и дается характеристика внутреннего устройства женских воспитательно-исправительных заведений, средствах и методах перевоспитания нарушивших закон девочек.

Given article is devoted what place was occupied with female minor criminality in the Russian empire in the end of XIX – the beginning of XX centuries and activity of penal institutions for juvenile criminals.

In work the data about dynamics of children's female criminality, kinds of crimes, about employment of criminals is stated. Besides, in work the question on a problem of formation of correctional facilities for girls is considered. Also in work to contain questions of the internal device of female penal institutions, means and methods of re-education of the girls who have broken the law.

Ключевые слова: женская преступность, исправительные заведения, несовершеннолетний, перевоспитание, попечительство, правонарушение, обучение, ремесло.

Key words: Female criminality, Penal institutions, The minor, Re-education, Guardianship, Offence, Learning, Craft.

Рассматривая проблемы детской преступности в России в конце XIX – начале XX в. и методы борьбы с ней в виде создания специальных воспитательно-исправительных заведений для малолетних правонарушителей обоего пола, хотелось бы отдельно выделить вопрос об организации подобных учреждений для девочек.

Как показывают статистические данные, девочки составляли около 10 % от общего числа малолетних преступников в России данного периода. Возраст осужденных несовершеннолетних преступниц можно разделить на три примерные группы: 10–14 лет, 14–17 лет и 17–21 год [11, с. 164]. Хотя использовалась и другая

* **Шевнина Лилия Валерьевна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

классификация: 10–13 лет – малолетние и 14–20 – несовершеннолетние.

Характерной особенностью при осуждении девочек являлось то, что в отношении данной группы отмечалось большое число оправдательных приговоров. Последнее было связано как с традиционной «мягкостью» суда к женщинам, а тем более девочкам-преступницам, так и с тем, что значительное количество дел возбуждалось относительно девочек из прислуги при полном отсутствии каких-либо доказательств [16, с. 126] (табл.).

Таблица

Виды преступлений осужденных девочек

Название преступления	Малолетние (10–13 лет)	Несовершеннолетние (14–20 лет)
Сопrotивление властям		67
Оскорбление власти	1	13
Нарушения уставов казенных управлений	3	39
Преступления против спокойствия и безопасности		5
Преступления против общественной нравственности		19
Детоубийство		10
Неумышленное убийство		7
Умышленное убийство		1
Убийство супругов		1
Похищение и подмен младенцев		1
Оставление в опасности и сокрытие трупа		33
Телесные повреждения		13
Поджог	2	2
Истребление имущества	2	1
Кража со взломом	-	12
Кража домашняя	1	4
Другие случаи кражи	1	28

Примечание. Составлено по: Свод статистических сведений по делам уголовным...за 1888 г. СПб.: Тип. правительствующего Сената, 1893. С. 58–62.

Основную массу преступлений, совершаемых малолетними и несовершеннолетними осужденными (более 70 %), как показано в таблице, составляли кражи, которые, в свою очередь, делились на три большие группы: «кража домашняя», «кража со взломом» и «вооруженная кража» [12, с. 58–60]. Помимо этого девочками совершались следующие преступления: оставление в опасности и сокрытие трупа, нарушение уставов казенных предприятий, преступления против спокойствия и безопасности, преступления

против общественной нравственности, сопротивление властям, поджог жилых зданий. Также встречались тяжкие преступления, как правило, они относятся к девушкам более старшего возраста (17–20 лет). Это детоубийство, убийство супруга, нанесение тяжких увечий.

По роду занятий малолетние и несовершеннолетние преступницы делились на несколько категорий. Исходя из статистических данных по уголовным делам можно сделать вывод, что большая часть девочек, совершавших кражи, работали прислугой и воровали у своих же хозяев. Кроме того, больше всех совершали преступления поденщицы и чернорабочие; занимавшиеся проституцией и те, кто вообще не имел определенных занятий [13, с. 180]. Как правило, это были малолетние жительницы больших городов (Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы). Меньше всего наблюдалось правонарушений среди девочек, работавших в сельскохозяйственной сфере [13, с. 175–177].

Таким образом, исследуя, статистику и динамику детской преступности, можно сказать, что большинство малолетних преступниц не имели ни определенных занятий, ни места работы или были в прислугах.

Динамику детской женской преступности можно назвать непостоянной (то увеличивается, то понижается; зависит от возраста). Так, с конца 80-х гг. XIX в. малолетняя женская преступность (10–14 лет) начала постепенно повышаться [14, с. 58–62].

Методы борьбы против женской малолетней преступности были идентичны тем, которые применялись к мальчикам. С середины 1850-х гг. с развитием идеи о перевоспитании подрастающего поколения (как склонных к этому, так и уже совершивших правонарушения) стали открываться воспитательно-исправительные заведения по всей России. Поскольку девочек-преступниц было меньше, то и количество заведений для них соответственно было не столь большим.

Одними из первых свою деятельность начали такие учреждения, как Дом милосердия, Санкт-Петербургская воспитательно-исправительная колония, приют имени императора Александра III, находившиеся в Петербурге; Пуца (отделение для девочек в Варшаве), Большевский исправительный приют (в Москве).

Несмотря на то, что еще 5 декабря 1866 г. появился закон «Об учреждении исправительных приютов» [20. Л. 38], первый приют для девочек появился только в 1874 г., в Москве (Большевский) [17, с. 178–179]. После этого новых учреждений не создавалось вплоть до конца 1891 г., когда Варшавским обществом земледельческих колоний был открыт приют для девочек в усадьбе Пуца. Наконец и в Петербурге в 1895 г. был учрежден подобный приют для малолетних преступниц.

Характерно, что все эти учреждения принимали не только осужденных, но бродяжек и девочек, склонных к правонарушениям. Необходимо отметить, что наибольший вклад в развитие исправительных учреждений для несовершеннолетних преступниц внесла популярная в то время организация – Дамский благотворительно-тюремный комитет [21], созданный в 1893 г. для помощи преступным и бесприютным женщинам в Петербурге.

Структура и внутренняя организация воспитательно-исправительных заведений для девушек определялась целями перевоспитания лиц женского пола. Главная цель помещения несовершеннолетних преступниц в исправительные заведения – не заключение их под стражу, как это осуществлялось ранее, а перевоспитание и обучение [20. Л. 38]. Нравственное перевоспитание осуществлялось посредством постоянного труда и дисциплины, а процесс обучения был направлен на получение знаний, навыков и умений, наличие которых в дальнейшем помогли бы молодой девушке обеспечить себя работой и пропитанием.

Открытию исправительных учреждений способствовала, как правило, деятельность какого-либо благотворительного общества. Среди самых серьезных организации подобного вида можно выделить Дамский благотворительно-тюремный комитет, Человеколюбивое общество и Общество земледельческих приютов и ремесленных колоний. В каждом обществе избирался попечительский совет, назначалась попечительница [7. Л. 54]. Важно отметить, что попечением над женским исправительным приютом по правилам всегда должна была заниматься женщина. Мужчины могли только состоять в Попечительном комитете.

Попечительница, в свою очередь, самостоятельно назначала директора того или иного заведения, помощниц, воспитательниц и всех сотрудников учреждения. Внутренними делами и процессом обучения девочек непосредственно заведовала директор, которая периодически представляла Комитету отчеты по деятельности заведения [5, с. 17].

В приюты помещались девочки в возрасте от 10 до 18-ти лет, совершившие преступление, склонные к правонарушениям и бродяжки. В приюты не помещались девочки, страдавшие от инфекционных болезней и слабоумные [18, с. 1–2]. Среди необходимых документов для помещения малолетних преступниц с целью их дальнейшего учета требовались: копия судебного приговора, свидетельство о рождении, медицинское свидетельство, сведения о личности.

Внутренний распорядок дня и режим воспитательных приютов и колоний был строго регламентирован. Каждое заведение исправи-

тельного типа имело свой собственный устав, по которому должны были жить и работать все питомицы и воспитательницы [16, с. 86].

Практически каждое исследуемое нами воспитательно-исправительное заведение для девочек как стимул к перевоспитанию вводило так называемые разряды. Каждая новая девочка, например в Большевском приюте, при поступлении получала самый низший разряд (третий), поэтому она выполняла самые грязные работы в доме, на кухне. Если же девочка отличалась спокойным поведением, выполняла все порученные ей задания, много училась, то ей выдавались специальные марки. Для того чтобы перейти из 3-го разряда во 2-й, требовалось набрать 500 марок [16, с. 88–90]. Также существовал первый разряд, самый высший, но чтобы сюда попасть, девушкам необходимо было набрать около 1000 марок за отличное поведение, добросовестный труд и успехи в учебе. Наличие же 1-го разряда позволяло питомицам видеться с родными, заниматься легким трудом, ходить на прогулки в город и т. п. Таким образом, складывалась система, при которой у каждой воспитанницы существовали реальные стимулы к исправлению.

Все воспитанницы исправительных приютов помимо общих хозяйственных работ, проходили обязательный курс начальной городской школы. Каждый класс делился на две примерные группы по возрастам с учетом физиологического и умственного развития девочек: 10–14 лет и 15–18 лет. Занятия по школьным предметам, как правило, занимало первую половину дня. Основными предметами, которые осваивали воспитанницы, являлись Закон Божий, чтение, письмо, арифметика, хор, некоторые сведения по отечественной истории, географии. Особое отношение к процессу образования сложилось в петербургском приюте, основанном в честь императора Александра III, где все девушки должны были сдать экзамены на базе городских школ по основным предметам. Экзамены проводились в одной из петербургских школ в присутствии учителя, попечителя приюта, его почетных членов и приглашенных независимых педагогов. Если экзамены проходили удачно, то каждая воспитанница получала свидетельство (документ) о получении образования.

Более важное место в перевоспитании малолетних преступниц занимало обучение их ремеслам и рукоделию. Среди самых распространенных занятий можно выделить обучение девочек шитью, вязанию, штопке, вышиванию, кухонному делу. Данные навыки и умения, как полагали исследователи, должны были помочь приобщить воспитанниц к честному и достойному труду, привить любовь к рукоделию и обеспечить работой по выходе из исправительного заведения.

Важно отметить, что обязанности по организации жизнедеятельности в приютах выполняли сами воспитанницы. Как видно из

устава Большевского приюта в Москве, воспитанницы «по мере своих сил и возможностей» выполняли в приюте домашние работы, убирали комнаты, шили, чинили и стирали платье и белье, помогали готовить кушанья, занимались работами в огороде, уходом за скотными и птичьими дворами и т. д. [19, с. 16]. Видимо, такие меры должны были служить средством к приобщению несовершеннолетних преступниц к труду, учить жить в коллективе, умению общаться с другими воспитанницами, что, в свою очередь, могло помочь их нравственному исправлению.

Система патроната над вышедшими и признанными исправившимися девушками осуществлялась по тем же принципам, что и над молодыми людьми. Патронат осуществляло Общество попечения или сам приют во главе с попечительницей. В течение трех лет после выхода из воспитательно-исправительного заведения, девушки находились под контролем особых смотрителей, периодически осведомлявшихся о положении бывших воспитанниц. По возможности Общество или приют подыскивало для своих питомцев рабочее место на предприятии, в ателье, у мастериц или прислугой.

Таким образом, женская преступность, хотя и составляла около 10 % от общего числа преступлений несовершеннолетних, но также требовала внимания со стороны общества и государства. Основными и самыми частыми являлись такие проступки и преступления, как кражи разных типов, сокрытие трупа, нарушение уставов и общественного спокойствия.

Основным средством борьбы с преступностью несовершеннолетних стало создание специальных воспитательно-исправительных заведений. Процесс открытия и деятельность приютов для девочек-преступниц в России исследуемого периода по сравнению с мужскими, проходил довольно медленно, поскольку основное внимание уделялось именно открытию учреждений для мальчиков.

Основными специальными учреждениями для девочек в России в конце XIX в. были: Большевский исправительный приют, приют имени императора Александра III, Саратовский Галкинский приют, Дом милосердия, приют Пуща. Все они действовали на основании схожих уставов и ставили своей целью возвращение преступных детей к нормальной жизни путем трудового и религиозного воспитания и обучения.

Список литературы

1. Большевский исправительный приют для нищенствующих девочек. Очерк деятельности приюта с основания его по 1-ое января 1876 г. – М.: Тип. С.П. Яковлева, 1876.

2. Детские приюты. Справочная книжка для лиц, имеющих надобность помещать детей в приюты. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1886.

3. Отчет СПб. Дома Милосердия с 15 июня 1863 г. по 1 января 1865 г. – СПб.: Тип. И. Маркова, 1865.
4. Отчеты об осмотре детских приютов. Ведомство учреждений императрицы Марии. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903.
5. Отчет Харьковского общества патроната над несовершеннолетними двух воспитательно-исправительных приютов для подследственных мальчиков и девочек за 1914 год. – Харьков: Тип. С.А. Шмерковича, 1915.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 763. Оп. 1. Д. 11.
7. РГИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 19.
8. РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 369.
9. Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют в 1871–1873–1914 гг.: историческая записка, составленная по архивным документам А.В. Потемкиным в 1914 г. – Саратов: Тип. С.М. Панина, 1914.
10. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1887 г. в судебных учреждениях округа Варшавской судебной палаты. Изд. Мин-ва юстиции: в 3 ч. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1891.
11. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1888 г. в судебных учреждениях округа Варшавской судебной палаты. Изд. Мин-ва юстиции: в 3 ч. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1893.
12. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1889 г. в судебных учреждениях округа Варшавской судебной палаты. Изд. Мин-ва юстиции: в 3 ч. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1894.
13. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1890 г. в судебных учреждениях округа Варшавской судебной палаты. Изд. Мин-ва юстиции: в 3 ч. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1897.
14. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1891 г. в судебных учреждениях округа Варшавской судебной палаты. Изд. Мин-ва юстиции: в 3 ч. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1897.
15. Трудовая помощь. Орган Попечительства о трудовой помощи. – СПб., 1913.
16. Тюремный вестн. Орган Главного тюремного управления. – СПб., 1895.
17. Условия принятия несовершеннолетних девочек в исправительный приют Пуца. – Варшава (б. изд.), 1891.
18. Устав Яковлевского воспитательно-исправительного приюта для несовершеннолетних женского пола. – М.: Тип. А. Левинсона.
19. ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 6329.
20. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 23.
21. <http://encspb.ru/article.php?kod=2823336683>

УДК 94(47).072:340.130:347.177:332.2.021.8

*А. В. Россохина**

Решение земельного вопроса при освобождении крестьян в Остзейских губерниях в 1816–1819 гг.

В статье рассмотрена попытка решения российским правительством земельного вопроса в Прибалтийских губерниях при отмене в этом регионе крепостного права в первой четверти XIX в. Показаны конкретные условия безземельного освобождения крестьян, проведен их анализ и выявлены последствия для дальнейшего развития земледелия в Остзейских губерниях Российской империи, а также влияние этих условий на отмену крепостного права в России в целом.

This article is devoted to an attempt of Russian Government to solve the agrarian problem in the Baltic provinces after the abolition there the serfdom in the first quarter of the XIX century. The concrete terms of landless abolition of the peasants are shown and analyzed in the article, and the consequences of this process for further development of agriculture in Baltic provinces and also the influence on the abolition of the serfdom in Russia, in whole, are exposed.

Ключевые слова: крепостное право, аграрная реформа, помещики, крестьяне, земледелие.

Key words: the serfdom, agrarian reform, landowners, peasants, agriculture.

В первой четверти XIX в. в Остзейских губерниях Российской империи была проведена важнейшая для того времени реформа – в этом регионе было отменено крепостное право. Проведенные преобразования в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии основывались на двух основных принципах: крестьяне объявлялись лично свободными (причем за свою свободу они не должны были выплачивать выкуп), но вся земля оставалась в собственности помещика.

Можно отметить, что в первой половине XIX в. ряд помещиков уже поняли, что крепостное право изжило себя как институт, что выгоднее использовать вольнонаемный труд, а не крепостной. В Вольном экономическом обществе шла серьезная полемика о выгоды или невыгоды крепостного труда, и там появлялись

* **Россохина Анастасия Владимировна**, аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

работы, в которых декларировалась польза вольнонаемного труда¹. И, конечно, много говорилось о том, что владеть другим человеком как вещью, продавать и покупать его как товар, просто аморально и не соответствует прогрессивным идеям этого столетия. Но если в среде дворянства зарождались идеи об отмене крепостного права, о даровании крестьянам личной свободы, то относительно земли вопрос решался не так однозначно. Вообще земельный вопрос при разрешении проблемы отмены крепостного права был самым сложным и самым неоднозначным.

Если обратиться к изучению российского законодательства, то стоит признать, что *de jure* земля принадлежала помещикам, впрочем, как и сами крестьяне. Манифестом о вольности дворянству, принятым в 1762 г., и жалованной грамотой о вольности дворянской 1785 г. утверждалось, что дворянское землевладение уже не является производным от службы дворян и фактически превращается в собственность в ее настоящем понимании, за дворянами утверждалось право распоряжения имениями [2, с. 89]. Но если частью дворян и признавался факт, что обладать другими людьми постыдно, то о владении землей ничего подобного не говорилось. Земля являлась на тот момент основой производства, и, конечно же, помещики не намерены были отказываться от прав на нее. В соответствии с этим постулатом и было принято решение о безземельном освобождении крестьян в Остзейском регионе.

Сложно сказать, насколько такое решение было правильным. Не принимать во внимание положения законов, утверждающих право собственности на землю за помещиками и охраняющими это право собственности, конечно, было нельзя. Правительство не могло не считаться и с тем обстоятельством, что дворяне являлись опорой самодержавной власти, в связи с чем открыто выступать против них и их интересов оно не могло. Однако в новом законе о крестьянах, при сохранении права собственности на землю за помещиками, не было сделано попытки установить какие-либо условия, выгодные для крестьянства, ни при приобретении земли в собственность, ни при заключении договоров аренды земельного участка.

В законе было сказано, что крестьяне имеют право приобретать в собственность землю. Так, в § 5 «Учреждения для эстляндских крестьян» предусматривалось, что свободный крестьянин мог приобрести в собственность землю или другое недвижимое имущество. В то же время в принятых позднее актах (а именно аналогичных законах, принятых для Курляндской и Лифляндской губернии) имелись

¹ Например, работы Г. Якоба, Г. Меркеля, напечатанные в журнале «Труды Вольного Экономического Общества» (1814, LXVI, с. 20–127).

некоторые ограничения для такой возможности. Согласно § 6 «Учреждения о Курляндских крестьянах» курляндский крестьянин имел право «приобретать недвижимое имение в собственность согласно положению о крестьянах». § 4 «Положения для неперменного состояния крестьян Курляндской губернии» гласил, что крестьянин мог пользоваться правом собственности на землю только на том основании, на каком это было дозволено земскими узаконениями природным жителям края. По закону о лифляндских крестьянах последние имели право приобретать в собственность недвижимое имение, кроме дворянского поместья (§ 54 «Положения о Лифляндских крестьянах»). Однако право приобретения земли крестьянами в собственность было призрачным, лишь очень малая их часть имела такую возможность. Об этом свидетельствует также и тот факт, что уже в годы правления императора Николая I был учрежден Крестьянский банк для возможности выдачи прибалтийским крестьянам ссуды для приобретения земли с целью решения земельной проблемы этого региона, но и тогда, по оценкам ряда государственных деятелей, данная мера не могла внести серьезного изменения в положение дел.

Например, в письме Лифляндского жандармского штаб-офицера фон Гильдебранта от 7 декабря 1847 г. за № 191, адресованного начальнику 1-го округа корпуса жандармов Полозову, сказано, «что предположения о приобретении крестьянами земли в собственность, основанные на учреждении сказанного процентного Банка, более хороши в теоретическом изложении, чем в применении на самом деле»; а в его же рапорте шефу жандармов Орлову было написано: «Что же касается до новой системы, основанной на учреждении крестьянского банка, предоставляющей крестьянину возможность приобретать в собственность землю, то система эта, как я уже неоднократно писал, никуда не годится, и нынешняя, подобно бывшим в 1841 и 1842 г. попытки крестьян переселиться в теплый край, вполне подтверждают мнение мое» [9. Оп. 14. Д. 836. Л. 6, 15].

По новому закону крестьяне получили право арендовать землю у помещиков. Как указывает А. Башмаков, «крестьянину оставлен был один только выход для избежания губительного удаления от земли; то было средство вольных договоров с помещиками» [1, с. 73]. В качестве обязательных условий такого договора законодатель предусматривал предмет договора и цель его использования, срок договора, описания, в каком состоянии земля была сдана и в каком должна быть возвращена, род и меры повинностей арендатора.

Думается, что, разрабатывая положения реформы о безземельном освобождении крестьян, законодатель понимал, что последние вынуждены будут обращаться к помещикам при аренде

земельных участков. При этом законодательно никаким образом не были предприняты попытки создать благоприятные для крестьян условия, на которых такие договоры могли бы быть заключены, все было отдано на откуп «добровольному» соглашению между сторонами, так как крестьянин после освобождения от крепостной зависимости как полноправный гражданин имел право их заключения. В такой редакции статей о «полюбовном соглашении между помещиком и крестьянином» видится основной недостаток проведенной реформы. При отсутствии положений закона, которым ограничивались бы притязания помещиков относительно условий заключенных договоров, и учитывая, что последние в этом случае оказались в более выгодном положении и имели возможность диктовать свои условия, положение крестьян по отношению к помещикам не сильно изменилось. Они оказались заложниками сложившейся ситуации и вынуждены были соглашаться на те условия аренды, которые им предлагались.

Кроме того, в статьях закона был еще один существенный недостаток. Этими законодательными актами не оговаривался вопрос о минимальном сроке, на который должен быть заключен договор аренды. В итоге такие арендные договоры могли быть заключены всего на один год. В связи с этим у крестьянина не было желания работать на земельном участке таким образом, чтобы улучшать его состояние, так как на следующий год этот участок мог оказаться уже не у него. В дополнение к тому, что крестьянин вообще этим участком не владел и не мог передать его по наследству своим сыновьям (и, можно сказать, что только по этой причине у него и так был минимум мотивации к его разработке), земледелие в этом регионе не могло активно развиваться. В дальнейшем, уже в годы правления Николая I, осознавая невыгодность такого положения, были приняты законы об обязательном заключении арендных договоров на срок не менее шести лет.

Таким образом, крестьяне, не имея собственной земли, вынуждены были заключать с помещиком договоры аренды, которые становились для них большой нагрузкой в дополнение ко всем иным повинностям, которые они вынуждены были нести. Не стоит забывать, что после проведенной реформы с помещика снимались все обязанности помогать свободному крестьянину в голодные годы или платить за него подати, или вообще заботиться о выполнении его внешних повинностей. В дальнейшем стало видно, насколько эти положения реформ оказались малоэффективными, так как большая часть крестьян стремилась переселиться в другие губернии в связи с наступившим безземельем и притеснениями помещиков.

Эти попытки уехать из Остзейских губерний и искать землю и благосостояние в других губерниях стали массовыми. Об этом сви-

детельствуют многие факты. Из рапорта лифляндского жандармского штаб-офицера полковника фон Гильдебранта от 13 апреля 1853 г., адресованного шефу жандармов графу Орлову, следует, что 28 марта 1853 г. в канцелярию генерал-губернатора в Риге явились 35 крестьян, которые просили записать их в качестве желающих переселиться в теплые края России, так как слышали, что правительство отводит там для крестьян земли и оплачивает их путевые издержки. Также было выяснено, что крестьянский судья, два хозяина и два работника намерены были осведомиться насчет переселения крестьян в теплые места России, чтобы передать то, что узнают, крестьянам мызы, вообще изъявившим желание к переселению. 10 апреля того же года к генерал-губернатору пришло еще четверо крестьян, также высказав желание переселиться в теплые края. [9. Л. 4–5]. Об этом факте свидетельствуют также многочисленные жалобы, написанные на имя императора, с просьбой помочь крестьянам в переселении в Самарскую и Саратовскую губернии. В жалобе крестьянина Я. Майблюма указывалось, что когда он отправлялся для осмотра земли, его просили узнать: действительно ли отдается земля, хороша ли она, и если ее много, чтобы он в этом случае выбрал всего на сто пятьдесят человек [10. Л. 1–2, 7, 10, 11, 13–14, 15–16, 18, 19, 21–22].

Согласно данным Самарской палаты государственных имуществ в конце 50-х гг. XIX в. в Самарскую губернию из Лифляндской прибыло четыре семьи в количестве 21 чел., при этом они пояснили, что к переезду в Самарскую губернию готовы еще до 200 семейств «в надежде получить при водворении льготы и пособия» [10. Л. 40–41]. Как писал Д. Киселев в своей записке 1833 г. «О неотъемлемости от лифляндских крестьян их участков земли», причинами многих жалоб крестьян стало именно «стеснение» в связи с предоставлением помещикам права распоряжаться крестьянскими землями по своему усмотрению [8. Л. 3]. Таким образом, желание крестьян переселиться в другие губернии было массовым, и оно прямо было связано с безземельным освобождением крестьян и невозможностью обеспечить себя всем необходимым в родном крае.

Итак, самая сложная задача, стоявшая перед государством в сфере аграрных отношений – малоземелье крестьян – в Остзейских губерниях еще более была усугублена безземельным освобождением последних. Их стремление переселиться в другие губернии с целью получения земли не способствовало прогрессу земледелия в этом регионе, хотя эта реформа и была призвана помочь развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве как основного рода занятий людей в Прибалтике.

О сильнейшем «земельном голоде» говорит также и тот факт, что многие крестьяне решили поменять вероисповедание, полагая,

что «русский православный царь не оставит их в беде». Распространившийся слух о том, что православным крестьянам будет выдаваться земля и будут предоставлены другие льготы, стал причиной повального перехода крестьян прибалтийских губерний в православие. Это подчеркивали в своих работах З.К. Янель, М.А. Свароне [11, с. 158; 13, с. 58]. Не отрицая факта массового перехода в православие, Х. Стродс отмечал, что фактически это было спровоцировано имперским правительством, которое, играя на социальных противоречиях, использовало религию для укрепления своих позиций в регионе, и в результате православными священниками стали распространяться слухи о бесплатной раздаче земли тем, кто перейдет в православие [12, с. 6–7].

Говорить о том, что этот переход в другую веру был вызван глубоким убеждением в правильности постулатов новой религии, нельзя, так как в остзейских губерниях было не так много православных церквей и православных священников; помимо этого, далеко не все они говорили на родном для прибалтийских крестьян языке. Кроме того, если даже и предположить, что велась пропаганда православной религии, что были православные священники, говорившие на языке этих народов, сложно представить, что она принесла бы столь значительные плоды и такое количество крестьян пожелало бы перейти в другую веру взамен той, которую исповедовали их отцы и деды, не будь у них на это веской причины. Не стоит забывать, что религиозный вопрос и принадлежность к какому-либо вероисповеданию в тот период имел немаловажное значение для людей.

Как отмечал в своих записках, относящихся к 1840 г., И.В. Васильчиков, причины перехода в православную веру крестьян остзейских губерний могли быть двоякого рода. Это могло происходить по убеждению, а могло в связи с надеждой на приобретение земельной собственности и на перемены в гражданских правах. «Очевидно, – пишет он, – что крестьяне, недовольные своим гражданским положением, надеются на улучшение оно по принятию православия», что они «льстят надеждою получить земли в собственность, как награды, будто бы обещанной за переход в православие», в связи с чем правительству следует опасаться такого перехода в православную веру крестьян остзейских губерний, так как последствием этого могут быть «кровавые беспорядки вследствие обманутой надежды» [7. Л. 1–4, 6]. Подобное мнение представляется обоснованным. Крестьяне полагали, что таким образом они смогут обратить на себя внимание правительства, которое оказало бы им помощь либо в переселении в другие губернии (чего многие крестьяне добивались), либо в приобретении земельного участка.

В результате проведенной реформы в Остзейских губерниях крестьянин объявлялся лично свободным, но лишался прав на обрабатываемую им до освобождения землю. Но при всех недостатках проведенной реформы стоит признать, что это была первая попытка самодержавия решить крестьянский вопрос, и в итоге крестьяне получили личную свободу без выкупа, став полноправными гражданами своей страны. Как отмечает историк С.В. Мироненко, отмена крепостного права в Остзейских губерниях Российской империи открыла новый этап в истории крестьянского вопроса, когда самодержавие открыто осудило крепостное право путем принятия законов, коренным образом менявших отношения между помещиком и крестьянином, пусть даже только в отдельно взятом регионе [3, с. 77–78]. Однако фактически крестьяне после реформы находились в тяжелой экономической зависимости от помещиков, что для них, может быть, было даже большим игом, чем крепостное право. Опыт проведения этих преобразований и их последствия, вероятно, стали примером для последующих реформаторов, и уже Александр II при подготовке реформы отмены крепостного права в России не решился на безземельное освобождение крестьян.

Список литературы

1. Башмаков А. Очерки поземельного устройства прибалтийских крестьян // Журн. гражд. и уголов. права. 1893. Кн. 9. – С. 68–95.
2. Ковальчук М.А., Тесля А.А. Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты. XVIII – первая половина XIX века. – Хабаровск: изд-во ДВГУПС, 2004.
3. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. – М.: Наука, 1989.
4. Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ). ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 26.278.
5. ПСЗ-1. Т. XXXIV. № 27.024.
6. ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27.735.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 651. Оп. 1. Д. 269. Л. 1–9.
8. РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 270. Л. 1–3.
9. РГИА. Ф. 1282. Оп. 14, Д. 836. Л. 1–45.
10. РГИА. Ф. 1284. Оп. 54. Д. 54. Л. 1–5.
11. Свароне М.А. Социальная психология латышских крестьян в период становления капитализма (30-е – 60-е г. XIX века) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1970 г. – Рига: Знание, 1977. – С. 157–166.
12. Стродс Х. Начало переселения латышских крестьян в Россию в 40-е – 60-е годы XIX века // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX века – 30-е годы XX века. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 5–15.
13. Янель З.К. О некоторых особенностях развития крестьянского хозяйства в Лифляндии в 20-50 года XIX века // Науч. докл. высш. шк. Исторические науки. № 1 – М.: Высш. шк., 1960. – С. 56–70.

С. Г. Шустов*

Эволюция землевладения на Урале в конце XIX – начале XX в.

В статье на основе официальных статистических материалов земельных переписей в России 1877, 1887 и 1905 гг. анализируются изменения социально-го состава землевладельцев и площадей их владений в Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерниях. Ведущее место занимают статистические правительственные материалы Центрального статистического комитета МВД.

According to official statistical documents of land census in Russia in 1877, 1887 and 1905 the changes of social staff of landowners and the area of their estates in Vyatskaya, Orenburgskaya, Permskaya and Ufimskaya provinces are analyzed. Statistical governmental documents of the Central statistical committee of the Ministry of Inner Affairs play the leading role.

Ключевые слова: землевладение, земельные переписи, Вятская, Пермская, Оренбургская, Уфимская губернии.

Key words: landowning, land census, Vyatskaya, Permskaya, Orenburgskaya, Ufimskaya provinces.

Изучение модернизационных процессов в экономических и общественных отношениях пореформенной России трудно представить без исследования изменений в землевладении и землепользовании различных категорий населения.

Урал, включавший в изучаемый период Вятскую, Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую губернии, при наличии определенных природно-климатических и почвенных особенностей между ними в значительной степени объединяло наличие горнозаводской промышленности и большого аграрного сектора.

Ведущее место в комплексе статистических правительственных материалов по землевладению и землепользованию в пореформенный период истории России занимают издания Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Наиболее полные сведения о земельных собственниках и пользователях содержат публикации результатов земельных переписей 1877, 1887, 1905 гг.

В 1877 г. Центральный статистический комитет (ЦСК) МВД предпринял первое Всероссийское обследование земельной собст-

* **Шустов Сергей Григорьевич**, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологи, Прикамский социальный институт, г. Пермь.

венности по единой методике путем опроса всех землевладельцев. В 1881 г. были собраны сведения о распределении земель, учтенных в 1877 г. по угодьям [11]. Директор ЦСК МВД Н. Трайницкий указал на недостаток первого обследования, главный из которых заключался в том, что первое обследование дало «только приблизительные результаты, так как при совершенном отсутствии правильной поземельной регистрации в империи нельзя было ни оценить достоверности полученных сведений, ни даже дополнить замеченных в материалах пробелов» [12, с. 1]. Это замечание директора Центрального статистического комитета имеет не только важное методическое, но и теоретико-методологическое значение, позволяющее понять тот факт, что реформа 1861 г. была начата правительством без знания точных топографических границ земельных владений казны, помещиков и других собственников земли.

Вторая земельная перепись началась в 1886 г. с собирания сведений о распределении земель Европейской России по владениям и угодьям, а пахотных земель – по площадям посевов. Повторение через десять лет поземельного обследования губерний Европейской России дало возможность получить более точные результаты и провести сравнительный анализ статистических данных 1887 и 1877 гг.

В 1906–1907 гг. Центральный статистический комитет МВД выпустил серию статистических сборников о состоянии землевладения в губерниях Европейской России на 1905 г. В числе этих изданий были тома, посвященные Вятской [7], Оренбургской [8], Пермской [9] и Уфимской [10] губерниям. В предисловии каждого издания директор ЦСК МВД, генерал-майор Золотарев указал на основные цели обследования 1905 г.: «а) потребность в более точном выяснении посевной площади, как основания для определения ежегодных сборов хлебов и ... б) желание ввиду значительной устарелости данных о землевладении собрать новые сведения о распределении земельной собственности» [9, с. 1].

В Пермской губернии в 1877 г. общая площадь земель составила 29265631 дес., в 1905 г. – 28659072 дес., т. е. произошло уменьшение на 606559 дес. за счет более полного учета земельных угодий и уточнения границ владений. В частной собственности в 1877 г. у 453 владельцев находилось 8488867 дес. земли, а в 1905 г. в 980 владениях собственников – уже 8853932 дес. земли, т. е. на 365065 дес. больше. Средний размер владения, находившегося в частной собственности, уменьшился в два раза с 18739,2 до 9034,6 дес. В целом по Пермской губернии процент земель, находившихся в частной собственности, к общей площади земель увеличился с 29,0 до 30,9 % [9, с. 10–11]. Аналогичный процесс приватизации земель наблюдался и в других уральских губерниях:

Вятской, Оренбургской и Уфимской. По всем четырем губерниям площадь частного землевладения увеличилась с 12908165 до 14880897 дес. [7, с. 10–11; 8, с. 10–11; 9, с. 10–11; 10, с. 10–11]. Особенно значительный прирост частных земель произошел в Уфимской губернии – 788166 дес. [10, с. 10–11].

Вторая категория собственников – крестьянские общины. В Пермской губернии в 1877 г. их было учтено 3119 с 380621 дворами и они имели 5382452 дес. земли, в среднем на один двор – 14,1 дес. Через 28 лет в собственности 3293 крестьянских обществ, включавших 520466 дворов, находилось 8337535 дес. земли, в среднем по 16,1 дес. на один двор. Доля крестьянской общинной земельной собственности в общей площади земель Пермской губернии выросла за 28 лет с 18,4 до 29,1 %. Фактическое увеличение этой формы земельной собственности в Пермской губернии составило 2955083 дес. и было самым большим из уральских губерний.

Увеличению крестьянской земельной собственности к 1905 г. способствовало практическое завершение выкупной операции. Всего по Пермской губернии 148336 ревизских душ бывших помещичьих крестьян выкупили 1056086,59 дес. удобной земли [4. Л. 62–66 об; 69–74 об].

В Вятской губернии увеличение крестьянской общинной собственности составило 1503935 дес., в Оренбургской – 714422 дес., а в Уфимской произошло уменьшение крестьянской общинной земельной собственности на 17330 дес. Особенностью крестьянского общинного землевладения Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний было значительное снижение площади земли, приходившейся на один крестьянский двор [7, с. 10–11; 8, с. 10–11; 9, с. 10–11; 10, с. 10–11].

Третью группу землевладельцев составляли государство, церковь и учреждения. В 1877 г. в Пермской губернии этим собственникам принадлежало 52,6 % всех земель – 15394312 дес. Через 28 лет в собственности государства, церкви и учреждений находилось 40,0 % всех земель – 11467605 дес. Аналогичная тенденция – уменьшение с 40,7 до 29,5 % – проявилась по всем четырем уральским губерниям [7, с. 10–11; 8, с. 10–11; 9, с. 10–11; 10, с. 10–11].

Статистические источники достаточно точно отражают главные тенденции изменения форм землепользования в уральских губерниях – рост частного землевладения, с одной стороны, и крестьянского общинного землевладения – с другой. Эти процессы происходили за счет уменьшения площади земельной собственности государства, церкви и учреждений.

Благодаря тщательной работе специалистов Центрального статистического комитета МВД, баланс земельных площадей по каждой форме собственности был составлен точно. Земли, находившиеся в

частной собственности, исходя из материалов переписей 1877 и 1905 гг., были поделены на две группы. Первая – это земли, находившиеся в личной частной собственности, и вторая группа – земли, находившиеся у частных обществ и компаний. Из четырех уральских губерний больше всего земли в личной частной собственности находилось в Пермской: по переписи 1877 г. – 26,4 % всей площади губернии, по переписи 1905 г. – 25,5 %, что составляло, соответственно – 7733490 и 7303538 дес. Переписи показали уменьшение площади земель, находившихся в частной личной собственности на 429952 дес. [11, с. 112–113; 9, с. 10–13].

Главной категорией частных земельных собственников в Пермской губернии были дворяне. В 1877 г. 61 представителю этого сословия принадлежало 6692355 дес. земли, или 86,5 % всей личной частной собственности в губернии, но только 169443 дес. дворянских земель занимала пашня, что составляло 2,5 % площади помещичьих имений. В 1905 г. в Пермской губернии было учтено 99 дворянских земельных владений общей площадью 6721494 дес., что было на 29139 дес. больше чем в 1877 г., но пахотные земли составили всего 1,8 % площади дворянских имений [9, с. 10–13].

По данным 1891 г. в Пермской губернии к заводам П.П. Демидова было приписано 755803 дес. земли, графини Н.А. Стенбок-Ферлор – 704097 дес., княгини Е.Х. Абамелек-Лазаревой – 691858 дес., графа С.А. Строганова – 681862 дес., графа П.П. Шувалова – 632690 дес., наследников купца Расторгуева – 555006 дес., наследников С.С. Яковлева – 484981 дес., Камского акционерного общества – 439674 дес., Т-ва Сергинско-Уфалейских заводов – 382036 дес., Д.П. Соломирского и наследников Турчанинова – 239706 дес. Таким образом, только наиболее крупные горнопромышленники имели при своих заводах 5567713 дес. земли. К казенным горным заводам Пермской губернии было приписано 1653404 дес. [1, с. 146–153]. В Уфимской губернии в начале XX в. при заводах князя Белосельского-Белозерского имелось 363978 дес., при заводах П.П. и И.П. Балашевых – 255751 дес., в Оренбургской губернии при заводах Общества Белорецких заводов – 247822 дес. и т. д. [3, с. 55–56].

Ничтожные площади, используемые дворянами-заводовладельцами под собственную пашню, и приписка огромных площадей земель к заводам свидетельствовали о сохранении промышленного характера использования земель дворянами-собственниками и посессионерами.

Переписи 1877 и 1905 гг. отметили уменьшение в составе дворянской собственности земель на посессионном праве. Если в 1877 г. эти земли составляли 2770767 дес., то в 1905 г. 1852268 дес.

По географическому размещению больше всего дворянских земель в 1905 г. находилось в Пермском уезде – 71,8 % площади всех

земель, в Соликамском – 58,8 %, в Екатеринбургском – 32,3 % и в Оханском – 24,3.

Данные земельных переписей и балансы земельных площадей показывают, что границы владений, принадлежавших различным собственникам, были во многих случаях условны. Поэтому в масштабах уездов и губерний образовывался как бы излишек или недостаток земли, которые чаще всего относили за счет неполного или незавершенного отграничения дворянских горнозаводских дач, крупных государственных лесных массивов, т. е. земель малозаселенных и освоенных. Следует иметь в виду и несовершенство измерительных инструментов того времени. Поэтому с абсолютной точностью определить размеры земельной собственности каждой категории владельцев по результатам земельных обследований 1877, 1887, 1905 гг. не представляется возможным.

Об этом, в частности, в 1898 г. писал земский деятель А. Бернацкий, изучавший землевладение и лесовладение в Пермской губернии. Автор указывал на то, что, когда ему потребовались точные статистические данные по землевладению в Пермской губернии, то оказалось, что статистика землевладения в губернии была совсем не разработана. Бернацкий обратился к материалам уездных земств, служащих для исчисления размеров земского поземельного сбора. Статья Бернацкого была первой попыткой «к более или менее полному выяснению вопросов, относящихся до статистики местного землевладения» [2, с. 80].

Автор приводит в приложении к статье несколько таблиц на 1893 г., где показано распределение удобных земель по группам собственников: казне принадлежало 10411027,2 дес. земель и лесов; владельцы частных и посессионных горных заводов располагали 8671653,97 дес. земель и лесов; удельное ведомство – 68387,0 дес. [2, с. 79]. В результате 71,6 % площади всех удобных земель губернии являлись объектами крупного владения.

На долю всех крестьянских сельских обществ приходилось 7525655, 75 дес. надельной земли, что составляло 28,2 % всех удобных земель губернии [2, с. 94].

Таким образом, главными плательщиками поземельного налога в Пермской губернии являлись частные землевладельцы и крестьянские общества. Земская статистика уже в 1899 г. зафиксировала увеличение земельных площадей у этих групп собственников. В 1899 г. окладными сборами было обложено 7792585 дес. удобной земли крестьянских общин и 8687103 дес. удобной земли у частных землевладельцев [5, с. 94].

Земельная собственность городских обществ в 1893 г. составляла 25400, 93 дес., или 0,09 %, а земель церковных и монастырских числилось 48034,1 дес., или 0,18 % общей площади удобных

земель губернии. В результате общая площадь удобных земель в губернии составляла 26699883, 85 дес., в том числе 19793552,92 дес. лесов и 6906330,93 дес. сельскохозяйственного назначения. Остальные 4010619,96 дес. площади губернии, или 13,5 %, составляли неудобные земли всех форм собственности [2, с. 81].

Значительная часть из 30710503,81 дес. земной поверхности Пермской губернии представляла собой лесистую тундру, болота, а также гористые местности с каменистой почвой, расположенные высоко над уровнем моря. Такие площади, по подсчетам А. Бернацкого, составляли не менее 15 млн дес. и были совершенно не пригодны для земледелия. Самые крупные частновладельческие и казенные дачи находились в районе Уральского хребта и в северной части губернии, т. е. в местности, не пригодной для хлебопашества. Эти дачи представляли почти сплошь лесную, а вместе с тем горнозаводскую часть губернии, так как именно в этом районе были сосредоточены горные заводы [2, с. 81]. Аналогичное положение было в Вятской губернии и отчасти в Уфимской, Оренбургской, хотя в двух последних в начале XX в. были еще неосвоенные территории, пригодные для земледелия.

Анализ площади и состава удобных земель Пермской губернии позволил сделать А. Бернацкому вывод о том, что «почти все пахотные и сенокосные земли принадлежат местному крестьянскому населению, и лишь ничтожный процент тех и других земель находится в распоряжении казны и частных лиц». Земельные угодья всех сельских обществ Пермской губернии, по данным земских раскладок на 1893 г., составляли 90,9 % общей площади угодий всех родов владений, а леса тех же обществ – лишь 6,1 % удобной лесной площади [2, с. 82].

Несмотря на суровые климатические условия и бедные гумусом почвы, земледелие в Пермской губернии продвинулось до Верхнекамья. Сведения о природно-климатических условиях северных волостей Пермской губернии были собраны в начале 1890-х гг. статистическим отделением Пермской губернской управы [6]. Так, в Пермском уезде в волостях Никулинской, Перемской, Останинской, Дивьянской и Добрянско-подзаводской традиционно с успехом выращивалась озимая рожь, из яровых хлебов – овес, ячмень, из масличных – лен. Добрянская волость характеризовалась как чисто горнозаводская, жители которой «исключительно были заняты работой на железодельном заводе и «земледелием не промышляют» [6, с. 33]. В закамских волостях Пермского уезда – густонаселенных: Усть-Гаревской, Слудской, Ильинской, Сретенской, Кривецкой, Средне-Егвинской, Богородской, Васильевской, Челвинско-Русаковской и Филатовской земледелие составляло

главное занятие жителей, хлебопашество велось в этих волостях довольно успешно. Из озимых хлебов здесь высевалась рожь, из яровых – овес, ячмень, пшеница, из бобовых – горох и чечевица, из масличных – лён [6, с. 37–38].

В Соликамском уезде хорошие урожаи получали крестьяне Рождественской, Богоявленской, Восресенской, Нердвинской, Кувинской, Верх-Инвенской, Верх-Юсьвинской, Верх-Нердвинской и Сергиевской волостей. В Таманской, Ошибской, Тиминской и Курпосской волостях пашни было мало, но урожаи хорошие, крестьяне имели много покосов.

В волостях Козьмодемьянской, Белоевской, Егвенской, Архангельской, Кудымкорской и Юсьвенской земли были выпажаны, т. е. пашня истощена, поэтому много шутемов, урожаи бедные, выгонов и покосов мало. В волостях Троицкой, Вижайской, Верх-Яйвенской, Зырянской, Яйвенской и Романовской пашни были расположены в лесах, урожаи плохие. Совершенно не занималось хлебопашеством население Ростесской, Орловской и Усольской волостей [6, с. 44–45].

Другой вывод А. Бернацкого касается проблемы дальнейшего расширения площади сельскохозяйственных угодий. Именно в эти годы остро встал вопрос о наделении землей горнозаводского населения казенных, посессионных и вотчинных заводов Урала. По мнению А. Бернацкого, остававшиеся у казны и частных владельцев удобные земли были заняты усадьбами, заводскими и городскими зданиями, а также представляли собой рудничные площади и приисковые земли, которые не могли «послужить для увеличения крестьянского землевладения», таким образом, «сколько-нибудь существенного увеличения площади земель крестьянских» можно было ожидать лишь за счет лесной площади губернии. Это важное замечание, поскольку, как показала практика землеустройства мастеровых вотчинных заводов в начале XX в., именно лесные площади, но, как правило, уже без товарного леса, и предлагались под наделные земли населению.

Результаты статистических обследований, проведенных ЦСК МВД в 1877, 1887 и 1905 гг., подтверждаются данными уездных и губернских статистических органов Урала. Эти данные показывают не только изменения в социальном составе частных землевладельцев, их демократизацию, но и демонстрируют значительный рост крестьянского общинного землевладения в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях и серьезное увеличение частного землевладения в Уфимской губернии.

Список литературы

1. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1893 г. – Пермь, 1892.
2. Бернацкий А. Несколько статистических данных о землевладении и лесовладении в Пермской губернии // Сб. Пермс. земства. 1898. № 5. Отд. III. – Пермь, 1898.
3. Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): метод. аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991.
4. Государственный архив Пермского края. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1514.
5. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Примечания и дополнения к таблицам // Сб. Пермского земства. 1903. № 6. Отд. II. – Пермь, 1904.
6. Разделение уездов Пермской губернии на сельскохозяйственные районы по естественно-историческим особенностям местностей // Сб. Пермского земства. 1893. № 2–3. – Пермь, 1893. Отд. III.
7. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 8. Вятская губерния. – СПб., 1906.
8. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 36. Оренбургская губерния. – СПб., 1906.
9. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 40. Пермская губерния. – СПб., 1906.
10. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 45. Уфимская губерния. – СПб., 1906.
11. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. VI. Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. – СПб., 1884.
12. Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. 31. Пермская губерния. – СПб., 1887.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(420)«1760/1780:328.185/187

*Е. П. Макаров**

Проблема коррупции в финансовой и политико-административной системах Англии 1760–1780 гг.

В статье рассмотрены масштабы проблемы коррупции в Англии 1760–1780 гг. На основе принятых в западноевропейской исторической науке концепций анализируются предложения, выдвинутые общественными деятелями и политическими реформаторами Англии и направленные на борьбу с коррупцией в финансовой и политико-административной системах во второй половине восемнадцатого века.

Article is devoted to defining the extent of corruption in England, 1760–1780. Based on the adopted Western concepts of historical scholarship examines the proposals made by public figures and political reformers in England and to combat corruption in the financial, political and administrative systems in the second half of the eighteenth century.

Ключевые слова: политическая коррупция, история Англии восемнадцатого века, государственный аппарат, децентрализация власти, проект экономических реформ Э. Берка.

Key words: Political corruption, the history of eighteenth-century England, the state apparatus, the decentralization of power, the project of economic reform of E. Burke.

На сегодняшний день коррупция как явление стало одной из значимых проблем современного общества. Однако если взглянуть на проблему коррупции в исторической ретроспективе, станет видно, что в разные времена и в разных странах это явление имело свои неповторимые особенности и соответствующие способы борьбы.

На фоне сложившихся научных подходов в исследовании истории политических процессов важно обозначить значение термина «коррупция». Стоит признать, что современное его толкование, подразумевающее злоупотребление властными полномочиями и правами в целях личной выгоды [20; 21], не достаточно точно для обозначения ряда негативных явлений, существовавших в финансовой и политико-административной сферах Англии XVIII в. Среди

* **Макаров Егор Павлович**, аспирант кафедры всеобщей истории, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.

английских правоведов, политиков и общественных деятелей и в XVIII в. был довольно распространен термин «старая коррупция», служивший преимущественно для обозначения двух явлений: во-первых, ситуации вокруг выборов в палату общин, при которой многие места покупались или получались по протекции; во-вторых, целого комплекса архаичных сторон английского государственного аппарата и финансовой системы, которые не были модернизированы.

Современные научные исследования в основном затрагивают 1780–1860-е гг., когда были предприняты конкретные действия для искоренения многих коррупционных составляющих английской финансовой и политико-административной систем. В то же время стоит отметить, что период с 1760 по 1780 г. также немаловажен в истории борьбы с коррупцией в Англии. Опираясь на более раннюю критику негативных политических и финансовых практик, восходящих ко времени администрации Р. Уолпола, политические и общественные деятели Великобритании в 1760–1780-е гг. приложили немало усилий для того, чтобы вопрос существования коррупции стал общественно значимой проблемой. Опираясь на комплекс исторических источников по данной проблеме, а также учитывая современные подходы и оценки, мы хотели бы проанализировать некоторые ключевые моменты борьбы с коррупцией в финансовой и политико-административной системах Англии 1760–1780 гг.

Исследователи отмечают, что явление коррупции входит в более широкий круг проблем взаимодействия различных уровней власти в Англии 1760–1780 гг. и связано с особенностями государственного управления внутри страны. Современные ученые, уделившие внимание данной проблеме, в своих исследованиях признают, что необходимо учитывать особую модель центральной и местной администрации, сложившуюся в Англии к 1760-м гг. и во многих составляющих не имевшую аналогов в мире [1; 3; 4].

Учитывая определения понятия «государственный аппарат», данные такими учеными, как О. Хайнц, Д. Бруэр и Д. Айнс, вполне возможно провести анализ работы традиционных механизмов местного самоуправления, без учета которых не обойтись при исследовании особенностей функционирования английской политико-административной сферы 1760–1780 гг. [18, р. 52–83, 424–456; 3; 19].

Ученые признают, что к середине XVIII в. в Англии существовала сильная децентрализация государственной власти [22, р. 14; 11, р. 31–35]. Из учреждений на центральном уровне можно выделить Казначейство, Адмиралтейство, Почтовую службу, офисы двух государственных секретарей и Совет по торговым делам [17, р. 22–24]. На местном уровне в Англии власть находилась в руках учреждений, работающих в границах графства, прихода и района [37; 38]. Во главе графства стоял лорд-лейтенант, назначаемый королем и обя-

занный давать отчет о своих судебных и административных делах каждую четверть парламентской сессии. Лорд-лейтенант назначал мировых судей, которые были ключевыми фигурами в управлении населенными пунктами. Мировые судьи не были профессиональными чиновниками, но занимались широким кругом проблем начиная от осуществления судебных функций до самых разнообразных административных обязанностей [9, p. 50–52, 191–225]. Например, они были ответственны за подавление восстаний, осуществляли надзор за помощью бедным, следили за ценами на продукты питания и размером заработной платы. Они были ответственны за поддержание в хорошем состоянии дорожно-транспортной системы, руководили исправительными учреждениями, назначали приходских офицеров. Но прежде всего мировые судьи были представителями английской судебной системы на местном уровне. Для выполнения большого количества функций они действовали либо в одиночку, либо собирались группой в два или три человека, или заседали во время квартальных сессий [8, p. 37–46].

Местное самоуправление в городах было менее однородным. В Англии и Уэльсе было около 800 городов. Около 200 из них управлялись корпорациями, где власть была распределена между мэром, советом олдерменов и муниципальным советом. Они распределяли между собой и осуществляли те же полномочия, что и мировые судьи в округах [9, p. 99–133].

Основной административной единицей в Англии был приход, который чаще всего управлялся англиканским священником. Его ризница была единственным учреждением, кроме парламента, взимающим налоги и пошлины, при этом десятина выплачивалась всеми, будь то член англиканской церкви или нет [36; 12; 15]. Таким образом, можно констатировать, что при сильной децентрализации государственной власти Англия располагала чрезвычайно разветвленным аппаратом управления на местах. Проблемы, связанные с «коррупционной составляющей» местной административной деятельности, сводились к злоупотреблению полномочиями и преследованию личных интересов со стороны чиновников. Но, даже учитывая тот факт, что приходские чиновники, занимая одну должность в течение длительного времени и пользуясь правом повышения налогов, имели почву для злоупотреблений, стоит признать, что и современники не видели в этом, по сути «коррупционном» явлении, серьезной проблемы. Напротив, в деятельности местных чиновников, даже выходящих за рамки своих полномочий, ряд ученых видел множество положительных моментов. Например, большинство приходских должностных лиц были домовладельцами, не получавшими жалования, но принимавшими на себя общественные

обязанности. Многие из таких людей смогли накопить значительный опыт в своей сфере деятельности [8, р. 27–51; 17, р. 23–24].

Необходимо отметить, что присутствие «старой коррупции» как явления на уровне органов центральной власти в оценках современников выглядело гораздо большей проблемой. Ранняя критика коррупции, связанной с использованием подкупов и протекций на парламентских выборах, к 1760-м гг. находила поддержку на практике со стороны известных политиков. Герцог Ньюкасл и У. Питт критиковали существовавшую систему выборов в палату общин, которая характеризовалась низкой эффективностью из-за того, что значительная часть членов палаты общин избиралась в малонаселенных округах. Небольшое количество населения, чаще всего контролировавшееся лендлордами, являлось основой системы, при которой места в парламент покупались за денежное вознаграждение или назначение пенсионного содержания. Вопрос о коррупции на выборах в палату общин не раз поднимался в парламенте [30, р. 459–460, 875–876; 31, р. 51, 153, 749; 32, р. 455–456; 33, р. 195–196].

Также важно понимать, что в 1760–1780 гг. английский государственный аппарат и финансовая система все еще сохраняли многие архаичные стороны [29, р. 272]. Исследователи отмечают, что некоторые английские государственные учреждения, отличавшиеся излишней усложненностью бюрократического аппарата, выродились в «источники личного обогащения» для чиновников. Реверсии позволили министрам и другим высокопоставленным чиновникам обеспечить членов своей семьи доходными должностями [5, р. 485–488; 14, р. 28–136]. Были и другие практики, критикуемые современниками: пенсионное содержание, государственные контракты, назначение на церковные должности и продвижение по службе в армии и флоте. Такого рода коррупция вызывала серьезную критику со стороны современников [2, р. 37; 28, р. 640; 33, р. 195–196].

В 1770-е гг. критика политической коррупции была взята на вооружение некоторыми политиками радикального толка. Д. Уилкс и К. Уивил открыто критиковали налоговую политику государства [6, р. 72; 27, р. 163; 14, р. 32]. На одном из парламентских заседаний 1777 г. граф Чэтем при поддержке герцогов Ричмонда и Болтона, графов Эбингтона, Бристоля и Шелберна начал расследование финансовой деятельности Адмиралтейства, результаты которого выявили факты хищения средств, выделенных на ремонт старых и на строительство новых военных кораблей [33, р. 445–461]. Кроме того, было выявлено, что при закупках продовольствия для английских военных контингентов в Америке использовались мошеннические схемы, в рамках которых за испорченные и некачественные продукты платили двойную цену [33, р. 735–745].

Несмотря на то, что даже такие серьезные парламентские расследования обнаруживали множество фактов коррупции на высшем государственном уровне, стоит признать, что разработка эффективных мер по противодействию коррупции в 1760–1780 гг. находилась лишь на начальной стадии. К концу 1770-х гг. герцог Ричмонд высказывал мнение о том, что необходимые средства для укрепления обороноспособности, не вводя новых налогов? можно получить лишь путем введения режима жесткой экономии. На парламентских дебатах многие политики поддержали предложения Ричмонда, указывая среди прочего на новые факты растрат и нецелевого расходования государственных средств, выявленных и озвученных лордом Стормонтом и графом Дерби. Однако кабинет министров и большинство парламентариев не поддержали предложения герцога Ричмонда, посчитав, что система налогообложения рассчитана оптимально.

В это же время один из наиболее знаменитых политиков Э. Берк подготовил план реформ финансового и административного секторов, который, по мнению многих ученых, явился наиболее серьезной попыткой противостояния «старой коррупции» в 1760–1780 гг. По оценкам Э. Берка расходы на войну в Америке в 1780 г. должны были составить около 2.000.000£, и крайне важным было то, чтобы эти расходы пали не на плечи граждан, а были изысканы из сэкономленных средств, которые удалось бы получить в результате экономии и перестроения аппарата государственного управления. Выступая в парламенте 15 декабря 1779 г., Э. Берк уведомил депутатов о том, что в скором времени будет представлен проект реформ, который может стать верным способом поправить существующее положение. В своей речи он упомянул, что «старался, чтобы план реформ включил в себя комплекс мер по значительному сокращению ненадлежащего расходования государственных средств, преобразованию убыточных статей расходов и задолженностей государственных учреждений, направленных на сбережение государственных средств» [23, р. 1293–1305]. Представляя законопроект в палате общин 11 февраля 1780 г., Э. Берк привел пример реформ французского министра финансов М. Неккера, которому удалось вывести из кризиса страну, тонущую в долгах и опутанную коррупционными схемами. Э. Берк высказался о необходимости принятия конкретных мер на тех же принципах, что были использованы во Франции. Отметив множество слабых сторон английской финансовой и политико-административной систем, он признал, что существующая налоговая политика не только не совсем справедлива, но, что хуже, она увеличивает возможность злоупотреблений в расходовании государственных средств. Исходя из этого, Э. Берк

разработал семь этапов, которые должны были быть реализованы в ходе реформирования.

Первый этап предполагал закрытие тех органов юрисдикции, которые приносят минимальную пользу в осуществлении правосудия. Вместо одной юрисдикции монарха страна имела несколько юрисдикций: короля, принца Уэльского, герцога Ланкастера, герцога Корнуолла и графа Честера. По мнению Э. Берка, излишняя правовая усложненность была источником злоупотреблений властью, поэтому он предложил объединить все пять юрисдикций под эгидой короля [24, р. 234]. Второй этап реформы затрагивал земельные владения короны. Э. Берк предложил произвести оценку всех земель и лесов, принадлежащих королевской семье, и выставить на продажу те из них, что не приносят практической пользы [24, р. 237]. Третий этап предполагал разделение всех комбинированных обязанностей, а четвертый предусматривал упрощение всех элементов, оказывающих негативное влияние на стабильность финансовой системы. Э. Берк обратил внимание на сохранившиеся принципы управления, при которых многие должности использовались в качестве источников обогащения для чиновников разного ранга, а на деле не имели практической пользы для государства. Он предложил сократить должности казначей палаты, контролера-казначей, огромное количество подчиненных в домашних хозяйствах, управляющих многими гражданскими отраслями и членом совета по боеприпасам. Э. Берк разработал меры контроля и регулирования деятельности казначей армии и казначей военно-морского флота. Более того, политик считал, что чрезвычайно эффективным могло бы стать сокращение жалования государственным служащим. Были такие должности, которые можно было упростить без вреда для государства. Секретари по делам колоний, по мнению Э. Берка, были заняты несложной работой, а во время войны в Америке вообще не приносили никакой пользы [24, р. 251–254]. Пятый этап предполагал сохранение точных данных по поступлениям средств в казну. По словам Э. Берка, также существовала необходимость отмены должности казначей по пенсиям. Настаивая на том, чтобы общее количество пенсий было ограничено до 60.000£, Э. Берк пояснял, что эта мера помимо финансовых выгод посредством экономии смогла бы освободить государственный аппарат от огромного количества коррупционных схем и практик пенсионного подкупа [24, р. 244–245]. Шестой этап предусматривал упрощение любого неэффективно работающего учреждения, а седьмой предполагал роспуск тех подчиненных организаций казначейства, которые бесхозяйственно удерживают государственные средства или допускают необоснованные растраты [24, р. 233–234].

Отдельные положения проекта реформ Э. Берка нашли поддержку многих депутатов парламента, однако говорить о всеобщем одобрении было бы явным преувеличением. Например, парламента разделился на голосовании по таким вопросам, как отмена должности секретаря по делам колоний (должность была сохранена 208 голосами против 201) и роспуск Торговой палаты (распущена 207 голосами против 199), и ситуация в целом оставалась крайне неоднозначной. Сразу после рассмотрения проекта реформ Э. Берка в парламенте было выдвинуто несколько весьма важных предложений. В частности, полковник И. Барре заявил о своем намерении внести на рассмотрение парламента законопроект, предусматривающий создание специального комитета по выявлению коррупционных схем при формировании бюджета и хищений государственных средств. Однако лорд Норт уже представил подобный законопроект, отличавшийся тем, что полномочия комитета были уже, а для расследования устанавливались более короткие сроки. При этом некоторые члены парламента посчитали законопроект малоэффективным, а полковник И. Барре назвал его «министерским мошенничеством». Недовольство законопроектом Норта было вызвано в основном тем, что под проверку не попадали действия членов парламента и ряда высокопоставленных чиновников.

Предложение лорда Шелберна по сокращению расходов на содержание членов парламента и носителей почетных должностей не нашло серьезной поддержки в парламенте и было отвергнуто. Маркиз Чермертен высказал мнение о том, что парламента поддерживает коррумпированное правительство, показавшее некомпетентность в управлении страной. Он заявил, что был снят с должности лорд-лейтенанта северного Йоркшира после того, как выразил неодобрение министерских мер. При схожих обстоятельствах был снят лорд-лейтенант Уилтшира граф Пембрук.

С 1780 г. виги Рокингема осуществили серьезные попытки сделать государственный аппарат более эффективным, в то же время сохранив прежние расходы на его работу. Закон 1782 г. отменил 130 неэффективных отделений, большое количество должностных случайных выплат были заменены фиксированными заработными платами. Комитет, созданный по предложению лорда Норта, внес ряд радикальных предложений по реформированию существующей системы управления. Ряд ученых высказывает мнение о том, что если бы предложения комитета были реализованы, то по коррупции был бы нанесен серьезный удар [34, р. 240; 35, р. 56–81; 7, р. 47]. Но предложения комитета были приняты лишь частично. У. Питт младший, пришедший к власти в 1783 г., позволил реализовать не более трех из всех предложений, при этом одно из них назначало новый комитет по изучению финансовой стороны деятельности всех государственных департаментов. Но этот комитет постигла такая же

судьба, что и первый. Расследование комитета было закончено в 1789 г., за это время только 10 из 24 департаментов предоставили информацию для проверки. Такие ученые, как П. Херлинг и Д. Эрман, сходятся во мнении о том, что практический эффект от работы комитета оказался минимальным [14; 10, р. 461, 463, 475].

Анализ ключевых моментов борьбы со «старой коррупцией» в финансовой и политико-административной системах Англии 1760–1780 гг. позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, несмотря на мнение части ученых о том, что основной удар по «старой коррупции» был нанесен в период 1780–1860 гг. [26, р. 265–293; 16, р. 130; 25, р. 7; 13], все же стоит признать, что в период 1760–1780 гг. усилиями многих известных политиков удалось привлечь внимание парламента и общественности к многочисленным фактам нецелевого расходования бюджетных средств. При этом можно вполне обоснованно утверждать, что политиками и общественными деятелями 1760–1780 гг. была подготовлена почва для конкретных реформ финансовой и политико-административной систем, произошедших в XIX в. Во-вторых, следует понимать, что на пути административных и финансовых реформ в начале 1780-х гг. стоял ряд фактов. При этом наряду с нежеланием узкого круга политической и административной элиты терять источники обогащения, серьезным препятствием для реформ оказалась война с революционной и наполеоновской Францией. В-третьих, вполне допустимо предположить, что критика коррупции в парламенте и в прессе могла также использоваться в политических манипуляциях, преследовавших целью поддержание в обществе недовольства действиями министров и отдельных политиков. Этот факт следует учитывать, несмотря на то, что пресса привлекала внимание общественности к необоснованной налоговой политике, фактам коррупции на парламентских выборах и злоупотреблениям местной власти.

Список литературы

1. Baugh D. British Naval Administration in the Age of Walpole. – Princeton, 1965.
2. Beverley R. M. letter to His Royal Highness the Duke of Gloucester, Chancellor: on the corrupt state of the university of Cambridge. – London, 1833.
3. Brewer J. The Sinews of Power: War, Money and the English State 1688–1783. – London, 1989.
4. Brewer J., Hellmuth E., Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany. – Oxford, 1999.
5. Brown R. Church and state in modern Britain, 1700–1850. – London, 1991
6. Christie I. R. Wilkes, Wyvill and Reform. The Parliamentary Reform Movement in British Politics 1760–1785. – London, 1962.
7. Daunton M. J. State and market in Victorian Britain: war, welfare and capitalism. – Woodbridge, 2008.
8. Donajgradzki A. P. Social control in nineteenth century Britain. – London, 1977.
9. Eastwood D. Governing rural England: Tradition and Transformation in Local Government 1780-1840. – Oxford, 1994.

10. Ehrman J. *The Younger Pitt: The Consuming Struggle*. – Stanford, 1996.
11. English R. *Charles Townshend. The state: historical and political dimensions*. London, 1999.
12. Firth J. *London government, and how to reform it*. – London, 1882
13. Harling P. *The rise and fall of "Old Corruption": economical reform and British political culture, 1779-1846*. – Princeton, 1992.
14. Harling P. *The waning of old corruption: the politics of economical reform in Britain, 1779-1846*. – Oxford, 1996.
15. Harris P. A. *London and its government*. – London, 1933.
16. Harris R. *Political corruption: in and beyond the nation state*. London, 2003.
17. Hellmuth E. *The British State // H. T. Dickinson, A companion to eighteenth-century Britain*. – Oxford, 2002.
18. Hintze O. *Staat und Verfassung*. – Gottingen, 1970.
19. Innes J. *The mixed economy of welfare in early modern England / Charity, Self-Interest and Welfare in the English Past*. – London, 1996.
20. Johnston M. *Syndromes of corruption: wealth, power, and democracy*. – Cambridge, 2005.
21. Martínez-Vázquez J., Arze del Granado J., Boex J. *Fighting corruption in the public sector*. – Amsterdam, 2007.
22. Morrison M. A., Zook M. S. *Revolutionary currents: nation building in the transatlantic world*. – Lanham, Maryland, 2004.
23. *Mr. Burke gives Notice of his Plan of Public Reform and Economy // The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803*. V. XX. – London, 1814.
24. *Mr. Burke's speech on presenting to the house of commons, A plan for the better security of the independence of parliament, and the economical reformation of the civil and other establishments / Rogers H. The works of the Right Hon. Edmund Burke*. V. I. – London, 1837.
25. Neild R. R. *Public corruption: the dark side of social evolution*. – London, 2002.
26. Rubinstein W. D. *Elites and the wealthy in modern British history: essays in social and economic history*. – New York, 1987.
27. Thane P. *Anthony Sutcliffe, Essays in social history*, V. II. – Oxford, 1986.
28. *The Gentleman's Magazine and historical Chronicle*. V. 72. – London, 1802.
29. *The new present state of Great-Britain*. – London, 1776.
30. *The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803*. V. XII. – London, 1812.
31. *The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803*. V. XIII. – London, 1812.
32. *The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803*. V. XIV. – London, 1813.
33. *The Parliamentary history of England, from the earliest period to the year 1803*. V. XIX. – London, 1814.
34. *The speeches of the Right Honorable Edmund Burke*. V. II. – London, 1816.
35. *Torrance J. Social class and bureaucratic innivation: The Commission for Examing the Public Accounts 1780–1787 // Past and Present*. V. 78 1978. Feb.
36. Webb P. J. *Local government and taxation in the United Kingdom*. – London, 1882.
37. Webb S., Potter Webb B. *English local government, from the Revolution to the Municipal Corporations Act: The parish and the county*. V. I. – London, 1906.
38. Webb S., Potter Webb B. *English local government, from the Revolution to the Municipal Corporations Act: The manor and the borough*. V. II–III. – London, 1908.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 392.8(470.66)

*Т. М. Шавлаева**

Архаические черты в традиционном наборе пищевых продуктов чеченцев

В статье рассмотрены архаические черты и некоторые обычаи, связанные у чеченцев с приёмом пищи. В статье прослеживается связь пищи с формами хозяйственной деятельности и видами производств. Первые представления о пище чеченцев были связаны с культурой земледелия.

The article is focused on ancient food of chechens and rituals concerned with meal.

Investigation of this subject shows strong co-relations between particularities of chechen food and their traditional agriculture.

Ключевые слова: чеченцы, традиционная пища, агрикультура чеченцев, архаические блюда.

Key word: Chechens, traditional food, agriculture of chechens, archaic dishes.

На тесную связь форм питания и видов пищи с хозяйственно-культурным типом правильно указывает С.А. Арутюнов: «...Весь ХКТ народа в значительной степени определяется тем набором пищевых продуктов, которые этот народ производит, и тем способом, которым он их производит» [8, с. 205].

Чеченское название пищи «кхача» содержит компонент *кха*, ясно указывающий на обрабатываемую землю – *кха*, это даёт основание предполагать, что первые представления о пище у чеченцев были связаны с земледелием, так же как и у народов Дагестана, относящихся к нахо-дагестанской языковой группе [7, с. 147].

Чеченцы употребляли в пищу продукты как животного, так и растительного происхождения. Из продуктов животного происхождения предпочтение отдавали мясу: *дилха*, *жижиг*, мясу дичи: *экса жижиг* и молочной продукции – *маша*, а также рыбе – *ч1ара*.

Пища растительного происхождения – *наша* – состояла из зерновых – *кенан ялта* и фруктов – *стом*, из последних предпочитали ягоды – *ц1азамаш*; далее следовали овощи – *хасстьмаш*, включающие клубни – *орамстом*. К растительной пище также относили

* **Шавлаева Тамара Магамедовна**, кандидат исторических наук, доцент, Чеченский государственный университет.

разные дикорастущие травы, употребляемые в традиционной кухне. В особом ряду среди пищевых продуктов стоит готовый к употреблению высококалорийный сладкий продукт – пчелиный мёд, который ценился не только по пищевым, но и целебным качествам.

Традиционное занятие горцев скотоводством было обусловлено выгодной эксплуатацией горной местности, что вовсе не означало отсутствие в горах пашенного земледелия и садоводства, речь идёт лишь об интенсивном хозяйственном занятии горцев. На равнине были развиты как животноводство, так и земледелие. Поэтому, во-первых, трудно сказать о какой-то существенной разнице в рационе пищи жителей основных хозяйственных зон – равнины, предгорья и гор, во-вторых, внутренние этнические общества Чечни, а также близлежащие районы России, Дагестана, Грузии и др., не были изолированными друг от друга. Народы в целом не враждовали между собой, поэтому вопросы, связанные с неадекватностью области питания и области производства, разрешались без особых усилий путём натурального обмена. Источники указывают, что внутренняя торговля населения Чечни сосредотачивалась в основном в нескольких равнинных, предгорных и горных аулах – Чечен-ауле, Алды, Гехи, Гудермесе, Дарго, Шатое, Чеберлое. Торгово-экономические связи Чечни с соседними народами осуществлялись по мичкизской, андийской, османовской, черкесской, грузинской и другим дорогам [6, с. 144].

Нельзя не учитывать региональный и сезонный факторы, влияющие на характер пищи. По домашней кухне можно судить о материальном положении, статусе и духовной культуре хозяев. Очень интересны запреты (и поощрения), касающиеся пищи, связанные с гендерными и возрастными особенностями. Пища разделялась на повседневную, праздничную, ритуальную, обрядовую.

Отрывочные сведения о характере питания чеченцев мы находим в работах дореволюционных авторов У. Лаудаева, К. Самойлова, М. Ковалевского, М.Я. Ольшевского, А.Н. Зиссермана, А.Ф. Ляйстери, Г.Ф. Чурсина. Из современных исследователей к изучению этого вопроса обратились такие авторы, как И.Ю. Алироев и Л. Дадаев в работе «Пища вайнахов». Продолжением этой темы можно считать статью Б.Б. Абдулвахабовой «Пища чеченцев: традиции и новации». Тем не менее мы полагаем, что этот вопрос изучен не в полной мере.

В данной статье мы попытаемся проследить наиболее древние традиции в чеченской кухне на примере общества Чеберлой, расположенного на юго-востоке Чечни. Это чеченское общество сумело, в силу разных исторических причин, сохранить древние формы как в языке, так и в бытовой культуре.

В кухне чеберлоевцев преобладала мясная пища, которую они готовили как из свежего, так и сушёного мяса. Мясо отваривали большими кусками, а если это мясо мелкого рогатого скота – целыми частями туши. На куски мясо делили после варки, обычно это делал старший в семье мужчина, а при его отсутствии – старшая из женщин. Галушки делали крупными и круглыми. Как это ни странно, самый вкусный продукт – бульон, отдавали псам, погрузив туда кости, оставшиеся после трапезы (*диешо*), или превращали в помои – *диелариш*. Позже, когда в «моду» вошло употребление бульона, он был включён в рацион пищи социально не активной части населения – стариков, женщин нефертильного возраста, детей. Молодых, как-то умудрившихся «скушать бульону», при случае называли «шинара», т. е. годовалой скотиной, пьющей бульон. В древней кухне не готовили супы, и такого слова в языке чеченском не имеется. Ныне существующее чеченское название бульона и супа «чорпа» является немного перефразированным тюркским «шурпа». В родственном ингушском языке сохранилось слово *дила* (бульон), видимо, это есть общенахское название бульона.

По мнению чеберлоевцев, употребление жидких блюд расширяет желудок (*зорха*), портит осанку, нагоняет лень, подавляет активность, делает частые и неуместные позывы кишечника и мочевого пузыря – всё это уподобляет мужчину неуклюжему волу. Правило гласило: фекалии мужские должны быть зернистые, как речные камушки, мужчина не должен ходить с туалетом в теле.

Исследователи С. Броневский, М. Я. Ольшевский, О. Евецкий, Н. Дубровин отмечали умеренность чеченцев в пище, а некоторые из них добавляли, что при этом они весьма ловки и сильны.

Однако есть и другие сведения, относящиеся к середине XIX в., тогда на Кавказе побывал великий русский хирург Николай Иванович Пирогов, которого, по его же свидетельству, встретили крайне гостеприимно. Врач был несколько удивлён, что чеченцы едят так много мяса и никто не жалуется на боли в желудке. Но, увидев, что гостям всегда подают чаши с бульоном, успокоился: «Ну, раз запивают бульоном, могут есть мяса сколько хотят» [10].

Мясо заготавливали впрок несколькими способами. Самым древним из них, наверное, является «каро», суть его заключается в том, что в угли, оставшиеся после огня, укладывали целые туши дичи и животных и оставляли на несколько дней. Обуглившиеся тушки, покрытые толстым слоем угля, хранили долго, наряду с другими предметами, в специальном отсеке. При употреблении в качестве пищи уголь особо и не снимали. Кстати, профессор М. Х. Багаев, отмечая черты Галайтинского могильника – 2, датированного VI в. до н. э. – IV в. н. э., выделяет наличие во многих погребениях древесных углей, например, в погребении № 48 «между костями скелета и

на нём самом обилие древесных углей» [4, с. 44, 38]. К сожалению, автор не объясняет, с чем связано такое действие при захоронении покойника. Известны также магические свойства, приписываемые древесному углю, например, от сглаза.

Вторым способом заготовки мяса являлся «кьюли», его делали поздней осенью – на зиму и ранней весной – на лето, потому что с ранней весны до поздней осени шли непрерывные циклы хозяйственных работ: подготовка сельхозинвентаря, пахота, боронование, сев, прополка, стрижка овец, жатва, сенокос и т. д. Помимо всего этого, не прекращались и ремонтно-строительные работы хозяйственных и жилых помещений.

Искусство изготовления «кьюли» заключалось в том, чтобы «раскроить» тушу так умело, чтобы оно составляло единое полотно, не теряя связки конечностей. Для этого отделяли от туши шейную часть, кости конечностей и лопатки. После выдержки в соляном рассоле «кьюли» прибавляли небольшими трёхгранными кольями к стене в отапливаемой комнате, чтобы высушить. Итак, на всю стену получался мясной «ковёр», по мере высыхания которого выявлялось его «художественное» достоинство и даже вырисовывались какие-то образы, производившие своеобразное впечатление на хозяев и гостей. Красное мясо приобретало темно-бордовый цвет, где местами выступали белые отложения соли, а белое жирное – под воздействием тепла – багряный оттенок и сияло жиром. Таким образом, можно утверждать, что одними из первых видов «ковров» чеченцев были мясные.

Третий способ заготовки мяса – обычный и универсальный, он практикуется до сих пор у чеченцев и остальных народов Северного Кавказа: после томления в соляном растворе мясо сушится вблизи огня в проветриваемом помещении или на ветру во дворе, на чердаке и т. д. Единственное, в настоящее время опускают одну операцию: не покрывают мясо слоем кукурузной муки в целях защиты от «деятельности» мух, так как появились другие средства защиты.

Сушили, кроме мяса, курдюк, вымя коровы; внутренний жир, посыпав солью, заворачивали в узелок. Курдюк сушёный традиционно являлся пищей воинов и косарей. Вымя и хвостовую часть курицы к мужскому столу не принято было подавать, внутренний жир добавляли в тесто при выпечке чурека, а печень, почки, лёгкие жарили сразу же на углях после разделки туши.

На втором месте в пищевом рационе чеберлоевцев были молочные продукты, из которых ценились сыр (из овечьего молока) и топлёное масло (из коровьего молока). Сыр готовили внутренним способом, т. е. в сычуг животного, где есть природный фермент,

способствующий свёртыванию молока, заливали тёплое молоко, через некоторое время отделялась сырная масса. Такой сыр назывался «начхи» («начохи»), хранили его небольшими кубиками. Позднее сыр стали делать и из коровьего молока и более производительным способом: молоко уже не заливали в сычуг, а, наоборот, в молоко вносили рассол, в котором мочили сычуг с ферментом, и так же отделялась сырная масса. Но этот сыр уже назывался «нахчи» («нахачи»). Такой сыр хранили большими дольками. Таким образом, в таком из древнейших производств, как изготовление сыра, мы сталкиваемся с двумя технологиями: «начохи» и «нахачи». Эти два термина с корнями **чох** - и **хач** - явно указывают на два способа производства: внутренний и внешний.

По своим питательным свойствам сыр и топленое масло считались равноценными, а при натуральном обмене шли один к одному, на стол подавали как с сыром, так и как самостоятельное блюдо. Иной раз в кувшин откладывали маленькие кубики сыра и заливали охлаждённым маслом до того, как оно затвердеет. Чеберловцы охотно употребляли в пищу все молочные продукты (кислое молоко, сыворотку, патоку), кроме сливочного масла и сметаны. Употребление в пищу сливочного масла и сметаны считалось позорным даже в детской среде, называли съевшего их «цициг», т.е. кошка, а взрослым данное действие грозило потерей авторитета в обществе. Видимо, эти два продукта рассматривались как конкретное сырьё для получения топленого масла, особо ценимого в чеберловской кухне, и преждевременное употребление их в пищу рассматривалась как неумеренная прожорливость, нетерпеливость, ненасытность, характерные для голодных варваров «с грязной кровью». До 70-х гг. XX в. среди чеберловцев старшего поколения, как мужчин, так и женщин, встречались такие, что ни разу не пробовали сметану и сливочное масло, однако они уже не осуждали тех, кто ест эту пищу.

Из растительной пищи чеберловцы отдавали предпочтение картофелю, фасоли и тыкве, очень любили жареные зерновые – *цай*. Во время перебора кукурузы отбирали початки с редкими зёрнами – *бабай царгиш* (бабушкины зубы), чтобы потом, длинными ножами, варить, жарить и печь на углях у очага.

Из прожаренного зерна делали толокно – *цу*, которое употребляли с молочными продуктами, а также смешанным с маслом с добавлением творога – *цун мажиргиш*, эту пищу обычно брали в дорогу, считая очень сытной и лёгкой.

На десерт подавали: пчелиный мёд в чистом виде и в сотах; масло, смешанное с мёдом; толокно, заправленное мёдом; галушки в мёде; мочёные фрукты, а также напиток *наша хи* – кислую воду с

мочёными фруктами, подслащенную мёдом. Когда из сливочного масла получали топлёное масло, оставался вкусный осадок – *йовкаш*, куда вносили муку и жарили до готовности, в итоге получался новый продукт – *дайттах*, иной раз подслащиваемый опять-таки мёдом – всё это свидетельствует о наличии в Чеберлое достаточно-го количества мёдовой продукции.

О широком развитии пчеловодства в Чечне писали многие исследователи (С. Броневский, Р.Ф. Розен, И.И. Норденстамм, Н.Ф. Дубровин и др.). Исследователь К. Самойлов отмечал превосходное качество здешнего мёда [9, с. 67]. Профессор Ш.Б. Ахмадов приводит свидетельство Я. Штелина о том, что «мёд и воск чеченцы и ингуши добывали в огромном количестве». Далее автор указывает на показания, данные в Кизлярской гражданской канцелярии, о положении дел в Чеберлоевском обществе, где, отмечая экономическое положение горцев, некий уздень А. Агаев отметил, что «горцы весьма богаты пчёлами» [3, с. 107]. Исследователь А.П. Берже писал, что обитатели низменных аулов в обмен на свой хлеб получали от горцев мёд, шерсть, шкуры, сафьян [5, с. 70].

Вообще, на Северном Кавказе пчеловодство, благодаря местной богатой флоре, всегда находилось на высоком уровне. В позднем средневековье только через черноморские рынки вывозилось в год до 640 т мёда и до 80 т воска [2, с. 23].

Многие иностранные путешественники и исследователи отмечали сдержанность народов Северного Кавказа в потреблении хмельных напитков, что не следует понимать как отсутствие хмельных напитков вообще. Не являются исключением в этом отношении и чеченцы, в том числе и чеберлоевцы, у которых мужчины готовили из ячменя и проса брагу – *ниха* и пиво – *йий*, иначе называемые *шайтан-хи* (чёртова вода). Эти напитки были исключительно мужскими, и мы не располагаем этнографическим материалом, где обстоятельства допускают (или оправдывают) употребление женщинами хмельных напитков.

В качестве приправ чеберлоевцы употребляли чебрец, дикий укроп, которые отличались душистым запахом. Из дикорастущих растений были популярны *нитташ* (крапива), *ч1имаш* – купырь лесной – растение со съедобным стеблем, *нохцаш* (не переводится). Ещё с давних времён у чеченцев существовал обычай, называемый *куьйгаха*, т. е. от руки. Суть его заключалась в следующем: за общей трапезой, которая включала свои правила, сидящие как бы ухаживали друг за другом. Считалось плохим правилом, если трапезник увлекался только собой, уподобившись голодной собаке, не замечая, в чём нуждается рядом сидящий. Что бы ни подавали к

столу – мясо с галушками, галушки с творогом, смешанным с маслом, чурек с сыром и кислым молоком – всё же попадаетея какой-то лакомый кусочек. Съесть этот лакомый кусок самому считалось обжорством и невоспитанностью, надо было его собственноручно подать гостю – старшему или просто рядом сидящему. «Почему ты сам не ешь? – обычно спрашивал принимающий. «Я хочу, чтобы ты съел..», – отвечал подающий. Или подносил к его рту и вежливо просил съесть. В итоге к концу трапезы все получали «от руки» смачный кусочек. Если рядом сидящий замечал, что другому попался, скажем, неудачный кусок мяса (не сварившийся и т. д.), он находил повод, чтобы отдать ему свой.

В обычае «куьйгаха» как в зеркале отражаются внутренняя культура чеченцев, взаимное уважение, склонности к единению и дружбе, характерные для народа с глубокими духовными ценностями.

Летом 1929 г. в Чечню приезжал русский писатель А.С. Серафимович. Хозяин, у которого он остановился, настолько обрадовался визиту гостя, который к тому же ещё и пишет книги, что заставил А. Серафимовича съесть из его рук несколько ложек мучной каши, сваренной на молоке, хотя до этого было сытное угощение, и в знак уважения уже зарезали барана, чтобы подать баранью голову и грудинку. Писатель правильно понял, что это действие имело какое-то символическое значение [10]. Белая пища, как и белая ткань, является в чеченской традиции символом чистоты и дружбы от чистого сердца.

Таким образом, пища чеченцев, в том числе и чеберловцев, формировалась, как правильно пишет этнограф Б.Б. Абдулвахабова, в тесной связи с преобладающим среди них хозяйственно-культурным типом, который представлял собой пашенное земледелие в сочетании с отгонно-пастбищным и оседлым скотоводством. В соответствии с этим в традиционной пище сочетались растительные, мясомолочные и плодово-ягодные продукты [1, с. 5]. В то же время пищу старались приготовить калорийной, лёгкой и способствующей физическому развитию. Повседневная пища состояла из чурека, сыра или творога, смешанного с маслом, и кислого молока. Мясное блюдо готовили вечером, когда вся семья в сборе. Сушеный курдюк и толокно, смешанное с маслом, являлись походными закусками. Как гласит чеченская пословица, горы и лошади тучных не любят.

Список литературы

1. Абдулвахабова Б.Б. Пища чеченцев: традиции и новации // Современные процессы в российской социологии, экономике, исторической науке. – Кизляр, 2009.

2. Айларова С.А., Тебиева Л.Т. Культура и хозяйство: взгляд Северо-Кавказских просветителей (конец XVIII – XIX вв.). – Владикавказ, 2008.
3. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. – Грозный, 2002.
4. Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана. – М., 2008.
5. Берже А. П. Чечня и чеченцы. – Грозный, 1991 (переиздание).
6. История Чечни История Чечни с древнейших времён до наших дней: в 2 т. Т. 1. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. – Грозный, 2008.
7. Материальная культура аварцев. – Махачкала, 1967.
8. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. – Махачкала, 1996.
9. Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002 (переиздание).
10. URL <http://zhaina.com/> Алироев И., Дадаев Л. Пицца вайнахов. [Электронный ресурс] (дата обращения: 23. 07. 2011).

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.2:77.04«1859/1918»

*О. С. Головина**

Основные концепции представления памятников культуры в фотографии на материале русской фотографической периодики (1859–1918 гг.)

В статье рассматривается дореволюционная фотографическая периодика в качестве одного из главных письменных источников для представления памятников культуры средствами фотографии. Статья основана на изучении 33 отечественных периодических изданий, которые автор разделяет на три группы по хронологическому принципу. Из анализа публикаций в дореволюционной фотографической периодике ясно, что наибольший интерес к исследуемому вопросу существовал в последний из трёх периодов – с начала XX в. до 1917/1918 гг.

The author of the article examines pre-revolutionary photographic periodicals as one of the main written sources in the question of representation cultural monuments by means of photography. The article is based on 33 domestic periodical issues that the author divides into three groups in chronological order. The analysis of the publications of the pre-revolutionary photographic periodicals reveals that the greatest interest to the current issue was during the last period – from the beg. of the 20th cent. till 1917/1918.

Ключевые слова: фотографии, древнерусское искусство, памятники культуры, исследующая фотография, фотографический музей, историческая память, фотофиксация, фотографическая периодика, художественная фотография, И.Ф. Барщевский, Ю.И. Холдин.

Key words: Photography, Old Russian Art, cultural monuments, researching photography, photographic museum, historical memory, fixing, photographic periodicals, art photography, I.F. Barshevsky, J. I. Choldin.

Фотографическая пресса, издававшаяся в дореволюционной России, является одним из основных письменных источников для представления памятников культуры средствами фотографии в период до 1918 г. Базовая задача нашего исследования – анализ изменения национального самосознания, поэтому прежде всего нас интересовали публикации, относящиеся к фотографированию артефактов древнерусской культуры. Проследить эту эволюцию мы

* Головина Ольга Сергеевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

можем на материале фотографии, анализируя трансформацию подхода фотографа к изображаемому предмету. Древнерусская культура в данном контексте является тем маркером, который выявляет отношение общества и фотографа как его представителя к национальной истории. Однако мы были вынуждены расширить круг наших поисков как в силу относительно небольшого числа статей, посвященных фотографии памятников именно древнерусской культуры, так и интереса к данной проблеме в целом: от фоторепродукции картины до исследовательской фотографии археологических находок.

Невозможно рассматривать какую-либо журнальную заметку объективно, без включения её в культурно-исторический контекст, без знания исторической обстановки, специфики конкретного журнала, уровня технического развития фотографии на момент публикации и многих других факторов. Однако в данной статье мы не имеем возможности выявлять особенности каждого дореволюционного фотографического журнала в отдельности, что уже было сделано нами ранее [3], поэтому ограничимся приведением полного списка исследованных изданий, разделением общего массива этих изданий на группы и характеристикой общих тенденций в рамках групп с анализом наиболее авторитетных и актуальных для нашей темы журналов.

Данное исследование базировалось на материале 33 фотографических журналов, которые можно разделить по хронологическому принципу на следующие группы: 1) 1858–1878 гг.; 2) 1880–1903 гг.; 3) 1904–1918 гг.

1. 1858–1878 гг.

Среди журналов, издававшихся в Российской империи в эти годы, было семь фотографических. Первым русским фотографическим журналом стало издание художника Григория Николаевича Оже «Светопись» (1858–1859), выходившее в Петербурге. Это издание нельзя назвать в полном смысле фотографическим: немало статей в нём посвящено изящной словесности и изобразительным искусствам, а собственно светописи внимания уделялось довольно мало. Но и среди этого небольшого числа статей мы находим публикации, связанные с исследуемой темой.

В № 10–11 за 1858 г. в разделе «Художественное обозрение» присутствует несколько заметок о фотографии, в том числе довольно обширная и интересная статья об известном археологе и путешественнике Петре Ивановиче Севастьянове (1811–1867), фотографе, который в течение двух лет работал на Афоне и привез оттуда коллекцию оригинальных древностей и фотографий с оригиналов. В 1858 г. в Париже он выступил на заседании Академии над-

писей и изящной словесности с сообщением о необходимости сохранения в библиотеках древних и особо ценных рукописей с помощью фотографии, что было встречено с одобрением. В следующем номере, в том же разделе, появилось короткое сообщение о выставке «севастьяновских снимков древних рукописей, образов и пр.» [11, с. 233]. Эти сообщения о работах Севастьянова мы можем считать первым проявлением интереса к фотографическому запечатлению памятника культуры в русской фотографической периодике.

Следующая интересующая нас статья помещена в разделе «Художественные новости». Речь идёт о французском издании «Сокровища искусства древней и новой России» (*Tresors d'art de la Russie ancienne et moderne*), которое должно было быть закончено в течение двух лет и охватить огромное количество материала. Текст к альбому взял на себя труд составить Теофиль Готье, а его коллегой стал П.-А. Ришбур, «фотограф Императора Французов» [12, с. 24]. Издание не было реализовано в полной мере, но не это представляет для нас наибольший интерес. В указанной заметке цитируется объявление, разосланное в органы русской периодической печати того времени издателем этого альбома Карлосом ван Роем. Судя по приведенным в журнале цитатам, французский издатель представлял Россию сказочным восточным царством, таящим несметные и удивительные богатства, которые «изумят Европу», будучи представленными на дагеротипной пластине. Подход к запечатлению древних памятников культуры России человека, готового сравнить собор Василия Блаженного с лагорской пагодой, человека, слабо знакомого с культурой страны, которую он собирается «открыть» миру, вызвал неоднозначную реакцию общества. Редакция журнала «Светопись» приветствовала начинающееся издание. Однако обозреватель «Живописной русской библиотеки» дал резко негативный отзыв: «Может ли он (Т. Готье. – О.Г.), не зная ни русского языка, ни России настоящей и старинной, в несколько месяцев, проведённых в Петербурге, изучить всё, что обещает нам представить в своей книге? Не месяцы, а годы, и не мимолётный взгляд туриста, а тщательное изучение необходимы для этого» [5, с. 76].

Таким образом, уже первый русский фотографический журнал становится отправной точкой развития основных концепций представления памятника культуры, в том числе, что для нас особенно важно, культуры восточно-христианской. С одной стороны, из сообщения об экспедиции П.И. Севастьянова следует идея создания «фотографического музея» – собрания фотографий, дублирующих наиболее значимые памятники культуры. С другой стороны, полемика вокруг издания альбома «Сокровища искусства древней и новой России» привела к появлению концепции, названной

современным фотографом Ю.И. Холдиным «вдумчивое запечатление» [10]. Уже тогда возникает идея представления памятника культуры с помощью средств изобразительных искусств как способа национального самопознания: каждый памятник должен быть «узнан» и прокомментирован с точки зрения национальной истории и культуры. Оба этих направления получают своё развитие впоследствии, что мы увидим на материале других журналов.

Остальные шесть изданий этого периода представляют для нас меньший интерес. Следующий журнал, «Фотографическая иллюстрация», опубликовал несколько заметок, посвященных памятникам древнерусского искусства, а также соответствующие фотографии. Издания «Фотограф», оба «Фотографических обозрения», «Фотографический вестник» не уделяли внимания нашей теме вовсе, «Светопись» (приложение к журналу «Свет») содержит краткую заметку о создании V (фотографического) отдела Императорского русского технического общества, в которой также упоминаются фотографии древнерусских памятников.

Вопрос представления памятников культуры средствами фотографии в ранних фотожурналах был заострён гораздо более, чем впоследствии. Одним из возможных объяснений является «гуманитарность» темы, в то время как для большинства журналов следующих этапов развития фотопериодики наибольший интерес представляли технико-технологические вопросы.

2. 1880–1903 гг.

В это время в России существовало восемь периодических изданий, которые можно отнести к фотографическим: «Фотограф» (1880–1884), «Труды V отдела Императорского Русского технического общества» (1887–1889), «Фотографический вестник» (1887–1897), «Русский фотографический журнал» (1895–1898), «Труды Казанского фотографического общества» (1896–1897), «Фотографическое обозрение» (1896–1903), «Кругозор» (1897–1905), «Фотографический ежегодник П.М. Дементьева» (1892–1898).

Публикаций, имеющих отношение к фотографическому представлению памятников культуры, в журналах этого периода было мало. Наибольшее их число мы находим в «Фотографическом обозрении». Выявленные нами ранее концепции в разной мере находят своё продолжение в выпусках этого журнала: идея «вдумчивого запечатления» почти не встречается на страницах издания, тогда как идея создания «фотографического музея» в разных формах проявляется в большом числе статей. Наиболее отчетливо эта мысль была выражена в публикации «Заседания Русского фотографического общества в Москве» [4, с. 158] и в заметке «Вниманию гг. членов РФО в Москве» [2, с. 347]. В первой из них сказано, что на

заседании РФО было внесено предложение о создании при Обществе географической коллекции России. В эту коллекцию могли бы войти едва ли не все запечатленные на фотографиях приметы той или иной местности: «характерный пейзаж, характерный тип жителей, занятия, ремёсла, распространённые в данной местности, архитектура (частные дома, церкви и пр.), животные и растения» [4, с. 158].

В журналах следующего периода эта идея прозвучит еще громче, и подобные предложения будут поступать уже из многих городов России.

Автор второй заметки сообщал о грядущем 50-летию со дня смерти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского и предлагал членам РФО сфотографировать памятные места, связанные с жизнью и творчеством писателей, прилагая также примерный список этих мест. В конечном счете обе публикации демонстрируют одно желание: иметь копию памятника как хранителя национальной памяти.

На пересечении уже названных нами концепций находится ещё одна мысль, впервые высказанная на страницах фотопериодики именно в «Фотографическом обозрении». Речь идет о группе статей, посвященных фотографии, названной Е.Ф. Буринским «исследующей». Статья «Фотография в приложении к исследованиям в области искусства и археологии» [13] рассказывает о выявлении подписей художников, исследовании палимпсестов, рукописей и т. д. В двух номерах журнала за 1901 г. печаталась статья «Судебная фотография» [8], подробно рассказывающая об изобретениях и усовершенствованиях в этой сфере. Хотя данная публикация и не относится напрямую к представлению памятника искусства в светописси, но по своему характеру она близка другим статьям, посвящённым «исследующей фотографии» и относящимся к нашей теме.

Последняя статья представленной группы – «Фотография в применении к славяно-русской палеографии» А.И. Яцимирского [14]. Этот весьма подробный очерк касается всех аспектов фотографии рукописей. Кроме точной разработки технического метода, интересного для нас сегодня уже не с точки зрения практики, а как факт пристального внимания к вопросу, важной является и методологическая основа научного знания. Фотография рукописи рассматривается с двух точек зрения: как копия с оригинала и как восполнение последнего. И, хотя оба аспекта функционирования фотографии обсуждаются в статье с позиции практической пользы, мы должны отметить исследовательское ожидание от фотографического снимка. Фотография рукописи может оказать помощь в научном изучении рукописи, поскольку она становится сильнее человеческого глаза (выявляет невидимые надписи, способствует прочтению палимпсестов и т. д.) и функциональнее оригинала (её можно размножить,

разослать в научные учреждения, её утеря или повреждение не так опасны). Таким образом, «исследующая фотография» уже тогда начинает играть двойственную роль: с одной стороны, способствует просвещению, научной работе, сохранению памятников культуры, а с другой – посредством фотоснимка как бы присваивает себе право успешно замещать оригинал, нивелируя, таким образом, его ценность.

3. 1904–1918 гг.

Последний из рассматриваемых периодов отличается, прежде всего, количеством издаваемых журналов – 18, четыре из которых («Фотограф-любитель», «Вестник фотографии», «Фотографические новости» и «Фотографический листок») выходили более 10 лет и имели разнообразное и качественное содержание, а также авторитет среди читателей. В большинстве журналов увеличилось (по сравнению с предыдущим периодом) число художественных фотографических приложений и повысилось их качество. Оформление журналов зачастую было выполнено в эстетике модерна. Линия, начатая «Фотографическим ежегодником П.М. Дементьева», была так или иначе продолжена большинством журналов: издания этого периода содержали технические статьи и значительное количество публицистических, а некоторые (например, «Фотографическое искусство» О.К. Зольдтнера) практически полностью состояли из последних.

В этот период издавалось много разнообразных статей по исследуемой теме. Выделим самые характерные, в которых представлены уже рассмотренные концепции.

Идее фотографического описания России было посвящено множество публикаций, в частности, в журналах «Фотографические новости», «Фотографический листок», «Фотограф-любитель», «Вестник фотографии» и др. В качестве примера возьмем статью под названием «Что фотографировать?» [6], публиковавшуюся в двух номерах «Фотографических новостей» за 1915 г. Её автор, Дмитрий Лещенко, предлагает одну из самых подробных программ фотографического описания России, в которой значительное место, наряду с фотографированием характерных для той или иной местности природных ландшафтов, архитектуры, обычаев и т. д., занимает запечатление памятников культуры (раздел «Охрана старины»). Важным для нас является не только факт разработки этого обширного проекта «фотографического музея», но и мотивы его автора: «Всё современное также быстро станет достоянием истории и ещё быстрее может и вовсе исчезнуть, а потому надо уже и теперь торопиться удержать его точное фотографическое изображение» [6, №8, с. 117], – пишет Д. Лещенко. Желание «ухватить кусочки прошлого», сохранить то, что на глазах исчезает, запечатлеть

всё окружающее в смутном предчувствии, что в скором времени оно может безвозвратно измениться, «удержать», как говорит сам автор, – вот доминирующие мотивы статьи.

Концепция «исследующей фотографии» была выражена Антоном Угловым в статье «Репродукция иконописи» [9]. По мнению автора, фотограф, снимающий памятник древнерусской живописи, только в худшем случае должен быть протоколистом, в лучшем же – «безупречным реставратором» [9, с. 125]. «Исследующая фотография» призвана давать объективные и ясные данные о памятнике. Ее ценность определяется близостью к подлиннику, под которым подразумевается не почерневшая от времени икона начала XX в., а её оригинал в момент создания. «К настоящему надо прибавить утраченное прошлое» [9, с. 125]. Далее автор раскрывает тонкости репродуцирования иконы так, чтобы выявить не видимый глазом рисунок. Таким образом, фотография, в отличие от человеческого глаза, становится способной видеть прошлое и даже возвращать его. Внешний вид объекта съёмки – лишь «документ», который нужно не «запротоколировать», а раскрыть его суть, спрятанную под напластованиями времени, вернуть подлинность иконе или фреске, выявить её истинный (насколько это возможно в пределах монохромной фотографии) внешний вид.

Идея «вдумчивого запечатления» нашла свое выражение в ряде публикаций [1]. Наиболее полно эта концепция представлена в статье В. Никольского «О городском пейзаже» [7]. Речь в ней идёт только о художественной фотографии, «ярко передающей основной характер или впечатление какого-нибудь здания или целого архитектурного ансамбля, о фотографии без всякой заботы о том, можно ли будет воспользоваться снимком как документом, как своего рода строительным чертежом» [7, с. 223]. Автор статьи предлагает читателю выполненные им самим снимки Московского Кремля. В описаниях к ним он раскрывает свою задачу: «Запечатлеть один из контрастов городской жизни: безлюдные древние стены Кремля врезаются в самую гущу современной городской сутолоки с трамваями, пароходами, ломовыми обозами» [7, с. 227]. Отказываясь быть «протоколистом», В. Никольский делает попытку через фотографию памятника древнерусской культуры передать своё восприятие современности в ее взаимодействии с памятником и выразить скрытые в нем смыслы.

Существует несколько аспектов в отношении фотографической периодики и представления памятников культуры в фотографии, которые нам хотелось бы отметить. Первый из них – хронологический.

Анализ журналов показал, что тема представления памятника культуры в фотографии появляется уже в первом русском фотографическом журнале («Светопись» художника Оже), в нём же публи-

куются фотографии памятников древнерусской культуры. За 60 лет развития отечественной фотопериодики вопросы, связанные с этой темой, не прекращали разрабатываться. И последние дореволюционные журналы, прекратившие своё существование в 1918 г. («Вестник фотографии» и «Фотографические новости»), проявляют интерес к проблеме представления памятников культуры в фотографии, выбирают для своих приложений снимки русских древностей.

Другой аспект – виды публикаций, имеющих отношение к нашей теме. Наиболее важной для рассматриваемого вопроса группой являются программные публицистические статьи, объединяющие те высказывания, которые позволяют нам с наибольшей ясностью выявить концепции представления памятника культуры в фотографии.

Третий, наиболее важный, аспект изучения проблемы сводится к вопросу о том, как отражала фотографическая периодика изменения в представлении памятника культуры в фотографии.

На основании статей и заметок о фотографических выставках мы можем сказать, что фотографию памятников (в основном, архитектурных и археологических) чаще всего относили к области научной, или документальной, регистрирующей, фотографии, а не к фотографии художественной. Лишь небольшое количество публикаций говорит нам об обратном. Только отдельные авторы статей считают, что и научная, и художественная, и репродукционная фотографии должны быть осмысленными, а фотографы, занимающиеся любым видом съёмки, должны чётко понимать свои цели и досконально знать средства их достижения.

Одной из тенденций в представлении памятника культуры в фотографии была мысль о том, что фотографический снимок может рассказать об объекте больше, чем человеческий глаз, слово или кисть художника – фотография выявляет невидимое, даёт точную копию оригинала, восстанавливает прошлое как зримо (реставрация иконы с помощью фотографии), так и незримо, воскрешая воспоминания. Иногда этот «фотографический оптимизм», мысль о кажущейся безграничности возможностей фотографии заслонял доводы разума, и фотографический снимок выдвигался на роль замены оригинала. Однако таких случаев было немного.

С начала 1890-х гг. в умах фотографов-любителей и профессионалов начинает возникать общая идея, которая к началу XX в. оформилась под названием «Фотографический музей». Программа этого музея, метод и форма составления его коллекции имели различия в устах разных авторов, но общей была задача – фотографическое описание России. Главными отделами «фото-музея» были бы этнографический, архитектурный, бытовой и отдел, объединяющий фотографии памятников, в том числе и древних. Подобная коллекция не только систематизировала бы накопленные фотографии

и явилась бы стимулом для дальнейшего запечатления памятников старины, народных типов и видов местностей. Коллекция фотографий России стала бы целой «сфотографированной цивилизацией», заключающей в себе копии едва ли не всех областей жизни, копии, которые гораздо меньше подвержены влиянию времени и человеческого вандализма. Фотография артефакта культуры не только восстанавливала утраченное прошлое – она сохраняла о нём память, и чем лучше она была сделана, чем полнее фотограф выявил красоту и судьбу объекта съёмки, тем глубже были пласты исторической памяти и личных ассоциаций, вызываемые этой фотографией. С приближением 10-х гг. XX в. всё сильнее нарастала тревога деятелей фотоискусства за исчезающее прошлое, за разрушающуюся старину. Все её памятники нужно было максимально полно сфотографировать, а полученные снимки собрать, чтобы сохранить для себя и потомков самое ценное – память. Изменения во всех областях жизни по мощи и стремительности напоминали снежный ком, который нельзя остановить, от которого нельзя уберечь окружающий мир, но память об этом мире можно сохранить с помощью фотографии.

Только к завершению исследуемого периода, в 1915 г., фотографическая публицистика подходит к определению ценности художественной фотографии для понимания памятника культуры: разные авторы высказывают мнение о том, что только личный, субъективный взгляд на объект может привести к истинному пониманию его сути и к выражению творческих и исследовательских задач автора.

Итак, сформулируем три основные концепции представления памятника культуры в фотографии: 1) «исследующая фотография», направленная на физическое раскрытие временных пластов, заключенных в фотоснимке; 2) «фотографический музей» – фотография, сохраняющая внешний вид памятника в его настоящем и способствующая перемещению образа памятника в пространстве; 3) концепция «вдумчивого запечатления», позволяющая двигаться по вертикали времени не физически, а с помощью образов, вскрывая пласты личной и исторической ассоциативной памяти.

Подчеркнём, что древнерусское искусство как объект внимания фотографов не выделялось в особую категорию среди общей массы «нашей старины», включающей не только памятники культуры в их привычном понимании, но и этнографические типы, виды городов и местностей и т. д. Исключениями являлись случаи, когда проводилась специальная научная съёмка или осуществлялись такие уникальные проекты, как экспедиции с участием И.Ф. Барцевского. Можно предположить, что акцент на древнерусском искусстве не был сделан потому, что никто в дореволюционные годы не видел угрозы его существованию (кроме утрат от времени, невежества или

отсутствия средств на реставрацию). Более того, древнерусская культура была органично интегрирована как в повседневную, так и в духовную жизнь человека. Она являлась частью обширной православной культуры, составлявшей значительный пласт жизни русского человека, независимо от того, насколько верующим он был. Культура Древней Руси не только не находилась под запретом, но и не представляла кардинально *другой* мир, как, к примеру, для человека советской эпохи. И все же звучавшие в прессе призывы к увековечиванию на фотографических снимках «старины» свидетельствуют о том, что многое из наследия Древней Руси уже было забыто. Отдельным подвижникам приходилось проделывать колоссальную работу для того, чтобы привлечь внимание к этому наследию и сохранить память о нём. Всплеск названного интереса приходится на 1880-е гг., и до конца исследуемого периода он только нарастает.

Список литературы

1. А.Д. Вопросы дня: Задачи регистрирующей фотографии // Вестн. фотографии. 1913. № 10. – С. 274-277; Задачи и методы исследующей фотографии: II. Микрофотография // Вестн. фотографии. 1913. № 1. – С. 8–21; № 2. – С. 19–20; Никольский В. Перед большой задачей: К предстоящему конкурсу «Уходящая Москва» // Вестн. фотографии. 1913. № 10. – С. 282–283.
2. Вниманию гг. членов РФО в Москве // Фотограф. обозрение. 1901. № 9. – С. 347.
3. Головина О.С. Русская фотографическая периодика (1858–1918) // Фотография. Документ. Образ. 2011. № 1. – С. 55–75.
4. Заседания Русского Фотографического общества в Москве // Фотограф. обозрение. 1898. № 4. – С. 158.
5. Иностранное описание русских сокровищ искусства // Живописная рус. биб-ка. 1859. Т. 4. – С. 75–78.
6. Лещенко Дм. Что фотографировать? // Фотографические новости. 1915. № 7. – С. 101-103; № 8. – С. 117-119.
7. Никольский В. О городском пейзаже // Вестн. фотографии. 1915. № 9. – С. 222–227.
8. Попп. Судебная фотография // Фотограф. обозрение. 1901. № 5. – С. 161–165; № 6. – С. 249–255.
9. Углов А. Репродукция иконописи // Вестн. фотографии. 1915. № 6. – С. 125–139.
10. Холдин Ю.И. Фрески Руси. Дионисий. Золотой век иконописи, XIV–XV вв. // Проспект-каталог фотограф. выставки в Гос. Третьяк. галерее. – М., 2006; Головина О. Свет и светопись: новый путь представления шедевров древнерусского искусства // Обсерватория культуры: журн.-обозрение. 2007. № 2. – С. 53–55).
11. Художественное обозрение // Светопись. 1858. № 12. – С. 233.
12. Художественные новости // Светопись. 1859. № 1. – С. 24–25.
13. Шнауус Г. Фотография в приложении к исследованиям в области искусства и археологии // Фотограф. обозрение. 1900. № 4. – С. 141–145.
14. Яцимирский А. И. Фотография в применении к славяно-русской палеографии // Фотограф. обозрение. 1901. № 4. – С. 123–128, № 5. – С. 166–172.

**Современная отечественная историография
«военного заговора» в Красной армии
периода «большого террора» в СССР**

В статье проводится аналитический обзор публикаций современных историков о политических репрессиях в Красной армии периода «большого террора» (1937-1938 гг.). Делается вывод о том, что в современной российской историографии аргументировано доказан тезис – «военный заговор» сфальсифицировал НКВД СССР.

The article is an analytical review of publications relevant to modern historians, the problem of political repression in the Red Army period of the «great terror» (1937–1938). The conclusion is that in modern russian historiography argued proved the thesis – «a military coup» falsified the NKVD USSR.

Ключевые слова: советская историческая наука, историография, репрессии, военный заговор, сталинизм, «большой террор», Красная армия.

Key words: soviet history science, historiography, the repression, military coup, stalinism, «great terror», Red Army.

Дискуссионный характер в отечественной историографии получила проблема «военного заговора» против сталинского руководства. Исследователей, которые обращаются к данной теме, следует разделить на две группы: сторонников и противников существования «заговора».

В статье, опубликованной в 1991 г., Ю.В. Емельянов привел версию, которая была изложена в работе П. Карелла о том, что заговор военных существовал в действительности, а И.В. Сталин просто переиграл М.Н. Тухачевского [5, с. 8–11].

Ю.Ф. Лукин допускает, что возможно на практике был сговор военных, но он был направлен против одного из «вождей», а не против советской власти [13, с. 61].

Наиболее яркие апологеты сталинизма в современной российской историографии – В. Суходеев и Б. Соловьев – в работе «Полководец Сталин» свои умозаключения выводят исходя из показаний Н.Н. Крестинского, который в заключительном слове на процессе по делу антисоветского правоцентристского блока говорил: «В февра-

* **Степанов Михаил Геннадьевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.

ле 1935 г. Пятаков сообщил мне, что между нами, троцкистами, правыми и военной группой Тухачевского состоялось соглашение о совместном совершении вооруженного переворота. С этого момента я несу ответственность не только за действия троцкистов, но и действия правых и за действия военных заговорщиков» [27, с. 21]. Правда, авторы почему-то забывают такой немаловажный факт – современные российские ученые не сомневаются в том, что так называемые «московские процессы» второй половины 1930-х гг. были сфабрикованы, а обвинения в отношении арестованных лиц носили открыто фальсифицированный характер.

Далее авторы противоречат уже самим себе: «Необоснованные репрессии, естественно, не могут быть оправданы. Но необходимо помнить, что Троцкий и его окружение при поддержке зарубежных банков и правительств развернули бешеную кампанию травли Советского Союза и лично Сталина как его лидера. Известно, что когда во время советско-финляндской войны формировалось временное правительство во главе с О.В. Куусиненом, определенными кругами на Западе обсуждался вопрос о создании русского альтернативного правительства во главе с Троцким» [21, с. 21–22].

В целом В. Суходеев и Б. Соловьев в отношении репрессий времени «большого террора» резюмируют следующее: «Нужно считаться и с тем, что только жестокие формы возмездия могли устрашить оголтелых врагов, заставить их отказаться от подрывной деятельности. Террор против врагов являлся мерой защиты. Представляется, что эти соображения необходимо учитывать при рассмотрении проблемы репрессий» [21, с. 26].

Вышеотмеченная исследовательская линия получила освещение в монографиях Б.В. Соколова [22, 23].

Концепция так называемого «заговора Тухачевского», впервые озвученная репрессивными органами в 1937–1938 гг., получила «новое дыхание» в публикации Р. Баландина, который на основе давно введенных в научный оборот источников попытался доказать существование вышеотмеченного «заговора» в рядах командно-начальствующего РККА и РККФ [1]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что автором при работе с документами никаким образом не были применены приемы источниковедческой критики.

Выводы С.Т. Минакова о том, что высшая элита оказывала давление как на внутривнутриполитические процессы, так и на внешнеполитические, требовала изменения политического курса, настаивала на передаче поста наркома обороны – одного из ключевых постов в высшем руководстве страны – представителю военных профессионалов, не подкрепляются убедительными доказательствами. Эти выводы, как и утверждения о «военном заговоре», являются результатом мифотворчества исследователя. Критика позиций оппонен-

тов, недовольство конкретным положением и ролью отдельных руководителей не являются основанием для выводов о формировании заговора [18, с. 711–712].

К числу последних из вышедших работ, где получила отражение точка зрения о том, что репрессии в РККА были направлены против действительно имеющего место заговора военных, относится публикация А.Б. Мартиросяна [16]. Аналогичной точки зрения придерживаются и А.В. Шубин [29], Р. Баландин, С. Миронов [2], С. Кремлев [9, с. 193], В. Лесков [12], С. Миронин [19, с. 93], А. Голенков [4], Л. Мартенс [14, с. 241].

Однако, несмотря на то, что в ряде современных работ реанимируется сталинская концепция «заговора военных», все же следует сказать, что доминирующую часть сторонников имеет противоположный подход, причем более аргументированный, подкрепленный введенными в научный оборот архивными материалами.

Одним из первых, кто подверг сомнению существование антисталинского «военного заговора», был бывший сотрудник советской прокуратуры Б.А. Викторов, который на основе привлечения материалов уголовного дела, по которому проходили военачальники, показал, что выдвинутые обвинения против них носили чисто *фальсифицированный* (курсив наш – М.С.) характер [3, с. 215–256].

Анализируя проблему, необходимо обратить внимание на публикацию В. Катунцева и И. Коца, которые утверждают, что из всех репрессированных военачальников только карьера маршала В.К. Блюхера одномоментно закончилась не вследствие участия в так называемом «военном заговоре», а по результатам событий у озера Хасан. Так, будучи командующим подразделениями РККА на Дальнем Востоке, он подверг сомнению правомочность действий советских пограничников, усмотрев нарушение ими маньчжурской границы на трехметровую зону. За это он затем и был собственно арестован с санкции Сталина [8, с. 12–18].

Отдельные аспекты проблемы «военного заговора» были подробно проанализированы в двух статьях О.Ф. Сувенирова [24, 25].

Вместе с тем законченную форму концепция Сувенирова получила в монографическом исследовании «Трагедия РККА 1937–1938». Рассмотрев факты процесса фабрикации контрреволюционных дел в вооруженных силах СССР, историк пришел к однозначному выводу: «...все привлеченные за участие в "организациях" военнослужащие реабилитированы за "отсутствием состава преступления", можно вполне обоснованно сделать вывод о том, что всех этих "антисоветских, контрреволюционных организаций в РККА" в действительности не существовало, что сообщения и доклады высшему руководству страны об их "деятельности" также плод злобно

воспаленного человеконенавистнического воображения функционеров НКВД» [26, с. 89].

В анализируемой работе автором даны подробные таблицы со сведениями о сотнях репрессированных, однако, как указывал Сувениров, они далеко не полные. Есть у монографии и определенные недостатки – излишнее доверие к некоторым не вполне надежным мемуарным свидетельствам, незнание иностранной научной литературы. Однако на сегодняшний день это одна из наиболее серьезных работ по данной теме в современной российской историографии.

По мнению Ю.Н. Жукова, версия о существовании «заговора Тухачевского» против Сталина является неубедительной: «Трудно предположить, что в ходе "чистки" не было бы выявлено каких-либо фактов, связанных с "заговором", если бы он действительно существовал, т.к. переворот в Кремле требовал участия десятков и сотен людей. Я уже не говорю о чисто технических трудностях устранения диктатора при существовавшей тогда системе его охраны» [6, с. 181]. Далее, развивая свою точку зрения, Ю.Н. Жуков отметил, что все обвинения военачальников были сведены исключительно к измене родине и шпионажу. О какой-либо причастности их к попытке кремлевского переворота, о чем настойчиво говорил Сталин на заседании Военного совета, не было сказано ни слова [7, с. 414].

По мнению Н.Ю. Кулешовой, непосредственное начало эскалации репрессий в отношении военнослужащих РККА и РККФ послужила утвержденная 29 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) директива «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам» [11, с. 68]. Вопрос о том, кто сыграл решающую роль в судьбе маршала М.Н. Тухачевского – НКВД или информация, переданная Бенешем Сталину 8 мая 1937 г. о планах «заговорщиков» военного переворота для свержения советской власти и установления военной диктатуры – остается дискуссионным [11, с. 69].

В этом же контексте следует выделить точку зрения доктора философии, представляющего Русский исследовательский центр Тель-Авивского университета Б.М. Орлова, считающего, что сведения, которыми обладал президент Чехословакии Э. Бенеш по поводу контактов советских военачальников с Германией, были чистой дезинформацией. С ее помощью Н.И. Ежов, действуя, скорее всего, с ведома Сталина, нанес удар намечавшемуся франко-советскому военному соглашению. Одновременно была брошена тень подозрения на высшее командование Красной армии, против которого Сталин уже длительное время готовил удар [21, с. 53].

Российский специалист в области советской военной истории М.И. Мельтюхов пишет: «Исследования судеб военачальников, осужденных по "делу Тухачевского", показали, что, хотя эти люди, ви-

димо, не совершали инкриминируемых им преступлений, они стали жертвами борьбы внутри советской военно-политической элиты. В литературе широко распространена версия бывшего шефа СД В. Шеленберга о том, что именно сфабрикованные германским спецслужбами документы привели к репрессиям в Красной армии. Однако современные исследования не подтверждают ее. Неизвестно, существовали ли эти документы вообще. Некоторые исследователи полагают, что репрессии 1935–1938 гг. явились отражением реальных разногласий в советском руководстве по вопросам внутренней и внешней политики, что, естественно, обострило взаимоотношения между военной, с одной стороны, и бюрократической и экономической элитами – с другой. К сожалению, эти проблемы все еще остаются слабоизученными. Также практически не исследованы взаимоотношения внутри офицерского корпуса» [17, с. 363].

Знаменитый публицист Л.М. Млечин считает, что, судя по всем имеющимся документам, Тухачевский был чужд политике: «Свои планы он связывал с чисто военной карьерой. Наркомом обороны он хотел быть, главой страны – нет» [20, с. 159].

В настоящее время наиболее аргументированной работой, где был досконально проанализирован процесс фальсификации «военного заговора», является монография Н.С. Черушева [28]. Он привел ряд аргументов, которые свидетельствуют об отсутствии антигосударственного заговора военных, которые в настоящее время никто не смог опровергнуть с помощью введенных в научный оборот источников: «1. Отсутствие четко выраженной организационной структуры; 2. Не имеется ни одного письменного списка заговорщической организации в целом или каких-либо ее отделений, нет ни одного письма (в переписке) о делах заговора, ни одного перехваченного курьера или связного с простой или зашифрованной запиской, с прокламациями, листовками или другими обращениями к народу; 3. Свидетельства самих "заговорщиков", отбывших длительные сроки лишения свободы по обвинению в причастности к военному заговору; 4. Оставление на свободе и в армии части "заговорщиков", впоследствии выдающихся полководцев и военачальников Красной армии; 5. Сомнения в правильности и обоснованности репрессий были даже у членов Политбюро ЦК ВКП(б), в частности, у К.Г. Орджоникидзе и у К.Е. Ворошилова; 6. Отсутствие вещественных доказательств; 7. Отказ в массовом порядке от своих показаний военачальников во время судебного следствия; 8. Большие нестыковки в следственных материалах НКВД; 9. При аресте ни один "заговорщик" не делал попыток бежать, отстреливаться, хотя оружия и патронов в квартирах военачальников было достаточно; 10. Что это за заговор, если заговорщики обращаются за помощью к той власти, которую собирались свергнуть; 11. Все подследственные с нетерпе-

нием ждали суда, чтобы там доказать свою невиновность; 12. Ни одна из жен арестованных командиров не показала против мужа; 13. Только ничтожная часть высшего комначсостава стала изменниками Родине, перейдя в годы Великой Отечественной войны на службу к гитлеровцам; 14. Примитивность плана дворцового переворота и захвата Кремля; 15. Ряд военнослужащих, в том числе представители высшего звена, причисленные к заговорщикам и вредителям, оскорбленные этим в своих лучших чувствах, в знак протеста против предъявленных им незаслуженных обвинений прибегали к самой крайней форме защиты своей чести – самоубийствам; 16. Отсутствие случаев предательства и доноительства; 17. Материалы заседаний Военного совета при НКО (1–4 июня 1937 г.) со всей наглядностью показывают, что самые близкие по службе люди и даже личные друзья не могли привести сколь-нибудь достоверных и конкретных примеров шпионской или вредительской деятельности того или иного военачальника; 18. Не все работники НКВД в центре и на местах (регионах) могли согласиться с тем жутким режимом слежки, доноительства и репрессий, установившимся в стране в 1937 г., – они стрелялись; 19. Что это за заговор, если в его существование не верили даже руководители тех стран, на разведку которых якобы работали заговорщики; 20. Реабилитировав "заговорщиков", Советская власть во всеуслышание признала, что никаких попыток подорвать ее устои с их стороны не было; 21. Маршала Тухачевского и его подельников обвиняли в том, что они являлись агентами спецслужб иностранных государств, в первую очередь фашистской Германии. Однако в самых секретных архивах поверженной нацистской Германии не было обнаружено ни одного документа или другого свидетельства, подтверждающего данное обвинение; 22. Серьезным аргументом в пользу того, что в действительности "заговора военных" (а значит, и заговорщиков) не существовало, а значительное количество людей по этому обвинению репрессированы необоснованно, по сфальсифицированным делам служит тот факт, что позднее многие из этих фальсификаторов, садистов и мучителей невинных военнослужащих за указанные преступления были арестованы и подвергнуты следствию и суду; 23. Противоречит простой логике и то, что в состав заговора входили, как утверждают сторонники его существования, почти все руководители Наркомата обороны, военных округов, флотов и войсковых соединений ...» [28, с. 534–547].

Н.С. Черушев категорично утверждает, что изучение материалов о так называемом «военно-фашистском заговоре» показывает, что в Красной армии никакого заговора, направленного против советской власти, не было. Репрессии в отношении советских военных кадров – это результат грубейших нарушений социалистической за-

конности, произвола и преступных методов следствия, укоренившихся в условиях культа личности Сталина и при непосредственном участии в этих репрессиях Сталина, Молотова, Ворошилова, Ежова, Кагановича, Берии, Маленкова [28, с. 533].

Таким образом, все указанные авторы использовали в основном материалы надзорного производства Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда СССР. Аналитические справки свидетельствуют, что обвинения в отношении высшего командного состава были сфальсифицированы сотрудниками НКВД СССР. По нашему мнению, ряд историков смог аргументированно доказать с помощью широкого спектра доступных на данный момент источников, что никакого «заговора» на практике не существовало. Доказывая его существование, советская власть пыталась провести кадровую ротацию на уровне командно-начальствующего состава. Не получила широкого освещения в современной российской историографии мысль, что часть командного состава пыталась использовать репрессии прежде всего для продвижения по службе и старалась обеспечить себя иммунитетом от ареста. Тщательное исследование данной проблемы, по нашему мнению, может способствовать более глубокому пониманию межличностных отношений, которые складывались в РККА в период массовых политических репрессий в 1937–1938 гг.

Список литературы

1. Баландин Р. «Клубок» вокруг Сталина: Заговоры и борьба за власть в 1930-е годы. – М.: Вече, 2002.
2. Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. – М.: Вече, 2003.
3. Викторов Б.А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. – М.: Юрид. лит-ра, 1990.
4. Голенков А. Предлагаю «объяснить» Сталина // URL:<http://stalinism.narod.ru/vieux/golenkov.htm> (дата обращения: 07.10.2009).
5. Емельянов Ю.В. Был ли заговор Тухачевского? // Слово. – 1991. – № 12. – С. 8–11.
6. Жуков Ю.Н. Так был ли «заговор Тухачевского»? // Отечеств. история. – 1999. – №1. – С. 176–181.
7. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. – М.: Вагриус, 2003.
8. Катунцев В., Коц И. Инцидент // Родина. – 1991. – № 6–7. – С. 12–18.
9. Кремлев С. Берия. Лучший менеджер XX века. – М.: Яуза; Эксмо, 2008.
10. Кремлев С. Имя России: Сталин. – М.: Яуза; Эксмо, 2008.
11. Кулешова Н.Ю. Военно–доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // Отечеств. история. – 2001. – №2. – С. 61–72.
12. Лесков В. Сталин и заговор Тухачевского. – М.: Вече, 2003.
13. Лукин Ю.Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20–80-е гг.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1992.

14. Мартенс Л. Запрещенный Сталин. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 416 с.
15. Мартиросян А.Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. – М.: Вече, 2003.
16. Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х гг. – М.: Вече, 2007.
17. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). – М.: Вече, 2000.
18. Минаков С.Т. Сталин и заговор генералов. – М.: Эксмо; Яуза, 2005.
19. Миронин С. Сталинский порядок. – М.: Алгоритм, 2007.
20. Млечин Л.М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.
21. Орлов Б.М. В поисках союзников: командование КА и проблемы внешней политики СССР в 30–х годах // Вопр. истории. – 1990. – №4. – С. 40–53.
22. Соколов Б.В. Михаил Тухачевский: Жизнь и смерть «Красного маршала». – Смоленск: Русич, 1999.
23. Соколов Б.В. Истребленные маршалы. – Смоленск: Русич, 2000.
24. Сувениров О.Ф. Трагедии не избежал никто (Судьбы первых армейских комиссаров РККА) // Кентавр. – 1992. – №11–12. – С. 41–58.
25. Сувениров О.Ф. Трагедия первых командармов // Отечеств. история. – 1996. – №4. – С. 170–181.
26. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. – М.: ТЕРРА, 1998.
27. Суходеев В., Соловьев Б. Полководец Сталин. – М.: Алгоритм, 1999.
28. Черушев Н.С. 1937 год. Был ли заговор? – М.: Вече, 2007.
29. Шубин А.В. Вожди и заговорщики. – М.: Вече, 2004.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 930.2(47)«1919»

*И. А. Тропов**

Доклад Военно-революционной «тройки» Псковского уезда (30 июня 1919 г.)

Публикуемый ниже архивный документ представляет собой официальный доклад особой военно-революционной «тройки» Псковского уезда. В документе раскрыты особенности деятельности военно-революционного трибунала бригады 10-й стрелковой дивизии летом 1919 г. Доклад был передан ответственным работникам Псковской губернии для рассмотрения на заседании президиума Псковского губернского исполкома. Данный документ важен для характеристики результатов деятельности чрезвычайных органов власти в условиях Гражданской войны и «военного коммунизма» в России.

The archival document published below represents an official report of a peculiar military and revolutionary troika of Pskovsky uyezd. Features of military and revolutionary tribunal's activity of the 10th shot division in summer of 1919 are revealed in this document. The report was passed to executive workers of Pskovsky province for the consideration at Pskovsky executive committee presidium's sitting. This document is important for the characteristics of emergency authorities' activity during the civil war and Russian war communism.

Ключевые слова: власть, уезд, волость, чрезвычайные органы, военно-революционная «тройка», военно-революционный трибунал, дезертиры, восстание, конфискация, заложники.

Key words: authority, uyezd, volost, emergency authorities, military and revolutionary troika, military and revolutionary tribunal, deserters, revolt, expropriation, hostages.

Одной из ярких примет системы управления, сложившейся в России в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» (1918–1920 гг.), было весьма широкое распространение и активная деятельность различных чрезвычайных органов, формально не предусмотренных Конституцией РСФСР 1918 г. Это были комитеты бедноты, революционные комитеты, военно-революционные «тройки», советы обороны и иные аналогичные структуры.

* **Тропов Игорь Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Публикуемый ниже источник подтверждает, что чрезвычайные органы были важным инструментом в руках большевистской партии, используемым в целях подавления «эксплуататорских» и иных «контрреволюционных» элементов, а по сути, тех лиц и групп, которые не признавали новой власти и ее декретов. В то же самое время данный источник позволяет расширить имеющиеся в науке представления о специфике деятельности различных чрезвычайных органов и об особенностях взаимоотношений этих структур.

Авторы-составители документа обозначили его как «доклад». На первый взгляд, по своей форме это отчетный документ, в котором мы можем обнаружить компоненты (структурные части), присущие данному виду исторических источников. В нем содержится характеристика (хотя и в самом общем виде) положения в определенной местности (в волостях Псковского уезда соответствующей губернии), сообщение о целях и задачах действий «докладчиков» в данной местности, характеристика их деятельности в определенный промежуток времени, обозначение основных достижений и проблем в ходе выполнения возложенных на данных лиц служебных обязанностей и, наконец, обращенная к вышестоящим структурам просьба, в известной мере подводящая итог основному содержанию доклада.

Впрочем, содержание публикуемого источника требует сделать одну важную оговорку. Перед нами – не «сухой» и «клишированный» делопроизводственный документ, а достаточно яркое изложение существовавших на местах проблем, связанных с запутанностью функций двух чрезвычайных органов. При формально соблюдаемых авторами-составителями рамках доклада его текст временами весьма напоминает жалобу в вышестоящие органы одной структуры на деятельность другой. Таким образом, публикуемый источник следует рассматривать все-таки не как формальный «доклад-отчет», а скорее, как «доклад-политический документ», призванный обеспечить административную поддержку представителям одной структуры в их борьбе за власть в ходе решения тех или иных местных проблем при противостоянии с другими политическими структурами.

Из доклада мы, в частности, узнаем, что одно из главных «действующих лиц» – военно-революционная «тройка» – была образована по решению Псковского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и губернского военного комиссариата (губвоенкома) с целью «ликвидации восстания дезертиров» в ряде местностей Псковского уезда. Точно такая же задача была поставлена и перед военно-революционным трибуналом 10-й стрелковой дивизии, сформированным по инициативе военного командования.

Очевидно, что вооруженные дезертиры создавали реальную угрозу новой власти, препятствуя ее удержанию в руках большевиков.

О сложности решения этой политической задачи можно судить лишь по отдельным косвенным данным, содержащимся в тексте источника. Борьба с дезертирами охватила, как сказано в докладе, три волости. Это, конечно, не означает, что дезертиров не было в других местностях Псковского уезда. Вероятнее всего, в указанных в источнике волостях существовала наибольшая концентрация дезертиров (в докладе речь идет о целых «бандах»), оказывавших отчаянное сопротивление властям. О серьезности и напряженности борьбы свидетельствуют упомянутый «вскользь» факт ранения одного из членов военно-революционной «тройки», а также указание на нехватку вооруженных сил (в лице караульных рот), находившихся в распоряжении «тройки».

В последние годы в исторической литературе появилось немало работ, в которых охарактеризована деятельность различных чрезвычайных органов периода революции и Гражданской войны, а также рассмотрены факты народной поддержки или, напротив, сопротивления в отношении данных органов и проводимых ими мероприятий. Публикуемый документ интересен тем, что он затрагивает практически не исследованные ранее страницы истории. В нем отражен острый внутрисистемный конфликт – конфликт между двумя органами (гражданским и военным), облаченными чрезвычайными полномочиями.

Доклад несет на себе явный отпечаток субъективности его составителей. Последние вполне определенно и целенаправленно пытались доказать, что в установившемся в Псковском уезде «двоевластии» (термин источника) главная вина лежит на военно-революционном трибунале 10 стрелковой дивизии. Члены трибунала, как явствует из доклада, «упорно молчали», не желая вступать в сложные переговоры о сложившемся «двоевластии». Впрочем, нельзя не обратить внимания на некое противоречие. Составители доклада тут же указали и на выдвигаемые «молчащим» трибуналом аргументы, сводившиеся, в общем и целом, к тезису о том, что «нам всем хватит работы».

Можно предположить, что обсуждение вопроса о параллелизме действий двух чрезвычайных органов все же состоялось, но членам «тройки» не удалось убедить военно-революционный трибунал в приоритете своих полномочий. Пассаж о «молчащем» трибунале был призван, на наш взгляд, лишь затушевать очевидное поражение тройки в борьбе за лидерство в решении политических вопросов на «своей» территории.

Анализ содержащихся в докладе сведений приводит к мысли о том, что источником упомянутого выше «двоевластия» в борьбе с дезертирами в Псковском уезде была, как раз, военно-революционная «тройка». Явно недооценив силу и упорство бе-

жавших с фронта солдат, она не смогла справиться с «бандами» дезертиров, опираясь лишь на караульные роты. А получив подкрепление, «тройка» упорно цеплялась за свои полномочия, не желая уступить кому бы то ни было лавры победителя.

Сказанное выше следует учитывать, анализируя дальнейший текст документа, посвященный характеристике практических мероприятий «тройки» и трибунала по борьбе с дезертирами в Псковском уезде. Основополагающее требование критического отношения к любому историческому источнику здесь получает вполне определенное основание. Нам необходимо иметь в виду, что при описании тех или иных нарушений, несправедливостей и насилия, допускаемых военно-революционным трибуналом по отношению к местному населению, авторы доклада могли вполне скрупулезно и бесстрастно фиксировать данные факты, но нельзя исключать и возможного «сгущения красок» с целью дополнительной компрометации оппонентов, т. е. членов военно-революционного трибунала.

Насколько докладчики правдиво отражали действительность, а в какой части и в какой мере информация подвергалась «дополнениям», а точнее говоря, искажениям, сказать с уверенностью трудно, особенно не имея «встречных» документов, характеризующих позицию военно-революционного трибунала. Во всяком случае, обстоятельства составления доклада и рассмотренный выше характер взаимоотношений «тройки» и трибунала заставляют весьма осторожно относиться к обвинениям, выдвигаемым «тройкой».

Полагаю, что рассматриваемая часть доклада, содержащая описание деятельности военно-революционного трибунала, требует вдумчивого источниковедческого анализа и дифференцированного подхода. Вероятно, наименьшего доверия заслуживают различного рода образные, эмоциональные и в целом слабо мотивированные характеристики. Так, составители доклада указывают, что трибунал в порученном деле «сразу же плохо разбирался, как это называется рубил с плеча». При этом приводились данные о производимых военно-революционным трибуналам конфискациих у крестьян коров, лошадей, телег, сбруи и т. п. В докладе предпринимается попытка охарактеризовать это явление как принявшее широкий размах, что, вероятнее всего, должно было укрепить адресатов доклада в мысли о совершенной некомпетентности членов трибунала.

В данной критике есть, несомненно, рациональное зерно. Как видно из доклада, «тройка» продолжала свою деятельность и, если следовать логике авторов доклада, деятельность эта сводилась к исправлению всевозможных нарушений, допускаемых трибуналом. Те места в докладе, которые освещают работу «тройки» с местным населением (например, с добровольно сдавшимися дезертирами или «уклонистами», членами их семей, выступавшими иногда в ка-

честве заложников и пр.), отличаются наибольшей четкостью изложения и даже некой «деловитостью» стиля и, на наш взгляд, могут рассматриваться как вполне адекватно отражающие существовавшие на местах проблемы, связанные с деятельностью чрезвычайных органов власти.

Аресты, конфискации, заложничество и иные виды репрессий, затрагивавшие в том числе мирное, далекое от политики население, присваивание должностными лицами чужого имущества, борьба за «исправление недостатков» как средство сведения счетов и укрепления личной власти – все это было распространенным элементом повседневной жизни власти и общества, находившихся действительно в чрезвычайных условиях экономического кризиса и социально-политического противостояния. Публикуемый ниже доклад является важным источником по истории формирования, деятельности и взаимоотношений чрезвычайных органов власти в 1919 г. Кроме того, в нем нашли свое отражение сложные и противоречивые процессы, происходившие в социально-политической сфере России периода Гражданской войны и «военного коммунизма».

Данный документ публикуется по экземпляру заверенной копии (машинопись), обнаруженному нами в фонде Псковского губернского комитета РКП(б) Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 19 («Протоколы коллективов, ячеек и волостных комитетов РКП(б)»). Л. 198.

Сохранены стиль, орфография и пунктуация источника. Непропечатанные буквы и очевидные опечатки устранены мною. В каждом таком случае сделанные исправления заключены в квадратные скобки. Отдельные, необходимые, на мой взгляд, пояснения сделаны мною непосредственно в тексте, в круглых скобках.

Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность сотрудникам Государственного архива новейшей истории Псковской области за внимательное отношение и помощь в работе.

Доклад Военно-революционной «тройки» Псковского уезда (30 июня 1919 г.)

«Объединенным заседанием Псковского уездного Совдепа и Губвоенкома организована Тройка Псковского уезда для ликвидации восстания дезертиров, вспыхнувшего в Заборовской и других волостях и вынесено было пожелание, чтобы эта тройка работала на месте, то есть там где будет производиться ликвидация восставших дезертиров вооруженной силой. В Состав этой Тройки вошли: Комиссар Псковского уездвоенкома Громов, Председатель Псковского уездного Земельного Отдела тов. Федоров и Председатель Комиссии по борьбе с дезертирством тов. [А.] Зиновьев (в источнике ошибочно – «Зиносьев»). Сформированная Тройка совместно с

Псковской и двумя Витебскими караульными ротами отправилась на место ликвидации восстания дезертиров, [т].е. в Славковскую, Докатовскую и Заборовскую волости. При наступлении на банды дезертиров /зеленых/ член военно-революционной тройки тов. Громов был ранен в руку и выбыл из состава Тройки, а вместо [н]его во[ш]ел Помощник Комиссара Псковского Уездвоенкома тов. Степанов. Тогда, когда обстоятельство дела показало, что караульных рот было недостаточно для ликвидации [восстаний], то по распоряжению начальника 10 стрелковой дивизии были посланы части из состава указанной дивизии, которые представляли из себя соединенный отряд во главе которого стоял тов. Шубин, комиссар бригады 10 стрелковой дивизии. С этим отрядом прибыл и военно-революционный трибунал 10 стрелковой дивизии, с которым пришлось тройке встретиться в селе Славковичах. Видя что с прибытием трибунала образовалось две власти которые должны были работать в одном и том [ж]е направлении Псковской военно-революционной тройкой было доложено комиссару тов. Шубину о двоевластии по ликвидации восстания дезертиров, на что тов. Шубин сказал, что необходимо обсудить этот вопрос и предложил Председателю Трибунала совместно с тройкой обсудить дальнейшую работу, но трибунал не смотря на требования тройки упорно молчал, говоря, что нам всем хватит работы и приступил же немедленно к осуществлению своего намеченного плана, почему и получилось две власти в одном и том же направлении, не имею[щих] никакой связи между собой.

Трибунал дивизии следу[я] за штабом отряда и ведя работу сразу же плохо разбирался, как это называется рубил с плеча: конфисковывал коров, лошадей и другой скот, имущество и выселял граждан из пределов волости; весь же конфискованный материал направлял в бригаду не поставив об этом Тройку уезда в известность, почему при выяснении зачинщиков, злостных бандитов и дезертиров, пришлось наткнуться на такие картины, что семьи не принимавш[ие] (в тексте – «не принимавшего») почти никакого участия в восстании, а ес[л]и их сыновья[-]дезертиры и принимали участие, то как выяснилось под силою оружия бандитов и дезертиров, – почти лишены совершенно имущества, т.е. имущество их конфисковано и отправлено в бригаду; кроме того выясняя подробно виновность дезертиров добровольно явившихся, Тройке пришлось отправить несколько сот человек на фронт для зачисления в воинские части через уездвоенком, как непричастных к тому или иному выступлению против советской власти, а только лишь скрывающихся от военной службы и у этих[-]то дезертиров благодаря такой работе трибунала почти у 20 % конфискованы коровы, лошади, овцы и часть другого имущества, почему семьи их обращались за помощью

возвратить им хотя [бы] по одной корове для поддержания малолетних детей, но просьбы их удовлетворить не пришлось, т.к. все конфискованное было отправлено в бригаду дивизии. Кроме скота еще производилась конфискация означенным трибуналом экипажей, сбруи и телег и все направлялось в бригаду.

Наложенные контрибуции на население взимались с местного крестьянства и оставались в трибунале.

Помимо всех вышеизложенных фактов Псковская уездная военно-революционная Тройка считает нужным довести до сведения Губернской Тройки, что трибуналом дивизии помимо уездной тройки дезертиры непосредственно направлялись в воинские части без всяких документов, каковые частью возвращались в тройку за получением документов, а некоторые может быть и разбежались, следствием чего получилось, что при взятии заложников за тех дезертиров, кои неявились по приказу Тройки, нельзя было точно уяснить, где находится сын заложника, т.к. по заявлению заложника, он взятый красными войсками в лице Трибунала, но фактически об этом никому неизвестно, ни местной власти, ни Тройке.

Псковская уездная военно-революционная Тройка находя такую работу Трибунала неправильной и недопустимой, т.к. неправильный разбор дела служит подрывом власти, посему просит Губернску[ю] военно-революционную Тройку произвести расследование по действиям военревтрибунала дивизии и дать влас[т]ь в этом направлении в одни руки, дабы было можно правильно разобраться со всеми преступниками (перед словом «преступниками» вычеркнуто слово «преступлениями»), не за[д]ев невинного [н]а[с]еления.

Председатель Военно-Революционной Тройки Степанов.

Члены: [Ф]едоров. А. Зиновьев. 30 июня 1919 г.

С подлинным верно:

Секретарь Псковского Губисполкома (подпись)»

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(430).084+94(100)«1914/19»

*А. В. Гостенков**

Кайзер Вильгельм II как верховный главнокомандующий в Первой мировой войне. Источники из военного окружения кайзера 1914–1918. Обработка Хольгера Аффлербаха. Мюнхен, 2005. – С. V–XII, 1–1051.

В последние годы после многих десятилетий забвения проявился интерес немецких историков к личности, политической роли и общественной функции последнего германского императора Вильгельма II. Отсутствие до недавнего времени в немецкой историографии исследований о кайзере тем более удивительно, что он находился на троне 30 лет, Бисмарк был канцлером 20, Гитлер 12 лет. Но о Бисмарке и Гитлере литература необъятна как в Германии, так и за рубежом, в то время как исследования о Вильгельме II в Германии стали появляться лишь последние 15–20 лет. Между тем роль кайзеровской Германии, Вильгельма II в возникновении Первой мировой войны, нацистской диктатуры остаются актуальными задачами исследований.

Прежде чем анализировать подготовленное Х. Аффлербахом издание, необходимо хотя бы очень коротко коснуться вопроса о месте и роли кайзера Вильгельма II в немецкой историографии.

Появление в 1960 – 70-е гг. исследований выдающегося немецкого историка Фрица Фишера [6; 7] о предвоенной и военной политике кайзеровской Германии сняло многочисленный табу. В последующие годы в бесчисленных публикациях более критически исследовались июльский кризис 1914 г., военные цели Германии в Первой мировой войне, торговая и тарифная политика, экономические и национальные союзы, армия, флот, дипломатический корпус. Исключался один, но важный аспект исследования: личность, общественные функции кайзера Вильгельма II и, как справедливо заметил его почитатель, берлинский историк, Н. Зомберт, история

* **Гостенков Анатолий Васильевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

кайзеровской Германии писалась без кайзера, вильгельменизм без Вильгельма [20]¹.

Исследования Ф. Фишера и его учеников дали мощный импульс к всестороннему исследованию истории Германии не только немецкими историографами. Так, Д. Рёль, профессор университета в Сассексе, Англия, опубликовал огромную «Политическую корреспонденцию Ф. Эйленбурга», интимного друга кайзера Вильгельма II [14]², охватывающую период с 1866 по 1921 г. и включавшую перво-классные документы.

В 1983 г. именно профессор Рёль на публикацию В.П. Фухсом 4-х томов «Баденского архива», содержавшего 2644 в основном неизвестных документа, отозвался программной статьей [16, с. 539–577], имеющей непосредственное отношение к рецензируемому изданию.

Как многие политические документы кануна Первой мировой войны, среди которых были пережившие и Вторую мировую войну, эти источники были бы скрыты от исследования.

В ноябре 1918 г., когда некоторые иностранные газеты потребовали выдать переписку кайзера с его тетей Луизой Баденской, гофмейстер великого герцога Баденского по собственной инициативе решил как можно быстрее вывезти собрание писем, и именно «военные письма» кайзера, из замка пансионата «Виктория». Неделю спустя директор пансионата сообщил гофмейстеру, «что он вследствие обостряющегося настроения и обстановки в Карлсруэ не имел другого выбора, чем всю без исключения корреспонденцию сжечь как можно скорее» [16, с. 541].

Убеждение, которое привело 8 декабря 1918 г. к аутодафе в пансионате Виктория, считает Рёль, имело цель в борьбе за честь свергнутого кайзера и связанной с этим «лжи об ответственности за войну» уничтожить нежелательные документы или в лучшем случае скрыть, господствовало не только в дворцовых и военных кругах, но и в немецкой историографии.

Рёль поставил под сомнение концепцию авторитетного германского историка, главы «Билефельдской школы» Г.У. Велера, который утверждал, будто после отставки Бисмарка в 1890 г. прусско-германская пирамида власти потеряла свое острие, что обрекало страну на перманентный кризис. Последний кайзер гогенцоллерновской династии был теневым кайзером, не он накладывал отпечаток

¹ 18 лет спустя Зомбарт подготовил о кайзере апологетическую книгу [21]. Проблема оценки кайзера является вопросом совести национального самосознания немцев, считает Зомбарт [20, с. 9]. По меньшей мере неубедительной представляется попытка Н. Зомбарта приукрасить последнего кайзера [5].

² Оценку этой важнейшей публикации предпринял автор статьи [2].

на имперскую политику своего времени, а традиционная олигархия [22, с. 60–69].

В названной выше статье лишь на документах «Баденского архива» Д. Рёль представил ведущую роль императора Вильгельма II во многих важных событиях того времени, начиная от организации конференции в защиту рабочих в 1890 г., в программной речи о задачах германской школы в декабре того же года, открытии канала в 1895 г., военно-морских программах до важнейших назначений. Но Рёль подчеркивает, что участие императора в организации германской политики было не постоянным. В течение его 30-тилетнего правления исследователь выделил несколько различных фаз. Годы с 1888 по 1890 проходили под знаком борьбы с отправленным в отставку, но остававшимся всемогущим Бисмарком; период с 1890 по 1897 г. следует понимать как переход от «импровизированного» к «институционализированному личному режиму» (термин историка Э. Губера), эру Б. Бюлова 1897–1908 гг. необходимо представлять, таким образом, как это было обещано Бюловым, тогда еще послом, «личным режимом в хорошем смысле» [16, с. 554]. То, что в годы Первой мировой войны Вильгельм II был не более чем теневой кайзер, Рёль не сомневался, впрочем как и многие другие авторитетные исследователи [1, с. 224–258].

Усилия профессора Д. Рёля всесторонне изучить деятельность последнего германского императора нашли поддержку в западной историографии. В 1991 г. ученый издал сборник статей, его появлению предшествовал международный коллоквиум, где впервые и была предпринята совместная попытка определить место и роль кайзера Вильгельма II в немецкой истории. Среди авторов сборника выступили исследователи Германии, Англии, США, Австрии, Швейцарии, Шотландии. Одной из четырех тем сборника была «Вильгельм II и система личного правления: структуры, границы, последствия». В центральной статье этой темы американская исследовательница И. Холл сделала вывод, помогающий понять причины многолетнего табу на изучение монарха немецкими историками. Их соображения еще со времен кайзеровской Германии до 1967 г. сводились к признанию полезности личного режима кайзера, так как личный режим рассматривался как инструмент, олицетворяющий единство Германии [18]¹.

Итак, можно утверждать: без исследований и публикаций двух выдающихся историков – Фрица Фишера и Джона Рёля сегодня невозможно представить немецкую историографию.

¹ Оценку издания предпринял А.В. Гостенков [3].

Теперь об издании Х. Аффлербаха. Оно содержит 1499 документов, долгое время считавшихся утраченными. Издание состоит из двух частей: письма и дневниковые записи начальника военного кабинета кайзера генерал-полковника М. Линкера с 27 июля 1914 г. по 21 июля 1918 г. и дневниковые записи генерал-адъютанта и коменданта штаб-квартиры Вильгельма II генерал-полковника Г. Плессена (июль 1914 – ноябрь 1918 гг.), а также его переписку с Вильгельмом II, П. Гинденбургом, Г. Мольтке.

По замыслу Аффлербаха, издание должно содействовать лучшему, чем до сих пор, выяснению роли Вильгельма II в высшем германском руководстве во время Первой мировой войны. И поскольку кайзер не может рассматриваться отдельно от своих ближайших советников, необходимо выяснить, какую роль играло его окружение, детально исследовать значение центра власти внутри политического руководства империи.

Но вначале мы должны поставить вопрос о роли кайзера в возникновении мировой войны. До настоящего времени дискутируется вопрос о значении «военного совета» 8 декабря 1912 г., на котором кайзер и его окружение заявили о том, что 1914 г. является благоприятным для начала войны. Следует хотя бы коротко остановиться на «военном совете» 8 декабря 1912 г. Обратимся к дневниковой записи участника совещания адмирала Г. Мюллера. «Воскресенье. К 11 часам его величество приказал А. Тирпицу, А. Геерингему (генералу) и генералу Мольтке прибыть во дворец. Его величество имел в руках ... сообщение посла в Лондоне ... Лихновского о политическом положении. Холден (военный министр – А.Г.) как рупор Грея (М.И.Д.) заявил Лихновскому, что Англия, если бы мы напали на Францию, безусловно помогла бы Франции, поскольку Англия не может допустить, чтобы в Европе был нарушен баланс сил. Его величество приветствовал это сообщение, как желаемое выяснение ситуации... Его величество представил следующую картину: Австрия теперь должна энергично выступить против Сербии – иначе она теряет власть над славянами Австро-Венгерской монархии. Если Россия стала бы защищать сербов, что очевидно (заявление Сазонова: Россия немедленно вступит в Галицию, если Австрия вступит в Сербию), то война для нас также стала бы неизбежной ... Флот, естественно, должен быть направлен против Англии. Начальник морского штаба в последнем докладе разбирал обстоятельства войны против одной России; после заявления Холдена возможность войны исключительно против России можно не принимать во внимание. Следовательно, подводная война против английских военных транспортов в Шельде, соответственно в Дюнкерке и минная война в Темзе. К Тирпицу: немедленное увеличение строительства подводных лодок и т. д. Генерал Мольтке: "Я считаю войну неиз-

бежной и чем раньше, тем лучше. Но мы должны через прессу лучше подготовить популярность войны против России в смысле кайзеровских выступлений". Его величество утвердил это отсрочивание. Тирпиц обратил внимание на то, что флот охотно бы видел отсрочивание большой борьбы на полтора года. Мольтке сказал, что флот и тогда не был бы готов и армия оказалась бы в еще худшем положении, так как противник вооружен сильнее, чем мы, мы сильно связаны средствами. Это был конец обсуждения. Результат был изрядный ноль.

Начальник большого генерального штаба сказал: война чем раньше, тем лучше, но он не делает выводы из того, как было бы России или Франции выдвинуть ультиматум, чтобы право развязать войну было на нашей стороне» [15].

Д. Рёль первым обратил внимание на последствия этого совещания. В интерпретации результатов совещания мнения высказываются различные, иногда противоположные.

Часть историков не видит связи между «военным советом», июльским кризисом и войной 1914 г., другие, напротив, подчеркивают, что именно 8 декабря 1912 г. германское руководство приняло решение спровоцировать большую войну летом 1914 г.

С публикации исследования Ф. Фишера «Война иллюзий» вопрос о «военном совете» 8 декабря 1912 г. и его последствиях находится в центре дискуссии. Немецкие историки Ф. Фишер, С. Ферстер, Б. Шульте, швейцарский А. Гассер в своих анализах приходят к выводу о теснейшей взаимосвязи этих двух событий [7; 19; 8]. Но особо следует отметить исследования Д. Рёля. Его работы, в том числе документальные публикации, расширили источниковую базу дискуссионного вопроса.

Рёль, в частности, установил, что в дневниковые записи адмирала Г. Мюллера по «военному совету» внесены важные коррективы.

Историки, не усматривающие никакой взаимосвязи между «военным советом» и возникновением Первой мировой войны, в качестве аргумента ссылаются на отсутствие 8 декабря «цивилистов» канцлера Бетман-Гольвега и статс-секретаря иностранных дел Кидерлен-Вехтера.

Результат совещания был «порядочный ноль» – канцлер отсутствовал, но все-таки он держал ситуацию под контролем, считал авторитетный историк Т. Ниппердей [13, с. 679]. Концепция Г.У. Велера, главы «Билефельдской школы», одного из крупнейших немецких историков, выглядит еще менее убедительно. Признавая усиление наступательного мышления в Германии с декабря 1912 г. и в связи с заявлением британских лидеров, вызвавшим в Берлине «чахоточное возбуждение», там состоялось кризисное заседание лишь информационного характера, на котором у Мольтке «вырва-

лось», что он считает войну неизбежной, и чем скорее, тем лучше. «Сопrotивления» Тирпица против немедленного удара оказалось достаточным, чтобы это совещание закончилось не драматически [23, с. 1150].

Защитники «оборонительной стратегии» Германии при этом ссылаются на дневниковые записи адмирала Мюллера, игнорируя, во-первых, «корректировку» его дневника¹, во-вторых, наличие других источников, позволяющих более объективно оценить принятые там решения. Справедливым представляется замечание историка Ферстера – позиция Тирпица объяснялась страхом за судьбу еще не готового флота. Следует иметь в виду, что тезис Тирпица об отсрочке войны до недавнего времени был неизвестен историкам, и заслуга ученика Ф. Фишера Б. Шульте, что он нашел и опубликовал столь важный материал. В данном случае, похоже, хотя факты против «оборонительной стратегии», тем хуже для фактов. Так, В. Моммзен, признавая «скорректированный» характер дневника Мюллера и воздавая должное Рёлю, скептически оценивает работы Б. Шульте: хотя они и богаты материалом, но якобы односторонни и методически недостаточны.

Ф. Фишер и Д. Рёль «военный совет» 8 декабря 1912 г. считают исходным пунктом для планирования войны за гегемонию Германии. Их оппоненты В. Моммзен, К. Хильдебранд, хотя и считают конференцию как опасный сигнал, но не как исходный пункт целенаправленного развязывания Первой мировой войны [12, с. 253; 10, с. 288–290].

Убийство 28 июня 1914 г. австрийского престолонаследника Франца Фердинанда и последовавший за этим июльский кризис до крайности обострили обстановку в Европе. Какой была позиция кайзера? Об искренней политической реакции Вильгельма на убийство Франца Фердинанда вначале мнения высказывались различные. Кайзер согласился с мнением австрийского посла: смерть наследника престола означает большую потерю для «германского элемента в австрийском государстве». Кайзер хвалил политику Франца Фердинанда, хотя он был «лучшим другом России, так как он непременно хотел восстановить Союз трех императоров» [17, с. 1080].

На полях сообщения германского посла в Вене Г. Чиршки от 30 июня кайзер гневно порицал сдержанную позицию, которую занял посол по отношению задуманной акции Австрии против Сербии. «Кто его к этому уполномочивал?» – спрашивал Вильгельм. «Это очень глупо!» Дело исключительно Австрии... «Чиршки должен не-

¹ Записи Мюллера до недавнего времени были важнейшим и единственным прямым источником по «военному совету». Они опубликованы [9]. Рёль сравнил издание Герлица с оригиналом и в некоторых местах исправил.

медленно прекратить вздор! С сербами должны покончить и как можно скорее». Обстоятельное подведение итогов с сербами должно произойти «теперь или никогда», требовал Вильгельм [17, с. 1081].

Когда австро-венгерский посол в Берлине М.-Л. Сегени 5 июля сообщил императору, что по оценке Вены за убийством в Сараево стоит сербское правительство и поэтому главной целью австрийской политики на Балканах должно быть исключение Сербии, Вильгельм II гарантировал, что Австрия «даже в случае серьезных европейских осложнений может рассчитывать на поддержку Германии» [11, с. 10].

Вина Вильгельма II в развязывании Первой мировой войны «очень велика», убежден Д. Рёль, выдающийся исследователь эпохи кайзеровской Германии и Вильгельма II [4, с. 90–93].

Издание Х. Аффлербаха заслуживает самой высокой оценки, оно дает возможность оценить мышление как императора Вильгельма, так и его ближайшего окружения. Оно охватывает очень широкий спектр тем, включая и предысторию мировой катастрофы, и дискуссии об ответственности за ее возникновение. Документы показывают ничемную роль императора Вильгельма II в период войны.

Издание представляет, прежде всего, записи генерал-полковника М. Линкера. Линкер был не просто обычным генералом немецкой армии, а начальником кайзеровского военного кабинета, т. е. одним из ближайших сотрудников кайзера и находился с ним с первых дней войны до конца июля 1918 г., когда последнее германское наступление на Западе провалилось и первые признаки грозящей военной катастрофы были уже очевидны.

Документы Плессена были утеряны в годы Второй мировой войны, и Аффлербах представил более чем на 300 страницах извлечения из его дневника и переписки.

После публикации в 60–80-е гг. архивов Ф. Гольштейна, П. Гатцфельда, К. Рицлера, Ф. Эйленбурга, Т. Вольфа казалось уже такого значения неопубликованных документов не осталось. Представленное издание это опровергает.

Список литературы

1. Виноградов К.Б. Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии. Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX в. – СПб., 2002.
2. Вопр. истории. – 1987. – № 9.
3. Вопр. истории. – 1994. – № 12.
4. Der Spiegel. № 8. – 2004. – 16 февр.
5. Die Zeit. 1998. № 46. 8 November.

6. Fischer Fr. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914 – 1918. – Düsseldorf, 1961.
7. Fischer Fr. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik 1911–1914. – Düsseldorf, 1969.
8. Förster S. Der doppelte Militarismus. – Stuttgart, 1985.
9. Görlitz W. (Hg) Der Kaiser. Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg Alexander von Müller über die Ära Wilhelms II. – Göttingen, 1965.
10. Hildebrand K. Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismark bis Hitler, 1870 – 1945. – Stuttgart, 1995.
11. Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg. Quellen aus militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918. Bearbeitet und eingeleitet Holger Afflerbach. – München, 2005.
12. Mommsen W. Großmachtstellung und Weltpolitik. Die Außenpolitik des Deutschen Reiches 1870 – 1914. – Berlin, 1993.
13. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 2. – München, 1992.
14. Röhl J.C.G. (Hg) Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. Bd. 1–3 Boppard am Rhein. 1976–1983.
15. Röhl J.C.G. An der Schwelle zum Weltkrieg: Eine Dokumentation über den “Kriegsrat” von 8 Dezember 1912. In: Militärgeschichteichte Mitteilungen 1/1977. Dok. 4.
16. Röhl J.C.G. Kaiser Wilhelm II, Grossherzog Friedrich I und der “Königsmechanismus” im Kaiserreich. См. Historische Zeitschrift, Bd. 236. Heft 3. Juni 1983.
17. Röhl J.C.G. Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1941. – München, 2002.
18. Röhl J.C.G.(Hg) Der Ort Kaiser Wilhelms II in der deutsche Geschichte. – München, 1991.
19. Schulte B.-E. Europäische Krise und Erster Weltkrieg. – Frankfurt, 1983.
20. Sombart N. Der letzte Kaiser war so, wie Deutschen waren. In: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27. Januar 1979.
21. Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. – Berlin, 1997.
22. Wehler H.U. Das Deutsche Kaiserreich 1871 bis 1918. – Göttingen, 1973.
23. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte 1849–1914. – München, 1995.

Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). – Европейский Дом, 2011. – 250 с.

В последние годы в нашей стране и за рубежом заметно возрос интерес к тем историческим периодам и событиям, которые отличаются высоким уровнем трансформационного напряжения, приводящего к качественным, структурным изменениям в жизни общества. В XX в. таким периодом по праву может считаться 1917 год. Казалось бы, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии грандиозные события русской революции не обойдены вниманием исследователей. Между тем, как выясняется, далеко не все аспекты революционного процесса исследованы в полной мере подробно, а по некоторым из них дискуссии среди историков возобновляются в последнее время с новой силой.

Важным вкладом в исследование революционных событий стала недавно вышедшая из печати монография петербургского историка И.А. Тропова. В центре внимания автора – проблемы функционирования местной власти в России в период от Февральской до Октябрьской революций. Солидный историографический обзор, содержащийся во введении к монографии, убеждает, что история формирования и функционирования местных органов власти в России 1917 г. отражена в отечественной и зарубежной литературе лишь фрагментарно. Рецензируемая нами монография вполне удачно заполняет имеющиеся в историографии пробелы.

Здесь же уместно подчеркнуть, что книгу И.А. Тропова выгодно отличает от многих выпускаемых сегодня историками монографий развернутое введение, где почти на тридцати страницах автор анализирует историографическую и источниковую обеспеченность темы своего исследования, дает подробный и объективный анализ всех этапов историографии, а также характеризует различные типы привлекаемых им исторических источников, как опубликованных, так и почерпнутых из архивных фондов. К сожалению, в конце монографии отсутствует итоговый список использованных источников и литературы. На этот важный момент мы обращаем внимание автора не столько в качестве замечания, сколько в качестве пожелания, ко-

* **Юдин Павел Юрьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

торое было бы полезным учесть, если в будущем представится возможность выпустить второе, дополненное издание этой крайне содержательной монографии.

И.А. Тропов построил книгу по проблемно-тематическому принципу, что, на наш взгляд, весьма обоснованно. Структура монографии позволила автору последовательно рассмотреть все ключевые элементы системы местного управления в стране в 1917 г., выявить особенности их взаимодействия в процессе революционных преобразований в российском обществе.

Обращает на себя внимание и манера изложения автором исторических сведений по избранной теме. И.А. Тропов не только приводит факты и обобщает их, но и полемизирует, порой весьма остро, с мнением других авторов, впрочем, никогда не выходя за рамки корректности суждений и оставаясь приверженцем плюралистического подхода в науке. Насыщенность фактологическим материалом при увлекательности изложения, а также при акцентировании внимания на дискуссионных вопросах делает рецензируемую книгу не только значимым научным трудом, но и весьма интересным произведением для всех, кто интересуется историей Отечества.

В первой главе монографии И.А. Тропов анализирует активизировавшуюся в последние годы дискуссию историков о причинах и предпосылках революции, о наличии или отсутствии в стране «революционной ситуации» накануне Февраля 1917 г. Автор определенно выступает против легковесных суждений некоторых ученых о прогрессивно-поступательном развитии страны в предреволюционные годы. И.А. Тропов убедительно показал, что Февральская революция была вызвана всей совокупностью социально-экономических, военных, психологических и внутривластных факторов, она была не «случайностью», или «зигзагом истории», а закономерным этапом исторического развития страны в начале XX в.

Анализируя быстрое распространение революции в провинции и сравнительно легкий переход к новому государственному устройству, И.А. Тропов акцентирует внимание на состоянии губернской администрации в условиях Февральской революции и в первые дни марта 1917 г. Признавая справедливым имеющееся в исторической литературе мнение о преимущественно лояльном отношении губернаторов к Временному комитету Государственной думы и Временному правительству, автор показал, что этой лояльности было недостаточно, для того чтобы царским сановникам остаться во власти. Их судьба была решена даже не главой нового правительства Г.Е. Львовым, а широкими слоями местного населения, смещавшими и арестовывавшими представителей царской администрации сразу после получения известий из Петрограда о начавшейся революции. Тем самым И.А. Тропов убедительно развенчивает мифы о

будто бы ошибочной политике Временного правительства по смещению губернаторов и о том, что судьба революции была решена исключительно в Петрограде, а провинция лишь «спокойно приняла» свершившийся в столице переворот.

И.А. Тропов отказался от ранее весьма распространенного в историографии деления органов власти на «революционно-демократические» и «буржуазные». Вместо этого он предлагает другую типологизацию, критерием которой является комплексный подход к составу, способам формирования и формально-правовому статусу рассматриваемых органов власти. Исходя из этого критерия, И.А. Тропов выделил и исследовал местные административные структуры (правительственные комиссары в губерниях и уездах), общественные органы (исполкомы общественных организаций и советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) и общественно-административные органы (городское и земское самоуправление, а также земельные и продовольственные комитеты).

Несомненный научный интерес представляет характеристика отдельных звеньев системы местной власти в России в 1917 г.: обстоятельства их возникновения, социальный и партийный состав, функции и результаты деятельности. Однако особо значимым нам представляется общий вывод, сделанный автором. И.А. Тропов утверждает, что уже к началу лета 1917 г. органы местной власти в России находились в крайне сложном, противоречивом положении, а к осени того же года это положение еще больше усугубилось, став, по сути, критическим. Для обозначения состояния местных органов власти в этот период И.А. Тропов ввел в научный оборот новый термин – «взаимоблокирующий характер взаимодействия» местных органов власти. Этот вывод не только четко отражает проблемы функционирования всей системы местной власти при Временном правительстве, но и позволяет глубже понять объективные причины Октябрьской революции 1917 г.

Думается, что содержательная и новаторская книга И.А. Тропова является серьезным вкладом в исследование проблем трансформации Российского государства в период революции 1917 г. и, несомненно, вызовет широкий научный и общественный интерес.

Сведения об авторах

Бринюк Надежда Юрьевна – соискатель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: brinyuk@rambler.ru.

Головина Ольга Сергеевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: golovinaols@gmail.com

Гостенков Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Макаров Егор Павлович – аспирант кафедры всеобщей истории, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия; e-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

Николаенко Петр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, заслуженный работник Высшей школы РФ; e-mail: dr.nikolaenko@mail.ru

Россохина Анастасия Владимировна – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: nastia1825@mail.ru

Садыгов Рашад Асад оглы – преподаватель кафедры международных отношений, Бакинский государственный университет; e-mail: itropov@ya.ru

Сидорова Виктория Сергеевна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: samanta_d@mail.ru

Скворцов Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Степанов Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан; e-mail: stepanowm@yandex.ru

Судариков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: iv.sудариков@gmail.com

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru.

Хеорхе Иван Иванович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: aksik8686@mail.ru

Шавлаева Тамара Магамедовна – кандидат исторических наук, доцент, Чеченский государственный университет; e-mail: tamara-shavlaeva@yandex.ru

Шевнина Лилия Валерьевна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: lilichka.shev@gmail.com

Шустов Сергей Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии, Прикамский социальный институт, г. Пермь; e-mail: lana_schust@bk.ru

Юдин Павел Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru

Якуб Гази Ибрагим – независимый публицист, г. Вантаа, Финляндия; e-mail: itropov@ya.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
ОБЪЯВЛЯЕТ:

**1. КОНКУРС НА ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА:**

1.1. Кафедра литературы и русского языка:

- доцента – 1,0 ставка.

1.2. Кафедра физической культуры и спорта:

- доцента – 0,25 ставки.

Срок подачи документов – месяц со дня опубликования объявления

**АДРЕС: 196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10, учёный секретарь
Пн.-пт.: с 9.00 до 17.00; тел.: 451 – 91 – 73.**

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 4
Том 4. История**

Выпускающий редактор *А. А. Титова*
Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*

Подписано в печать 20.12.2011. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,75. Тираж 500 экз. Заказ № 722

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а